

ЖУРНАЛ «ЛЕХАИМ»

**ДЕКАБРЬ
2001**

**КИСЛЕВ
5762**

N 12 (116)

ПОДНЯТЬСЯ ВЫШЕ ЗВЕЗД

Когда мы хотим кого-то поздравить, то с особым чувством говорим: «Мазл тов!» А что значит «мазл»?

Чтобы ответить на этот вопрос обратимся сначала к еврейскому календарю.

Как известно, еврейский календарь основан на лунном цикле, хотя учитывается в нем и солнечный. Как и у григорианского, основанного на солнечном цикле, у него 12 месяцев. Мы знаем, что любая мельчайшая деталь мира имеет глубокий смысл. Как-то Баал-Шем-Тов сказал ученикам: если ветер перевернул лист, значит, на то есть воля Б-га. Ученики не поняли его, но через некоторое время увидели, как маленький листик, перевернувшись, накрыл своей тенью червяка, погибавшего на солнце. У всякой хорошей хозяйки нет случайных вещей, все имеет свое предназначение и определенное место. Б-г — настоящий хозяин этого мира, и каждая мельчайшая деталь, с какой бы мы ни соприкасались, не случайна и имеет свой особый смысл, как правило, даже несколько. Так, алфавит для евреев не просто буквы: традиция рассказывает, что это 22 инструмента, с помощью которых был построен мир. Особого начертания 5 «конечных» букв, «софитов», содержат в себе тайну геулы — нашего избавления с приходом Мошиаха. Духовный смысл имеют и огласовки, и, конечно, числа. Не случайно в году 12 месяцев, не больше и не меньше. С чем еще связано это число? 12 колен Израилевых. 12 часов дня и 12 ночи. 12 знаков Зодиака...

Так что же такое «мазл»? «Мазл» — «созвездие», «знак Зодиака», «планета», «жребий, судьба, рок», «счастье, удача». Эта цепочка смыслов наглядно показывает, что они взаимосвязаны. «Мазл» происходит от еврейского слова «мозел» — течет. Через мазлы, созвездия, знаки Зодиака, «стекает, изливается» Б-жественное благословение. Когда мы видим, как у одного человека все складывается удачно, все получается, а у другого нет, нам непонятно, почему так происходит, пути Б-га нам неизвестны. Но поздравляя кого-то, мы, не сознавая того, желаем, чтобы Б-г через знак Зодиака этого человека всегда посылал ему «тов», «хорошее» — помогал и защищал.

Теперь другой вопрос: есть ли связь мазла с 12 часами дня и 12 часами ночи? Есть. Как каждый месяц года, так и час имеет свой мазл. Зодиак движется. Мы не понимаем, как это действует на нас, но действует, это точно.

Известна история, произошедшая с Алтер Ребе, когда он сидел в тюрьме. Как-то ночью к нему зашел человек. Он увидел, что Алтер Ребе бодрствует и спросил, почему, ведь уже 2 часа ночи. Алтер Ребе поправил его и назвал точное время. Ночной гость очень удивился: откуда этому еврею в одиночной камере известно точное время без часов? Ребе ответил, что он знает, как движутся планеты, и что каждый час имеет свой знак Зодиака.

Есть много еврейских законов, которые необходимо исполнять в определенное время. И связана эта необходимость с Зодиаком. У каждого дела свой наиболее благоприятный час, который определен Б-гом. Это Его «приемные часы» по разным «вопросам». В основе жизни мира — непроницаемое святое четырехбуквенное Имя Б-га, оно состоит из четырех букв — двух «эй», «йод» и «вов». От перестановки этих букв изменяется воздействие Б-га на Его творения. Всего 12 вариантов черехбуквенного Имени Б-га. С каждым из этих вариантов связаны определенный час и день, и месяц. И 12 колен

Израилевых тоже связаны с вариантами Имени Б-га, то есть качествами, которые они в себе несут, и со знаками Зодиака, и с планетами. Все связано со всем.

В еврейском календаре есть более счастливые месяцы, например Адар. И решение сложных вопросов евреи всегда стараются отложить до этого месяца. Танах рассказывает нам о счастливом жребии евреев в Пурим (но мы помним, что делали евреи Персии, чтобы их жребий был таким: молились, раскаивались и постились, значит, наше участие в собственном благополучии неизбежно). Есть менее удачные месяцы, такие как Ав, Хешван, хотя обещано, что в дальнейшем они станут временем огромной радости: 9 Ава родится Мошиах, потомок Давида, а в Хешване будет освящен третий Храм.

Или возьмем Тишрей. Ему соответствуют созвездие Весы (в это время Б-г судит мир, определяет его будущее), планета Венера (в еврейской традиции Нога), которая связана с любовью: именно с любовью мы обращаемся к Б-гу, говоря Ему сначала о своем раскаянии, о желании объединиться с Ним, а с середины месяца, в праздник Суккос, уже получив милосердный приговор, с благодарностью радуемся, что объединение с Б-гом состоялось – это время самой большой радости в году), колено Эфраима, сына Йосефа. Буквы четырехбуквенного Имени Б-га в это время образуют слово «веайя» – «и было» или «и будет». В Танахе это слово предшествует всегда хорошему, счастью. Мы все в Тишрее этого от души желаем себе и друг другу. Кстати, знаки Зодиака подсказывают нам, какие качества в какое время лучше развивать, каким влиянием подвержен мир.

В древности евреи знали астрологию. В Торе мы читаем, что Аврааму в силу этого знания было известно, что у них с Сарой не должно быть детей. Но в своем служении Б-гу Авраам достиг такого уровня совершенства, что его судьбу определяли уже не мазлы, а Всевышний непосредственно. Б-жественная воля выше зодиакальных предначертаний. В главе Лех Лехо про Авраама сказано так: «И вывел Он его наружу» – то есть наш праотец смог увидеть звезды не снизу, как обычно, а сверху. Чего удостоился он, возможно и для нас. Поэтому еврейская традиция учит: нет мазла у еврея, он может и должен быть выше этого.

Итак, с одной стороны, мы видим, сколько еврейских тем «крутится» вокруг Зодиака. С другой стороны, знаем, что еврей не должен планировать свою жизнь по гороскопу (к тому же люди, которые сегодня составляют гороскопы, без сомнения, мало что понимают в этом деле). С одной стороны, человек рождается в определенный день и час с определенными заложенными Б-гом качествами, отраженными в знаке Зодиака. С другой стороны, мы говорим, что каждый еврей имеет возможность подняться выше своего мазла: через молитвы, через выполнение заповедей, через добрые дела изменить «мазл» и дойти до Б-га. Все знаки Зодиака, которые влияют на человека, – это обычный, природный путь. Но есть задачи, поставленные перед человеком свыше, и ему даны силы подняться очень высоко. Это путь кардинальных перемен.

Есть пути и корректирующие. Например, когда, испытывая неприятности, человек меняет место жительства или работы, изменяется и его мазл, возможно, к лучшему. Если у человека очень тяжелая ситуация со здоровьем или в судьбе, можно изменить имя. У кого из евреев нет еврейского имени, очень плохо. Имя – тот личный канал, через который человек получает Б-жественную силу.

Б-г милосерден: все то хорошее, что нам суждено, неизменно, но негативное можно изменить раскаянием, молитвами и добрыми делами. Вся еврейская история

служит тому примером. У каждого есть возможность подняться выше, человеку всегда дается такой шанс.

Каждый миг и день, и год нашей жизни на земле мы должны понимать, что живем не для того, чтобы упускать это время. У времени очень большой смысл. Образно говоря, это тот путь, на который поставлена наша жизнь. А наша высшая задача – подняться выше времени и пространства, которые ограничены, ближе к Б-гу, как наши праотцы, как Моисей и Давид. В то же самое время нам нужно понимать, что минута, час, день, год – это повторяющиеся циклы, «винтовые лестницы» разного масштаба, по которым нам предназначено совершать непрерывный подъем (причем, остановка в этом движении не фиксируется: как для машины, которая, когда буксует, вязнет, «пробуксовка» для нас – движение вниз. В каждый следующий миг, час и так далее наше отношение к жизни имеет уже другой уровень, и с нас уже другой спрос.

Каждый год в определенные месяцы мы отмечаем одни и те же праздники, но каждый раз они наполнены новой силой, которая поступает через мазл. Если действовать с ее помощью, жизнь меняется. Но человек поднимается вверх только в том случае, если он работает над собой, старается улучшить жизнь. Первая работа еврейского народа – служение Б-гу. Через наши молитвы и правильные действия нам дается огромная сила. С их помощью можно изменить к лучшему весь мировой путь. И на нас Б-гом возложена эта задача.

Мы видим, что верующие люди смотрят на гороскоп скептически. Главное внимание уделяется учебе, молитвам, добрым делам. И это правильно: не надо терять времени, нужно видеть цель и стремиться к ней изо всех сил.

Сейчас у нас Кислев – это радостный и праздничный месяц. Ему соответствует знак Стрельца, или в еврейской традиции Лук, который символизирует силу молитвы. Когда ее возносят из глубины сердца, она достигает Небес. Качества месяца – вера, крепость духа, духовное самосовершенствование, защита. С Кислевым связан очень большой праздник, который называют хасидским новым годом – 19 Кислева вышел из тюрьмы Алтер Ребе. С его освобождением хасиды получили подтверждение, что это новое тогда учение будет продолжать развиваться. А 25 Кислева – праздник Ханука. Он учит нас, что духовная сила одерживает верх над физической. Чудес заслуживает не тот, кто их ждет, а тот, кто в служении Всевышнему способен превзойти себя.

Áëááí úé dáááéí Dîmèè Áádè Éáçàð

НЕ СЛИШКОМ ЛИ МНОГО НОТ?

№111 Bêlâmi

Опросы общественного мнения об отношении к религии свидетельствуют: единства в этом вопросе у американцев нет. Согласно последнему опросу 80 – 90% утверждают, что они верят в Б-га, однако 40 – 50% говорят, что предписаний религии не соблюдают.

Что ж, если религия – это всего лишь комплекс правил и ритуалов, перечень того, что человеку следует или не следует делать, то с этой точки зрения вряд ли соблюдение религиозных предписаний приблизит человека к Б-гу. Если Б-г всемогущ и бесконечен, трансцендентен и вообще не поддается описанию, то почему введение новых ограничений и правил в нашей и без того ограниченной и стесненной жизни может стать способом приблизиться к Нему?

Однако, как это ни парадоксально, кроме религиозно-духовного аспекта человеческого опыта, на протяжении веков всякий раз, когда человек пытался сбросить с себя узы мирского, обыденного, он делал это, подчиняя себя структурированному, даже жесткому кодексу поведения.

Я люблю иллюстрировать это положение дисциплиной в музыке. В нотной гамме столько-то нот, и никто – даже самый великий музыкант – не может ни создать дополнительные ноты, ни уменьшить число уже имеющихся. Всякий желающий играть на музыкальном инструменте или сочинять музыку должен подчиняться этой абсолютной, нерушимой системе.

Тем не менее в рамках этой системы композитор создает музыкальное произведение, которое берет за сердце, затрагивает в нем нечто такое, что не поддается описанию и тем более определению. Пользуясь предельно точной «формулой» музыки, автор создает произведения, переносищие слушателя за рамки повседневной жизни с ее строгими законами физики и математики.

Теперь представьте себе музыкальную дисциплину, законы которой диктует Изобретатель и Создатель жизни, Тот, кому известны все сильные и все уязвимые стороны жизни, все потенциальные возможности и все чувствительные ее места.

Хорошо. Но зачем так *і і і аі* законов? Почему эта дисциплина должна диктовать нам даже как спать и как пробуждаться и фактически вмешиваться во все, происходящее в нашей жизни с момента пробуждения до того, как отойти ко сну?

Да потому, что жизнь со всей ее бесконечной сложностью – это не что иное, как наш «инструмент» связи с Б-гом. И каждая «нота» в «гамме» должна быть максимально использована ради того, чтобы с Б-гом обеспечить оптимальную связь.

Поскольку в качестве метафоры мы избрали музыку, то как не процитировать знаменитый анекдот об эрцгерцоге австрийском Фердинанде, сказавшем Моцарту: «Прекрасная музыка, но слишком много нот!». На что композитор ответил: «Да, Ваше Величество, но ни одной лишней!».

МЫ ПРОЩАЕМСЯ С СОНЦЕМ

«Вместе с Сонцем ушла целая эпоха в жизни нашей общины. Творя новую эпоху, мы постараемся быть верными его памяти».

Àéààí úé ðàààéí Èàçàí è

è Òàò àðíò àí à Èöòàé Àí ðàééé

А хочется сказать – с Солнцем: столько добрых дел сделал этот человек, столько принес света и тепла, столько сумел зажечь еврейских сердец, что не измерить...

В ночь на 1 ноября в возрасте 56 лет умер председатель иудейской религиозной общины Казани, художественный руководитель ансамбля «Симха» Леонид Давидович Сонц (предположительно от обширного инфаркта).

Леонид Сонц от начала до конца своей жизни был евреем и только евреем, однако судьба его берегла. Родители его жили в Житомире, и в 1941 году чудом избежали гибели от рук нацистов. Почти все их родственники и знакомые были заживо погребены в пригороде Житомира – Богунье. Семью спас отец: успел вывезти ее из города в первые часы войны. А в Житомир вернулись уже только в 45-м – с родившимся в Андижане Леней.

С раннего детства мальчика начали учить игре на скрипке. И Леонид Давидович вспоминал в интервью последних лет, как отец «гонялся за ним по двору, чтобы засадить за музыку». Но в 12 лет вдруг все само собой уладилось: хорошо учась в школе, мальчик принялся «вкалывать» на скрипке по восемь-девять часов. Может быть, наконец заговорили «музыкальные» гены – дедушка по материнской линии А. Штекелис был известным житомирским клейзмером.

В 15 лет Леонид оставил дом: сначала поступил в Луцкое музыкальное училище, потом в Казанскую консерваторию, которую с блеском закончил. Казань показалась ему оазисом по сравнению с Украиной, настолько редки были не только случаи антисемитизма, но и национальной розни. Русские, татары, марийцы, чуваша, евреи, украинцы жили в этом городе как в большой семье.

Отслужив в армии, где главным его занятием стала организация самодеятельности (приобретенный здесь бесценный администраторский опыт немало помог в дальнейшем), Леонид поступил в Государственный симфонический оркестр Татарстана, которым руководил в ту пору Н. Рахлин — один из плеяды гениальных дирижеров, «сосланный» в Казань. Работа под руководством Рахлина отшлифовала талант

молодого музыканта, ставшего вскоре концертмейстером группы первых скрипок в оркестре.

Когда после десятилетий репрессий в стране наконец-то оказалось возможным создание еврейских культурных центров, Сонц, долго не раздумывая, стал одним из учредителей казанского еврейского культурного центра «Менора» при татарском отделении Всероссийского фонда культуры. Было это в 1988-м, а спустя год на свет появился клейзмерский ансамбль «Симха», ставший первым – и единственным – в России высокопрофессиональным еврейским музыкальным коллективом. Музыканты (5 инструменталистов и 3 вокалиста) обратились к истокам национальной музыкальной культуры, их исполнение было глубоко романтичным и эмоциональным. Репертуар ансамбля оказался необычайно широк: две еврейских программы, несколько программ классической и популярной музыки, джаз.

Уже с самого начала «Симха» принимал активное участие в еврейской музыкальной жизни России, затем СНГ. За 12 лет им были сыграны сотни концертов и здесь, и в странах ближнего и дальнего зарубежья. Ни один еврейский фестиваль не мог обойтись без этого ансамбля, будь то Вильнюс, Биробиджан, Казань, Витебск или Цфат, где по традиции проходят международные клейзмерские фестивали. А с 1995 года в Петербурге стали ежегодно проходить фестивали клейзмерской музыки «Клезфест», собиравшие музыкантов со всего мира. Все это было достигнуто благодаря энергии и таланту Сонца.

Кроме того, ансамбль активно сотрудничал с возникавшими в России и ближнем зарубежье клейзмерскими молодежными коллективами, помогая им встать на ноги. Еще одним делом его художественного руководителя стало проведение мастер-класса для еврейских певцов и музыкантов из России и СНГ совместно с Петербургским центром искусств и американским Фондом развития общин.

В 1993-м Леониду Солнцу было присвоено звание заслуженного артиста Республики Татарстан. Будучи человеком скромным, он не гнался за званиями и почестями, довольствовался полученным.

Казалось бы, такая богатая профессиональная жизнь музыканта должна захватить человека целиком, не оставляя ни для чего другого ни сил, ни времени. Однако главным делом жизни Леонида Сонца стала не музыка: в 1990 году он еще возглавил иудейскую религиозную общину Казани.

Наша традиция учит, что вместе с трудностями Б-г посылает людям силы, чтоб их достало для преодоления проблем. Откуда же еще могло взяться у Сонца столько энергии! Ему удалось вернуть казанской общине здание синагоги, отобранной у евреев в 1929 году. И хотя ремонтные работы в ней еще не завершены, действует она уже шесть лет. Были созданы национальные общеобразовательная и воскресная школы, молодежный центр, спортивное общество «Маккаби», танцевальный ансамбль «Израэль», молодежный ансамбль «Лехаим», благотворительный центр «Хесед Моше», библиотека с читальным залом, клуб «Золотой возраст», десятки кружков для людей любого возраста. Авторитет и дружеские отношения Леонида Сонца практически со всеми активистами еврейского возрождения в Казани обеспечили общине спокойную жизнь и процветание, оберегая ее от расколов, каких немало было в общинах других городов.

Занимаясь делами евреев Казани, Леонид Давидович живо интересовался положением других общин страны. Он стал одним из семи инициаторов образования

Федерации еврейских общин России в 1999 году, поддерживая ее создание всеми силами, не исключая и своего знаменитого ансамбля, который, конечно же, выступил на учредительном съезде.

Но и этим не исчерпывались его дела. Отдохнуть, расслабиться после напряженнейшей работы Сонцу позволяли его многочисленные хобби, по количеству и разнообразию которых он не знал себе равных: книги, афоризмы (в этой коллекции почетное место занимали высказывания его учителя Н.Г. Рахлина, «последнего дирижера-романтика», как его называл Сонц), коллекционирование скрипок, марок, пластинок, парфюма, он был страстным грибником... Ангелом он не был – был человеком.

Он любил суматошный Иерусалим: «его воздух, его безалаберность и даже его неряшливость». И как всякий правоверный еврей хотел умереть там, «если Б-г даст». Но жить хотел только в России. И ради этого в свое время отказался от американского гражданства. «Я нужен здесь. Здесь мое место», – в этом он был уверен.

Узнав о смерти Леонида Сонца, откуда только люди не съехались в Казань... Прощание с ним состоялось 2 ноября в синагоге. Главный раввин России Берл Лазар не смог приехать, но слова, которые он сказал, стали достойным эпилогом жизни Сонца: «Вся еврейская община России скорбит вместе с общиной Казани. И я испытываю скорбь не только потому, что ушел от нас выдающийся музыкант, бывший одной из центральных фигур возрождения российского еврейства, но и потому, что потерял хорошего друга, который часто помогал мне добрым советом. Особенно трагично то, что Леонид Сонц ушел от нас так рано. Однако даже за короткий срок, отпущенный ему судьбой, он успел сделать больше, чем многие другие, прожившие весьма длинную жизнь».

ДЕКАБРЬСКИЕ НОВОСТИ

ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИН

**ГЛАВНЫЙ РАВВИН РОССИИ БЕРЛ ЛАЗАР ВСТРЕТИЛСЯ С
ГУБЕРНАТОРАМИ РЯЗАНИ И ТУЛЫ И В ТАЛЛИНЕ ПРИНЯЛ УЧАСТИЕ**

В ЦЕРЕМОНИИ ВНЕСЕНИЯ СВИТКА ТОРЫ В СИНАГОГУ

**«ОТНОШЕНИЕ К ЕВРЕЯМ ВСЕГДА БЫЛО ЛАКМУСОВОЙ БУМАЖКОЙ
СОСТОЯНИЯ ОБЩЕСТВА»**

Главный раввин России Берл Лазар посетил Рязань с рабочим визитом. Его встреча с главой администрации Рязанской области Вячеславом Любимовым была посвящена принципиальным вопросам жизнедеятельности еврейской общины. Раввин выразил обеспокоенность актами вандализма, совершенными в городе: около года назад фашиствующие молодчики совершили хулиганское нападение на помещение воскресной еврейской школы, а недавно произошел очередной инцидент – был совершен поджог городской синагоги. Вячеслав Любимов заверил главного раввина России, что эти вопиющие факты не отражают отношения к еврейской общине структур власти и жителей города. «Мы всегда оказывали и будем оказывать содействие развитию национальных культур народов, живущих в нашей области, – сказал губернатор. – И мы возмущены и будем бороться с любыми проявлениями экстремизма, с любыми хулиганскими выходками и преступлениями».

На встрече с В. Стародубцевым.

В ходе визита раввин Берл Лазар побывал в здании сгоревшей синагоги, где ведутся восстановительные работы, встретился с учащимися еврейской воскресной школы, представителями деловых кругов и общественности города.

Во время однодневной поездки в Тулу главный раввин России принял участие в церемонии открытия Центра еврейской общины, входящей в Федерацию еврейских общин России и объединяющей около трех тысяч человек. Здесь уже работают воскресная школа и молодежный клуб, планируется создание школы искусств и благотворительной столовой. Теперь тульские евреи смогут молиться не только в синагоге, которая находится на самой окраине города, но и в новом общинном центре.

В здании сгоревшей рязанской синагоги.

«В Туле сильная и динамично развивающаяся община, – сказал р. Берл Лазар. – Я хорошо знаю и ценю ее председателя Леонида Райхлина. Но то, что я увидел, превзошло все ожидания. Я восхищен».

Главный раввин России встретился с губернатором области Василием Стародубцевым. Они обсудили перспективы развития городской еврейской общины. Губернатор поблагодарил раввина за «усилия по возрождению духовных ценностей в России».

На встрече с В. Любимовым.

В беседе р. Берл Лазар отметил, что сейчас в России действует более 200 еврейских общин, которые активно взаимодействуют с местными органами власти. Он поблагодарил губернатора за создание необходимых условий для жизнедеятельности тульской общины, организованной в мае прошлого года. «Отношение к евреям, – сказал он, – всегда было лакмусовой бумажкой состояния общества. И то, что область и город поддерживают общинное движение, – хороший знак». В этой связи р. Берл Лазар подчеркнул, что «социальная обстановка в городе может служить примером для многих регионов России».

Обе стороны выразили удовлетворение тем, как еврейская община оказывает гуманитарную помощь тульским больницам и школам. Р. Берл Лазар заверил: это благое дело будет продолжено и впредь. В ходе беседы Василий Стародубцев заметил, что среди его близких друзей есть евреи, в том числе бывший директор предприятия «Краснодарский чай» восьмидесятилетний Устин Штейман, ныне живущий в Москве. Р. Берл Лазар выразил желание познакомиться с другом губернатора: «Как только вернусь в Москву, – пообещал он, – обязательно приглашу господина Штеймана к себе в гости». Завершая встречу, губернатор Стародубцев подарил гостю традиционный расписной тульский самовар.

Из Тулы – с самоварами.

ЧУДО ВОЗРОЖДЕНИЯ

Религиозная община таллинских евреев одна из старейших в Европе, однако своего свитка Торы у нее нет: во время войны пропали почти все имеющиеся в общине свитки. До сих пор в синагоге Таллина пользовались свитком, переданным частными лицами, но и он уже сильно изношен. А как известно, даже самый небольшой дефект делает свиток непригодным к ритуальному использованию.

Кроме этой проблемы, есть у таллинских евреев и другая: с 1941 года – вот уж поистине печальный юбилей – 60 лет, в таллинской общине не было своего раввина. И когда в апреле этого года в город, наконец, приехал молодой раввин Шмуэл Кот, его первой заботой, конечно же, стало решение проблемы с новым свитком Торы. Этот бесценный дар преподнес общине дед жены раввина – Мойше Ласкар, подаривший также дорогие ритуальные принадлежности для Торы.

24 октября в центральную синагогу Эстонии наконец-то был внесен новый свиток Торы. На празднике были мэр города, министр по делам народонаселения, духовные лидеры религиозных конфессий, дипломаты, представители еврейских религиозных общин Стокгольма, Хельсинки, Риги, Вильнюса, Петербурга. Среди почетных гостей были главный раввин России Берл Лазар и руководитель образовательного штаба всемирной сети движения Хабад-Любавич, раввин из Нью-Йорка Мойше Котлярский. Древний церемониал завершился торжественным приемом гостей в актовом зале таллинской еврейской школы.

Выступая на приеме, главный раввин России Берл Лазар сказал, что состоявшееся в последнее время возрождение еврейских общин иначе как чудо воспринять нельзя. «Территория бывшего Советского Союза, в который входила и Эстония, была единственным местом в мире, где в последние 70-80 лет еврейства в традиционном смысле этого слова почти не существовало, и вот сегодня мы повсюду видим возрождение еврейской жизни, – констатировал он. – Никто раньше не верил, что возродятся даже такие маленькие еврейские общины, как в Эстонии». Раввин также отметил, что еврейская община чувствует постоянное внимание эстонских властей, в том числе главы правительства и президента республики, к своим нуждам. Он подчеркнул: проявлений антисемитизма в Эстонии за последние годы отмечено не было.

ПАМЯТЬ

Бабий Яр на Украине, к сожалению, не единственное захоронение, где покоятся останки десятков тысяч евреев, убитых немецкими фашистами. Отовсюду, где когда-то были гетто и производились массовые расстрелы, представители еврейских общин собрали землю и привезли в Киев. 30 сентября там прошла торжественная церемония, посвященная 60-летию трагедии в Бабьем Яру. На церемонии в присутствии президента Украины Леонида Кучмы председатель донецкого областного отделения Украинского

союза жертв нацизма Ефим Гельфонд передал директору Украинского института по проблемам жертв Холокоста Борису Забарко землю с Мемориального комплекса Шахты 4-4 бис на хранение в музей Холокоста в Киеве. Эта земля пропитана кровью двадцати пяти тысяч евреев. Ее собирала комиссия в составе Ефима Гельфонда, председателя религиозной общины иудеев Донецка Иегуды Келермана, директора народного музея «Донбасс непокоренный» Зинаиды Букиемской, представителя Донецкого областного благотворительного фонда «Хесед-Цдака» Светланы Белоножко.

יְאִי אֱלֹהֵינוּ אָמֵן

ДОРОГА ДЛИНОЮ В ВЕЧНОСТЬ: ПРАЗДНИКИ И БУДНИ ОСЕННЕЙ ПОРЫ

Нет в еврейском календаре более напряженной, более ответственной поры, чем эти торжественные дни месяца Тишрей, когда каждый еврей должен отчитаться перед Всевышним во всех своих деяниях, так или иначе даже помимо нашей воли воздействующих на формирование мира, его настоящего и будущего, раскаяться в неблагоприятных поступках, рассеянных в беспорядочной суете, принять важные для себя решения, взять обязательства на будущее. Даже те, кто обычно не задумывается о высшей ответственности, и то в эти дни нередко приходят в синагогу.

В этом году осенние праздники отмечали десятки тысяч евреев. Много веков, тысячелетий идут они своей, одной и той же дорогой, давно проторенной и тем не менее всякий раз новой – дорогой длиною в вечность.

РОССИЯ, ТИШРЕЙ 5762

Праздник Рош а-Шона открыто стали отмечать в Биробиджане только почти через 60 лет после государственного акта об утверждении Еврейской автономной области. 5762 год биробиджанская община «Фрейд» встречала в своем новом, но уже достаточно хорошо обжитом доме. Впрочем, по сложившейся традиции торжественные вечера по случаю главных еврейских праздников проходят в городском Дворце культуры, где обычно бывает яблоку негде упасть. Областной центр Еврейской автономии зрелищными мероприятиями не избалован, а примечание в афишах «Вход свободный» делает еврейские празднества в Биробиджане общегородскими. Во Дворец культуры приходят и стар, и млад, ветераны нередко в сопровождении правнуков.

В фойе ДК, распахнувшем двери для многочисленных гостей на Рош а-Шона, звучали музыка, песни на идише и иврите. В фойе была небольшая экспозиция книг и буклетов, рассказывающих о сущности и обычаях праздника. На видном месте красовались символы первого дня месяца Тишрей – яблоки и мед. Выставку

информационно-справочной литературы организовали для гостей работники местного представительства Еврейского агентства в России.

«Новогодний вечер начался с поздравлений и добрых пожеланий, – написал нам Валерий Фоменко. – Затем на сцене развернулось драматическое действо, повествующее о вечном противостоянии Добра и Зла – композиция, составленная по мотивам Танаха. Труппа молодых самодеятельных артистов постаралась сделать все, чтобы зрители ощутили значимость дня, открывающего собой не просто еще один календарный год, но и совершенно новый этап жизни человека и человечества.

Звучат тревожные музыкальные аккорды, то гаснет, то вновь загорается свет, слышны мольбы о прощении, страстные покаяния молитвенного речитатива. «Кто мы, Господи? Куда мы идем? Услышь голос сердец наших!..» И вот в напряженной тишине зала звучит голос древнего, как сам еврейский народ, шофара. Слово в глубину веков смещается время, и оживают голоса пророков в распеве псалма, обращенного к Предвечному... Действие, происходящее на сцене, дало возможность зрителям хотя бы отчасти почувствовать особый дух коллективной молитвы.

Далеко не всем, кто сюда пришел, случалось в своей жизни бывать в синагоге. К сожалению, все еще нет здесь раввина. Но, как говорится, всему свое время. Хотя приобщение к духовным истокам своего народа – дело не столько времени, сколько действия, личного и коллективного.

Завершилась торжественная часть новогоднего вечера – зазвучали голоса скрипок, зазвенели песни, закружились, сменяя друг друга, в огневом танце хороводы. Зал отзывался рукоплесканиями, восторженными возгласами, подпевал и аплодировал в такт – и так было хорошо, что программа праздничного концерта-представления неожиданно показалась короткой. И это красноречивей любых похвал».

Торжественно отметили наступление «своего» нового года учащиеся еврейской воскресной школы. На детский утренник в честь Рош а-Шона пришли папы и мамы младших ребят, так что актовый зал оказался заполнен до предела. Праздник отметили и в общинных клубах и объединениях биробиджанского «Фрейда». Встретили с открытой душой и легким сердцем. По еврейской народной традиции.

В небольшом российском городе Кинешме празднование Рош а-Шона прошло в благотворительной столовой и в офисе общины. Но больше всего гостей собралось в гостинично-ресторанном комплексе «Садко». Председатель общины Юрий Левин зачитал поздравление главного раввина России Берла Лазара и рассказал о традициях месяца Тишрей. Праздничное застолье отвечало духу еврейской традиции: зажигание свечей, трапеза с общепринятыми новогодними блюдами, трубление в шофар. Как всегда, большим успехом пользовались выступления учеников воскресной еврейской школы, женской группы «Подруги», молодежного ансамбля.

Впервые в гостях у еврейской общины побывали представители городской администрации.

На глазах общины произошла очень трогательная встреча четырех сестер Вестер, собравшихся на праздник в Кинешме. В общей сложности им более трехсот лет. Когда-то их дед был раввином в Орше. Во время войны судьба занесла семью в Сибирь, затем еще дальше – на Сахалин. А для двух сестер родным стал небольшой город на Волге. Одна из них здесь работает бухгалтером, вторая – врачом. Две другие сестры прилетели из Южно-Сахалинска. Они тоже медики. Все сестры вспоминали, как праздновали Рош а-Шона много лет назад. Общине они пожелали доброго и сладкого года.

Начало осени в Волжском для еврейской общины было ознаменовано в нынешнем году тремя заметными событиями, главное из которых, конечно, празднование Рош а-Шона. Зал с трудом вместил всех желающих: за столами собралось более 120 человек. После небольшого концерта с участием инструментального ансамбля общины женщины зажгли праздничные свечи – началось традиционное застолье.

Другое важное событие очень кстати подоспело к первому – община получила благотворительную помощь от GIARN и раздала ее нуждающимся. 24 посылки были переданы семьям бойцов Волжского ОМОНа – участникам антитеррористической операции в Чечне.

И наконец, третье событие – начало нового учебного года в еврейской воскресной школе. По-прежнему в ней учатся дети трех возрастных групп: 6-9, 9-12 и 12-17 лет. Занятия проходят в помещении общины и проводят их лучшие учителя города. Дети изучают традиции, иврит, еврейскую историю, разучивают национальные песни и танцы. Кроме того, их учат этике, логике. Проводятся консультации по математике.

В течение последнего года активно работает еврейский молодежный клуб Владикавказа. При значительной моральной и материальной поддержке Еврейского общества «Шолом», которым руководит Марк Борисович Петрушанский, члены молодежного клуба встречают Субботу, отмечают еврейские праздники, участвуют в развлекательных программах, а еще – убирают еврейское кладбище, разносят праздничные продуктовые наборы престарелым людям, помогают проводить праздники для младших групп воскресной школы.

Интересно отметили ребята Рош а-Шона. Представление с музыкальными и танцевальными номерами под руководством лидера молодежного клуба Софии Кобаивановой с участием Виктории Гончаровой, Анатолия Мехельсона, Натальи Болговой, Елены Давыдовой, Елены Берко и многих других. Завершился вечер праздничным застольем и дискотекой. Среди гостей были ребята из молодежного клуба «Гилель» Ростова-на-Дону.

Какие планы у клуба? Развивать многосторонние отношения с московским «Гилелем» и другими молодежными организациями, создать собственный вокально-инструментальный ансамбль, совершенствовать образовательные и развлекательные программы (очередность не случайна: веселись, а дело помни!).

Праздничный вечер в честь Рош а-Шона состоялся и в Нижнем Новгороде. Он собрал в синагоге около 400 человек. Всех приветствовали главный раввин Нижегородской области Шимон Бергман и председатель Еврейской религиозной общины Э. М. Чапрак. Открыл концертную программу ансамбль «Лехаим», в программе вечера прозвучала еврейская музыка в исполнении гостя из Израиля кантора Ш. Флайшмана и видного нижегородского артиста Г. Курскова. Кульминацией стало торжественное Б-гослужение. Когда расходились по домам, все получили подарки.

Праздничные мероприятия были подготовлены при участии молодежного клуба, многочисленных гостей из-за рубежа. На праздник Симхас Тойра в Нижегородской синагоге собрались почти полторы сотни молодых евреев.

Еврейская религиозная община Набережных Челнов свой первый новогодний вечер провела в кафе, где собрались 260 человек, и местное телевидение осветило это событие в городских новостях.

Еврейская община «Шалом» отметила Рош а-Шона в доме дружбы народов «Родник», там присутствовали также гости из общины Нижнекамска.

В городах Чебоксары и Йошкар-Ола также прошли массовые празднования, новогодние застолья.

Не смог вместить всех желающих в день Рош а-Шона актовый зал городского почтамта Твери – только немногим более 300 человек.

В Иванове новогодний праздник отметили около 400 человек – это больше, чем планировало руководство общины. В программе принял участие нижегородский ансамбль «Фрейлахс». Праздничные торжества еврейской общины широко освещались в местных средствах массовой информации.

В Костроме около 200 человек приняли участие в торжественных молитвах и обширной культурной программе. Наряду с руководством еврейской общины большую лепту в подготовку торжеств внесли местный филиал Еврейского агентства в России и молодежный клуб. На празднование Рош а-Шона из Москвы приехал раввин Мойше Тамарин в сопровождении двух представителей Хабада.

Костромская община восьмой раз отпраздновала еврейские осенние праздники. На Суккос возле синагоги выросла сукка, однако из-за холодной и дождливой погоды трапезу пришлось проводить на синагогальной кухне. В один из праздничных дней в Костромской муниципальной художественной галерее состоялся торжественный вечер, на котором присутствовали более 250 гостей. Это событие снимало костромское телевидение.

На празднование Рош а-Шона в Кирове собрались около 150 человек. После молитвы были трапеза, а затем концерт фортепианной и вокальной музыки.

В канун осенних праздников община Рыбинска получила 32 продуктовых набора для малообеспеченных людей и ветеранов войны. Евреи отмечали Рош а-Шона в столовой Авиатехнологической академии. На вечере выступил вокально-танцевальный ансамбль.

Праздник Суккос проводила рыбинская религиозная община «Лехаим». Активисты общины возвели сукку. Были угощение и танцы. В праздничных программах принял участие ансамбль «Эстер».

Массовые праздничные программы прошли также в общинах Калуги, Липецка и Ельца. В каждой из них в праздниках приняли участие около 100 человек.

Праздновали Рош а-Шона в Тамбове. В актовом зале школы № 5 присутствовали около 200 человек. Местное телевидение показало сюжет о празднике в еврейской общине, интервью с ее председателем И.С. Мишиевым.

В одном из ресторанов Тулы на торжественный вечер по случаю Рош а-Шона собралось 160 человек. Почетными гостями были депутаты городского законодательного собрания.

В Рязани на Рош а-Шона были приглашены представители армянской, азербайджанской и немецкой общин, секретари областных комитетов СПС и «Единства». Праздник отмечался в специально арендованном кафе. Информация о нем была напечатана в региональном выпуске «Комсомольской правды».

А в Брянске евреи отмечали свой новый год в синагоге. После традиционного Б-гослужения, как это принято, прошла праздничная трапеза. В Суккос, кроме традиционного застолья в сукке, большой интерес вызвал детский утренник в синагоге.

Интересно и содержательно отмечали осенние праздники в небольших еврейских общинах городов Клинцы, Новозыбков и Сураж.

Еврейская община Орла отметила Рош а-Шона в специально арендованном помещении. Собрались около 200 человек. «Евреи стали дружнее, а община – более влиятельной», – отметил Семен Лившиц, председатель религиозной общины «Центр Шалом», и эти слова вызвали приятное оживление в зале. Праздник отметили по-семейному, приготовив много вкусных еврейских блюд. На вечере выступили артисты областной филармонии и ТюЗа.

На Суккос большой концерт с участием артистов местных театров собрал несколько сот зрителей.

Праздничный концерт в честь Рош а-Шона прошел и в городском Доме дружбы Омска. Зрители с удовольствием слушали песни в исполнении хора ветеранов «Золотая осень», ансамбля клейзмерской музыки, выступили учащиеся воскресной школы при синагоге «Ор-Хадаш». Поздравить общину пришли представители новосибирского филиала Еврейского агентства в России – руководитель Виктор Бен-Кнаан и его заместитель Аркадий Гольфгат, обратившийся к собравшимся с праздничным приветствием.

В Петрозаводске в общинном праздновании Рош а-Шона приняли участие около 250 человек. С приветственным словом выступил председатель религиозной общины Д. Цвибель. Всех собравшихся поздравил с праздником директор Хесэда «Агамим» М. Бравый. В синагоге состоялась молитва, был накрыт праздничный стол.

Суккос религиозная община готовила вместе с Хесэдом. Зал синагоги был переоборудован в сукку, которую украшали гирлянды, сделанные подопечными Хесэда.

Впервые в истории еврейской общины Магнитогорска праздник Рош а-шона начался с традиционных благословений и звуков шофара. Председатель общины И.Я. Котляр зачитал поздравление главного раввина России Берла Лазара. С приветственным словом обратились к присутствующим исполнительный директор еврейского культурного центра Р.З. Ладзынь и директор Хесэда «Эзра» Г.Г. Атеев. После торжественной церемонии состоялся праздничный концерт, собравший около 400 человек.

Празднование Суккоса прошло в два этапа: в первой половине дня в сукке за праздничным столом собрались представители старшего поколения, во второй – молодежь.

В Троицке накануне Рош а-Шона в районной газете «Троицкая ярмарка» под заголовком «Веселого и сладкого Нового года» было опубликовано интервью с секретарем еврейской общины Е.Я. Шехтман. Праздничная церемония началась молитвой. Когда огласили поздравление главного раввина России Берла Лазара, раздались торжественные звуки шофара.

На Суккос по специальному заказу общины был изготовлен каркас из металлических труб для сукки, стены сделали из материи, а крышу по традиции – из веток. В строительстве сукки приняла участие вся община!

В городе Курган 260 членов еврейской общины собрались в столовой педагогического университета. С приветственным словом выступил перед ними председатель общины Г.Е. Добрусин. Член совета И.И. Пельцвергер рассказал о традициях Рош а-Шона, прозвучал шофар и началась праздничная концертная программа... Суккос еврейская община Кургана отмечала впервые за многие десятилетия.

На праздник Рош а-Шона в Златоусте собралось более 100 человек. В еврейскую общину в этот день пришли представители администрации города, были гости из Израиля. Зал библиотеки, где проходил вечер, был украшен флагами Израиля и ФЕОР. После традиционных поздравлений состоялся праздничный концерт.

В этом году Суккос в городе праздновался необычно. Ранние холода, снег не позволили построить сукку на улице, и члены общины решили отметить праздник в местном краеведческом музее. После небольшой экскурсии по его залам все собрались на праздничную трапезу.

В городе Коркино в Рош а-Шона состоялось знаменательное событие – открылся еврейский общинный центр! Деятельную помощь в организации ремонтных работ и приобретении оборудования для офиса оказала ФЕОР. Еврейская община получила в подарок к празднику махзоры, шофар, а к ним и 25 продуктовых наборов. Председатель общины С.А. Нухимзон зачитал поздравление главного раввина России Берла Лазара и лично поздравил всех присутствовавших с праздником.

620 человек пришли на новогодний праздник в челябинский Дворец железнодорожников. Раввин Меир Кирш и председатель еврейской общины «Иудим» А.И. Жук выступили с поздравлениями, затем раввин протрубил в шофар – это было для горожан важное событие. Состоялся концерт. А на следующий день праздник продолжился в синагоге. К Суккосу у синагоги была построена большая сукка, на 150 человек.

Новогодний праздник в городе Миассе евреи отмечали и в еврейском общинном центре, украшенном флагами Израиля и ФЕОР, и в еврейской воскресной школе. После Йом Кипура в школьном дворе была построена сукка, в которой побывали в

праздники 50 человек. Большую работу по организации и проведению праздничных мероприятий проделал председатель общины И.А. Герштейн.

Орский еврейский культурный центр «Лев Хам» организовал празднование Рош а-Шона не только для своих горожан, но и для евреев Новотроицка. В фойе Дворца нефтехимиков были накрыты праздничные столы. Со словами приветствия выступили президент центра «Лев Хам» В.И. Фридман, мэр города Юрий Черноусов, представитель Тюменской нефтяной компании Александр Грабовский, директор еврейской воскресной школы Софья Бухарева. Когда прозвучал шофар, начался праздничный концерт.

Празднование Рош а-Шона в Краснодаре прошло в этом году особенно торжественно: городскую общину посетил раввин из США Меир Ньюман, который привез с собой в дар шофар и свиток Торы.

В Дербенте в синагоге на Рош а-Шона состоялась праздничная трапеза, начавшаяся поздравлением председателя общины Давида Абрамовича Давыдова. Затем праздник переместился на улицу, и прямо перед зданием синагоги состоялся концерт молодых артистов. Поздравить еврейскую общину пришел заместитель главы администрации Дербента Даниил Ильич Данилов.

В рамках празднования Суккоса в офисе еврейской общины Архангельска состоялась встреча деловых людей и общественных деятелей с активистами еврейской общины. После зажжения свечей, кидуша и праздничной молитвы председатель общины В. Бовыкин рассказал об истории архангельских евреев и деятельности еврейских организаций города в последние годы.

В Сортавала эта осень особенная – за всю историю города еврейский праздник прошел здесь первый раз! На берегу Ладоги в торжественно убранном зале ресторана «Волна» собрались 59 человек разных возрастов. Многие из них, прожив в одном городе всю жизнь, встретились впервые. Праздник был организован председателем выборгской иудейской общины Львом Креймером при активном участии недавно избранного председателя еврейской общины города Петра Цейтлина.

Суккос в Выборге отмечали около 130 человек. В числе гостей праздника были представители администрации города и района, а также студенты из Израиля Швейгер Перец и Рот Хахи Давид. Все собрались в специально арендованном помещении, внутри которого была сукка, построенная при участии учеников воскресной еврейской школы.

Праздник открыл председатель иудейской общины Выборга и Выборгского района Лев Креймер, который зачитал все поступившие в адрес общины поздравления. С приветствиями выступили представители ФЕОР, некоторых еврейских общин городов России, Украины, Белоруссии, администрации города, а также депутаты законодательного собрания Ленинградской области. Вел праздник раввин Абель Шлосберг. После традиционной трапезы ученики еврейской воскресной школы начали концерт. В

праздничной программе приняли участие более 170 членов выборгской иудейской общины.

Впервые за последние 70 лет отметил

а Суккос и еврейская община Сыктывкара! Несмотря на то что местный климат не позволяет жить в шалаше, молодежь построила сукку, и люди не преминули в ней побывать – целых 60 человек!

Праздничные мероприятия прошли также в еврейских общинах Волгограда, Владивостока, Ижевска и других городов Российской Федерации.

УКРАИНА, ТИШРЕЙ 5762

ДНЕПРОПЕТРОВСК

Днепропетровская региональная программа «Тишрей 5762 в регионе» началась основательно – с двух подготовительных семинаров. В зале синагоги «Золотая Роза» собрались лидеры еврейских общин Днепропетровской области. Вел семинар раввин Днепродзержинска Леви Стамблер. Главный раввин Днепропетровска и области Шмуэль Каминецкий, подводя итоги уходящего года, поздравил всех с наступающими праздниками, пожелал сладкого нового года.

Семинар для лидеров еврейских общин Черкасской и Кировоградской областей прошел в Смеле. Ведущий программы Шимон Сокол рассказал о традициях месяца Тишрей, познакомил с особыми молитвами Рош а-Шона, Йом Кипура и Суккоса, ответил на вопросы.

В преддверии нового еврейского года в Днепродзержинске и Кривом Роге состоялись праздничные концерты, организованные Федерацией иудейских общин Украины и «Джойнтом».

В этом году в программе «Тишрей 5762 в регионе» принимали участие общины 22 городов, помогали восемь посланников – учащихся Днепропетровской ешивы. Благодаря р. Э. Бараму и р. М. Фурлендеру праздничными мероприятиями руководили высококвалифицированные духовные наставники. Они помогли в строительстве сукки, научили благословениям на четыре вида растений, организовали праздничные молитвы, а в завершение устроили «Акофос».

Неоценимую помощь Объединению иудейских общин днепропетровского региона в подготовке и организации праздника Суккос оказал «Хесед Менахем» (директор Игорь Кижнер). Программа «Тишрей 5762 в регионе» осуществляется благодаря плодотворному сотрудничеству Днепропетровской еврейской религиозной общины (председатель р. Ш. Каминецкий) и Федерации иудейских общин Украины (президент р. М. Стамблер).

Днепропетровская хоральная синагога «Золотая Роза» весь Йом Кипур была переполнена: здесь молились и стар и млад.

«Для людей, мало сведущих в иудаизме, Йом Кипур – главный день их связи с еврейством, – пишет нам Авраам Севрюгин. – Несмотря на строгий пост это не только Судный день, это еще праздник – праздник раскаяния. Торжественно выглядели талесы молящихся, звучало дружное пение молитв, празднично блестели одухотворенные глаза евреев... И вот заключительная молитва Йом Кипура “Неила”. Она звучит перед заходом солнца, когда “запираются” врата Небес. В синагоге душевный подъем и волнение. Член попечительского совета Днепропетровской еврейской общины, народный депутат Украины Виктор Михайлович Пинчук открывает дверцы Арон-койдеша – наступает последнее мгновение перед тем как решится судьба каждого еврея на будущий год. Снова звучит шофар, и многоголосый хор на едином выдохе произносит: “В следующем году в Иерусалиме”».

В Днепропетровске климат мягкий, и ничто не помешало иудеям в Суккос на семь дней переселиться из домов в сукки, выполнив все надлежащие заповеди.

Еврейская община Днепропетровска делает все возможное, чтобы приобщить евреев к выполнению заповедей Торы. Детям уделяется особое внимание. В этом году сотни еврейских детей, учащихся школы «Ор Авнер – Хабад-Любавич», махона и ешивы, а также воспитанники детского сада «Илана» во время Суккоса приняли участие в поездке на теплоходе по Днепру на Зеленый остров. Местная община и всемирная детская организация «Цивос Ашем» сделали все, чтобы этот день запомнился детям надолго.

Директор «Цивос Ашем» реб Йосиф Глик и преподаватели ешивы, рассказав об обычаях праздника, тут же объявили конкурс на лучшую сукку, которую дети должны были построить из подручных материалов. Не прошло и получаса как остров покрылся десятками шалашей самой разнообразной конструкции. Но это было лишь начало праздника... «Очень важное ожидало каждого в главной сукке, – пишет Юлия Сарид. – Небольшими группами заходили туда ребята, чтобы выполнить заповедь праздника “арбаа миним”. Многие впервые в жизни держали в руках букет из четырех видов растений, и я думаю, теперь они будут стараться выполнить эту заповедь каждый год, независимо от того, где будут находиться... А как все удивились, когда отведали в сукке еду! Впервые в нашем городе были приготовлены кошерные хот-доги. Ну а какой праздник без игр, без общения, без песен? Все, и взрослые, и дети, ощущали себя большой еврейской семьей, семьей вечной, существующей, куда существует этот мир, созданный Единым Всемогущим Б-гом».

ДОНЕЦК

К новому 5762 году в еврейской общине Донбасса готовились серьезно и основательно.

Приехавшие из Израиля посланники Любавичского Ребе Арье-Зеев Липскер, Дан-Исроэль, Леви-Ицхок Вагнер, Шнеур-Залман Вышецкий, Довид Розенцвиг, Йосеф Байтш и дончане Михоэл-Исроэл Гольдин и Александр-Михоэл Кац готовились к проведению Рош а-Шона в Донецке и еще в Мариуполе, Славянске, Макеевке – во многих городах области, где еврейские общины насчитывают от 40 до 200 человек. Финансировала проведение праздничных мероприятий донецкая еврейская община. Главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий провел подготовительный семинар, назначил ответственных за сохранность свитков Торы, выдачу талисов и молитвенников. Был приготовлен кошерный виноградный сок для кидуша. В донецкой синагоге, где ожидалось особенно много посетителей, провели специальные мероприятия по обеспечению безопасности. Организацией всех праздничных мероприятий в городах области руководил Аарон Вагнер.

...И вот нарядно одетые евреи идут в синагогу: родители с детьми, молодежь, пожилые люди. Среди собравшихся много людей, известных не только в общине, но и в городе – народные депутаты, руководители предприятий, предприниматели, государственные служащие. Женщины и девочки зажгли свечи. После праздничной молитвы всех пригласили на трапезу, где, конечно же, были яблоки с медом – символ «сладкой» жизни.

Утром снова началась праздничная молитва. К чтению Торы приглашались самые уважаемые и почитаемые в общине люди, и среди них те, кто оказывает материальную помощь синагоге...

Раввин Пинхас Вышецкий берет в руки шофар: он баал атокеа – человек, трубящий в шофар – полномочный представитель народа перед Б-гом... В первый день праздника после трубления в шофар директор еврейского общинного центра Михаил Савранский и педагог-организатор Юлия Вирина пригласили всех ребят в центр детского творчества. Пока родители на улице обменивались впечатлениями, они приняли участие в различных конкурсах и викторинах и, конечно, получили призы и подарки. После дневной молитвы был ташлих, то есть символическое освобождение от грехов. День закончился Мааривом и взаимными поздравлениями: «Дай Б-г, чтобы вы были записаны на счастливый год в Книге жизни и запись эта была скреплена печатью!»

Канун Йом Кипур, как всегда, начался с обряда капорос. Рано утром еврейский детский сад и еврейскую школу посетили Михоэл Гольдин и Зеев Андрусак с белоснежными птицами: для мальчиков предназначались петухи, для девочек – курицы. Участь птиц после исполнения обряда известна: они попадают в ошип и в суп в благотворительной столовой. Для остальных евреев города капорос проводили Аарон Вагнер и Иеошуа Вышецкий. В ранние утренние часы множество мужчин и женщин пришли во двор еврейского общинного центра, что рядом с синагогой, чтобы совершить обряд.

Перед началом молитвы «Кол нидрей», которую читают до захода солнца, зал синагоги был полон. Арон Койдеш открыл Борис Яковлевич Масс. Затем достали три свитка Торы, увенчанные серебряными коронами, и вручили их Ефиму Леонидовичу Звягильскому, Семену Леонидовичу Гринбанду и Роману Григорьевичу Добкину. Открыть Арон Кодеш и держать свитки Торы во время чтения молитвы «Кол нидрей» – очень большая честь, оказываемая самым уважаемым членам общины.

Утром синагога вновь заполнилась людьми. После чтения Торы в память об умерших молитва читают изкор, а во время дневной молитвы – «мафтир Йона», повествующий о том, как Б-г отменил приговор, вынесенный грешным жителям города Ниневи, потому что они раскаялись, услышав предостережения от пророка Йоны.

Наступил Суккос. Шалаш построили во дворе синагоги. Все дни праздника трапезы проходили только в сукке. Это было похоже на веселый пикник в лесу. Но в шалаше пахло не только свежей зеленью, но и чем-то очень далеким и родным, тем, что многие из нас не могут выразить словами, но чувствуют, что с этим родились. Возможно, это воздух большой сукки в Иерусалиме, в которой соберется весь еврейский народ с приходом Мошаха.

Очень много людей пришло в синагогу, чтобы выполнить заповедь «арбаа миним». А к тем, кто не мог придти в сукку, в течение нескольких дней молодые Леви-Шахна Бернадинер, Давид Студеникин, Руслан Трамбовецкий ходили на дом. Ребята посетили около 300 человек. Помочь еврею в исполнении заповеди – большая заслуга.

Во времена Храма существовал обычай совершать в эти дни возлияние воды на Храмовый жертвенник. Этот ритуал сопровождался таким весельем, что родилась поговорка: «Кто не видел веселья возлияния воды на жертвенник, тот никогда не видел веселья»... В большом банкетном зале гостиницы «Олимп», любезно предоставленном Ефимом Звягильским, состоялся праздник. Для веселья все было готово: и огромный танцевальный зал с блестящим паркетом, и праздничное угощение, и ценные подарки, и музыкальное сопровождение, и яркая программа во главе с ведущей Ириной Резник. Все это предназначалось для женщин. А рядом с синагогой возле сукки в это время веселились мужчины. Шаул Меламед и Аарон Вагнер танцевали. Чуть позже к ним присоединились члены еврейской общины, студенты «Большой», «Маленькой» и

«Вечерней» ешив. Превратив улицу перед синагогой в танцплощадку, евреи азартно отплясывали, не стесняясь и не

боясь. Главный раввин Донбасса Пинхас Вышецкий, председатель еврейской общины Иегуда Келлерман, директор общинного центра Михаил Савранский и их юные подопечные из ешивы – все, взявшись за руки, плясали в общем кругу. «Ради того, чтобы увидеть это, стоило жить!» – сказал участвовавший в общем веселье пенсионер Борис Юдицкий.

В день Симхас Тойры в молитвенном зале синагоги освободили центральную часть, чтобы совершить Акофос, то есть праздничное кружение вокруг бимы, принятое вечером после Маарива и утром после чтения особого гимна под названием Алель. В этот день к чтению Торы вызывают всех мужчин и мальчиков, находящихся в зале. Над головами детей разворачивают талис, словно хупу, и читают священную Книгу. А затем хазан говорит благословение: «Всевышний да благословит этих юношей и да расплодятся они на земле, подобно рыбам в море». Очень красивое зрелище открывалось с балкона, где сидели женщины. Подобно лепесткам ромашки, укрытые белоснежными талисами стояли еврейские мальчики: учащиеся иешив, ученики школы «Ор Менахем», питомцы еврейского детского сада и совсем маленькие, еще плохо умеющие ходить, но уже танцующие с игрушечными свитками Торы на плечах своих отцов.

Когда поводом для веселья служит Тора – это святое веселье... Евреи любят веселиться.

СУККОС НА РАТУШНОЙ ПЛОЩАДИ

В столице Литвы на Ратушной площади уже третий год в атмосфере радости и единения отмечается веселый праздник Суккос. В этом году здесь в центре старого Вильнюса собрались евреи от мала до велика. На площади была установлена сукка. День выдался на удивление солнечный, теплый.

Праздник открыл раввин Шолом-Бер Кринский. Затем выступили дети школы «Бейс Менахем»: их веселые, дружные, красивые голоса звучали на всю площадь.

Праздник изобилует развлекательными программами для детей и взрослых, аттракционами, где огромная сказочная рыба и разноцветный большой ринг-батут, от которых трудно было оторвать малышей. Факир заморозил детей и взрослых. Дрессированные собачки и веселые клоуны тоже понравились всем. Праздник украшала прекрасная еврейская музыка, песни любимых музыкантов и зажигательные танцы. День пролетел незаметно, на прощание раввин Шолом-Бер Кринский и ребец Дина пригласили евреев на Симхас Тойру в синагогу, где должен был завершиться цикл осенних праздников.

Материал рубрики подготовила Ирина Резвова по корреспонденциям Валерия Фоменко (Биробиджан), Ангелины Корниловой (Кинешма), Гарри Тарловского (Волжский), Леонида Резникова (Рязань), Дениса Давыдова (Владикавказ), Игоря Романова (Днепропетровск) и других, а также по материалам информационно-аналитического департамента ФЕОР

Нынешний год станет в Биробиджане годом рождения новой традиции – в День Катастрофы и Дни памяти киевских евреев, погибших в Бабьем Яру, собираться во дворе общинного дома «Фрейд» у памятного знака с надписью «Жертвам Катастрофы». В день 60-й годовщины расстрелов в Бабьем Яру сюда пришли старшеклассники биробиджанской государственной еврейской школы № 2. В общинной библиотеке прошел у них открытый урок, потом ребята побывали на книжной выставке, посвященной этой скорбной дате. У памятного камня состоялся траурный митинг.

ДАВАЙТЕ ПОЗНАКОМИМСЯ!

Осень для евреев – не только время веселых праздников, но и хлопотливая пора начала занятий в системе национального образования. В воскресной школе Рязани начался шестой учебный год. Первые ученики уже выросли, некоторые уехали из города, но все они навсегда запомнят школьные уроки, на которых еще детьми начали приобщаться к родным традициям, изучать историю, иврит, петь свои еврейские, песни и танцевать, как это принято у евреев. Все эти годы школой бесценно руководит Валерия Резникова.

«В этом году педагогический коллектив решил поближе познакомить учеников друг с другом и с учителями, – рассказала директор. – А потом родилась идея: а что если привлечь к этому и родителей? Многие из них регулярно бывают в школе. И ответ пришел сам собой: нужно организовать общую встречу учеников, родителей и учителей, обсудить планы на год, выслушать предложения. По нашему мнению, это должно пойти на пользу учебному процессу. Идея нашла одобрение и у руководства еврейской общины, оно помогло решить возникшие организационные и финансовые вопросы.

В назначенный день собравшихся у школы учителей и родителей с детьми посадили в автобус и отправили в пригородный поселок Солотча, где на базе отдыха одного из предприятий всех ожидала насыщенная двухдневная программа. Она началась нестандартно – с психотренинга под руководством опытного специалиста. В первую очередь занятие было рассчитано на родителей и детей, оно позволило им лучше узнать друг друга, понять характеры и мотивы поведения. А потом закипела жизнь: надо было поучаствовать в танцевально-песенном марафоне на еврейские темы, побороться за приз в спортивных состязаниях, погулять в лесу... В общем, свободного времени оставалось немного. Но об этом никто и не жалел. Два дня пролетели как миг. Глядя на детей, радовавшихся новым знакомствам, и на родителей, радовавшихся за своих детей, было очевидно: все задуманное получилось».

БИЛЕТОВ ХВАТИТ НА ВСЕХ

Вы когда-нибудь катались на еврейской детской железной дороге? А что, такая бывает? Чтобы убедиться в этом, стоит заглянуть в детский сад еврейской общины Донецка. Машинист Мотя Каминштейн твердой рукой уверенно ведет состав, а «служащие» дороги приглашают гостей на поезд и желают им счастливого пути. Первая остановка – Рош а-Шона. Здесь ребята рассказали родителям об обычаях и традициях праздника, посоревновались, кто быстрее накормит маму яблоками, предварительно завязав ей глаза. Потом малыши с родителями танцевали, а Мойше Вышецкий отлично сплясал с Мушкой Каминштейн.

Но машинист дает сигнал, и состав идет дальше – на станцию Йом Кипур. Здесь пассажиры узнали, что в саду есть весы, на чашах которых лежат записки с указанием хороших и плохих дел. Чаша хороших дел, слава Б-гу, оказалась тяжелее. Потом родителям предложили разгадать ребусы. Но это оказалось для них делом непростым: только разворачивались плакаты с заданием и взрослые начинали думать, как дети уже кричали ответ. В конкурсах участвовали все, даже самые маленькие. Хани Канельская и Лиза Айнбиндер собирали кленовые листья, и все хором считали их на иврите.

Но долго состав стоять не может, и мы снова в пути. Впереди станция Суккос. Из разбросанных по полу картинок нужно выбрать только те, что соответствуют заповеди «арбаа миним». Для выполнения этой задачи Мушке Каминштейн понадобился всего один музыкальный аккорд. А потом все вместе называли составные суккотнего «букета»: арава, лулав, этрог, адас. А на станции Симхас Тойра танцующим со свитками Торы детям родители аккомпанировали на бубнах. Праздник удался на славу. Завершила его одна из бабушек, Любовь Марковна Харитонова, исполнившая на скрипке еврейские мелодии.

Спасибо маленьким «сотрудникам» детской еврейской железной дороги и их руководителям! Приходите, билетов всем хватит!

Марк Китайгородский, Галина Казимилова, Сергей Кубович

ПРАЗДНИК ЧУВСТВУЕТСЯ ОСОБО

Месяц Тишрей (в этом 5672 году с середины сентября по середину октября), буквально изобилующий праздниками, особую радость дарит евреям во второй своей половине. Ведь начинается он хоть и радостно, но с оглядкой на прожитый год, – с Рош а-Шона, когда Б-г начинает судить людей, за которым Дни трепета, раскаяния и в конце концов подписание приговора в Йом Кипур, день строжайшего поста и особых молитв.

Однако в жизни всему есть время – и труду, и отдыху, и строгости, и веселью. Самые веселые еврейские праздники – Суккос с шалашами и яствами, Шмини Ацерес и Симхас Тойра с танцами вокруг бимы со свитками Торы в руках, выпали в этом году на октябрь. О празднике Симхас Тойра разговор особый – во все времена даже самых страшных запретов евреи Москвы в этот вечер собирались на «горке» – на улице Архипова и с гордостью, в национальных танцах, в песнях являли свое еврейство, радуясь ему всем врагам назло, вопреки всем запретам.

Еврейские праздники неизменно связаны с историей народа, они свидетельствуют о событиях прошлого, протягивая их смысловую нить в сегодняшний день. Из поколения в поколение эмоционально переживая былое, мы учимся на опыте предков стойко преодолевать трудности, не предаваться унынию и при случае радоваться так, чтобы потом этой радости хватило как минимум на год вперед. Таков и праздник Суккос – пик веселья годового цикла, когда, в очередной раз убедившись, что в мире царствует Творец, мы от радости пускаемся в пляс.

Слово «суккос» происходит от «сукка», – это «кущи», «шалаши». Семидневный праздник начинается в пятнадцатый день седьмого месяца года, как сообщает Тора. Суккос, один из трех главных еврейских праздников, упоминает еще Плутарх.

Считается, что первоначально это был чисто земледельческий праздник жатвы и сбора плодов. С древнейших времен паломники устремлялись в Иерусалим с дарами для Храма. Суккос посвящен Исходу из Египта и странствиям на пути к Земле Обетованной. Его очевидные приметы – во-первых, конечно, сукка, где согласно заповедям мужчины должны есть и спать в память о кущах, в которых Б-г поселил израильтян в пору их сорокалетних странствий по пустыне, и лулов с эсрогом (четыре вида растений, связанных вместе, и плод особого цитрусового дерева). Лулов с эсрогом символизирует единство разных частей еврейского народа, а правилам относительно сукки в Талмуде посвящен особый трактат «Сукка».

При соблюдении особых правил каждый сам себе, собственной семье может построить шалаш, и это очень желательно. В Израиле таких маленьких шалашей всегда множество, а в Москве в этом году был по крайней мере один: хасид со стажем, заместитель главного редактора Российской еврейской энциклопедии Зеев Вагнер построил его для себя на балконе своего офиса в центре города. Зато в больших шалашах недостатка в столице не было. Только в Марьиной роще построили целых два – крытые еловым лапником, душистые, просторные, гостеприимные; поменьше размером – как всегда, на Большой Бронной у раввина Ицхака Когана, у раввина Довида Карпова в Отрадном, в школе Ривки Вайс на улице Клары Цеткин – наверное, наиболее изысканно украшенный руками учениц... Думается, шалашей в городе было не менее двух десятков, так что желающие выполнить заповеди праздника, записанные в Торе, просто не имели возможности отказать себе в этом удовольствии – исполнить свой долг перед Творцом. Однако заметим: везде, в каждой сукке ждали еще большего числа гостей – всем хватило бы и места, и угощения, везде были опытные «инструкторы», готовые разъяснить, что делать и как.

Как рассказал директор отдела МЕОЦа “Бейс Хабед” Михоэл Мишуловин, в этом году впервые по Москве в дни Суккоса разъезжали 8 машин с шалашами “на борту” и пользовались большим успехом!

И все же если вы еще не бывали в сукке, не ждите, что она сама вдруг подъедет к вам на колесах, в будущем году непременно преодолите занятость, инерцию, робость, предубеждение, еще что-то и приходите сами по любому удобному вам адресу. И вы почувствуете... Впрочем, что говорить, надо почувствовать самому, как, к примеру, это

сделал в нынешнем году писатель, бывший главный редактор газеты «Вестник ЕАР», а ныне один из ведущих сотрудников системы «Ор Авнер» Феликс Дектор. Четверть века уже прожил он в Израиле, а пришел впервые в сукку и выполнил заповеди праздника Суккоса в Марьиной роще в 5762 году. Добро пожаловать и вам!

Осенние праздники в этом году МЕОЦ организовал по-особому. Впрочем, лучше один раз увидеть: красноречивей, чем слова, расскажут фотографии.

Иосиф Слободской

В ПАМЯТЬ О ПРАВЕДНИКАХ НАРОДОВ МИРА

29 октября в культурном центре МЕОЦа в Марьиной роще открылась фотовыставка «Праведники народов мира», посвященная в первую очередь людям, спасавшим евреев от физического геноцида в годы Холокоста, – дипломатам Ф. Фоли (Англия), Ч. Сугихара (Япония),

Р. Валленберге (Швеция) и многим другим. Экспозиция рассказывает и о спасенных. Специальный ее раздел посвящен представителям русской и мировой культуры, выступавшим против политики принудительной ассимиляции и духовной деградации нашего народа — Байрону, Лермонтову, Майкову, Горькому, Шаляпину и другим. Подготовило этот проект Общество Рауля Валленберга (90-летие шведского дипломата отмечается в будущем году) во главе с кандидатом искусствоведения, председателем его российского отделения Ресиным Григорием Кузьмичом. На открытии выставки звучали слова благодарности главному раввину России Берлу Лазару и Александру Бороде за оказание реальной помощи в организации выставки.

На открытии выставки.

В одном из залов МЕОЦа накануне ее открытия прошло собрание активистов общества. Оно началось зажиганием поминальной свечи и молитвой: «...Будут помянуты перед Тобой души всех праведников народов мира, которые самоотверженно укрывали и

спасали евреев от страшной насильственной смерти. И среди них – сын народа Швеции Рауль Валленберг...»

В этом собрании приняла участие и праведница из Канады, внучатая племянница Шолом-Алейхема, в роду которой были известные раввины, Светлана Ильинична Коган-Рабинович. Прощедшая ужасы гетто и сталинских лагерей, она собрала 120 книг и 200 документов о еврейской традиции и Холокосте, а также коллекцию литературы и картин по хасидизму. «По крохам собираю эти сведения, – рассказала она, – чтобы они стали достоянием будущего. Этому я посвятила всю свою жизнь». Дважды в год эта женщина приезжает в Россию, чтобы побывать на могиле мужа, бывшего разведчика. Кстати в Торонто, где она живет, как и в Москве, есть памятник Валленбергу.

На собрании общества состоялась презентация первого номера издания «Бюллетень Рауля Валленберга». Это издание посвящено как праведникам мира, так и вопросам культуры и истории еврейского народа. «Мы свято храним и чтим память наших заступников и будем передавать это из поколения в поколение, — в своем выступлении сказал доктор М.А.Ревкин. — И все же живем мы в первую очередь благодаря тому, что подвижники всегда были среди нашего народа. Наш народ богат такими людьми, которые своим великодушием, своей преданностью, своей жизнеутверждающей силой служат другим. Каждый из нас должен всячески стараться помогать тем, кто все силы прилагает ради сохранения памяти, фиксируя ее в воспоминаниях, эссе, в архивном материале».

Идея выставки состоит в том, чтобы сплотить евреев России и зарубежья, людей разных мировоззрений, образования и социального статуса вокруг общих национальных задач — оберегать наследие предков, память о них, сообща преодолевать трудности, помогая тем, кто пока еще не нашел дорогу к родной традиции, не открыл для себя мудрость заповедей Всевышнего и потому еще не находится в единстве со своим народом.

К сожалению зал, где проходило открытие выставки, был неполон, и Натан Койфман, который на протяжении двенадцати лет создает фотолетопись возрождения еврейской общины, обратился к собравшимся со словами, с которыми невозможно не согласиться. Он сказал: «Если бы вы взяли сюда своих внуков, то они не по учебнику могли бы узнать историю Холокоста, а воочию увидеть людей, побывавших на пороге жизни и смерти, собственными ушами услышали бы не речь учителя, прочитанную по бумажке, а живые свидетельства участников тех страшных событий. Если бы дети ваши пришли сюда и почувствовали атмосферу этого дома, которая создается главным раввином России Берлом Лазаром и его единомышленниками, подвижниками, они, я уверен, по-особому смотрели бы в завтрашний день. И глаза выступающих горели бы по-

особенному, как это было у нашего Совета, когда открывали бюст Раулю Валленбергу в Библиотеке иностранной литературы. Очень жаль, что мы сегодня не передаем эти знания тем, кому они необходимы. Кто знает, сколько нам еще отпущено дней».

С. Коган-Рабинович.

Не хотелось бы заканчивать на такой грустной ноте. Дай Б-г нашим уважаемым ветеранам, старейшинам долгих и добрых лет. И еще хотелось бы пожелать, особенно молодежи, почаще бывать на подобных мероприятиях, не чураться своего еврейства, не предаваться суетному, а как можно ответственной взглянуть в завтрашний день и понять раз и навсегда: мы – один народ, мы – братья, мы – друг другу опора, и сегодня у нас есть все, чтобы реализовывать потенциал, заложенный в нас самим Всевышним. Что же касается выставки, то, уверен, необходимо, чтобы ее смогли увидеть как можно больше людей в разных уголках страны.

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

ВОТ РВЕШЬСЯ ТЫ, ЕДИНСТВЕННАЯ НИТЬ...

Памяти Александра Аронова

20 октября, уже собравшись в Израиль, я узнал, что умер Александр Аронов, поэт и журналист, человек заметный и уважаемый в литературном мире Москвы. Отложить поездку не удалось, и угрызения совести меня не покидают, что я его не проводил.

Последний раз мы встретились с Сашей в редакции «Московского комсомольца», он вышел на работу после второго инсульта. Работать рвался — принес новые заметки в «колонку Аронова», без которой трудно себе представить «МК». Было это осенью 1997 года. Он сказал мне: «Старик, надо находить время дружить не по телефону. Я с тобой, пока болею, точнее, с твоим замечательным Эзрой (герой моей повести «Иов из Шполы». — М.Г.) общаюсь каждый день, а ты со мной — редкими звонками». Разумеется, я признал свою неправоту, но опять, как говорится, закрутился. Так живут многие люди моих лет. Когда можно и нужно встречаться, откладываем до лучших времен, забывая, что все мы давно уже попали в возраст потерь, а не находок. Периодически от общих знакомых что-то о Саше узнавал неутешительное.

Когда ушедшему из жизни человеку смотришь вслед, так или иначе задаешься вопросом: а был ли он счастлив? Я думаю, Александр Аронов в своей жизни счастлив был, потому что он имел своего читателя, массового, который начинал читать популярную газету с третьей полосы, с ароновской колонки. Он дружил с Иосифом Бродским и Евгением Евтушенко, Игорем Губерманом и Евгением Рейном и не случайно, ибо Саша сам был поэтом настоящим. «Никто не может быть хорошим поэтом без душевного огня», — заметил Цицерон. Уж в этом Саше не откажешь. Вот одно из любимых мною его стихотворений:

*Áî ò ðááóüŷ ò ù,
áäèí ñò ááí í äŷ í è ò ü
Ì í á ááç ò ááŷ í á áú í áñ è,
êí á: í î.
Êâè ÷ è äáá çááçáú
ñ áäè í è ò ü -
Ï ÷ ò è êí á: í óø
ñ ø áñ ò è êí á: í í è?
Ááá áí è è. Ááà í ðèçááí üŷ.
Æèçí ü è äáò,
È ÷ ò í áñá ñò áí í áè ò üŷ
í áááæ í î.
- Æèäü è êí í í óí èñò ù,
ø áá áí áðáá!
В áú õí æ á Á í áí ŷ ñò ðáëŷ è ò á
áááæ áú.*

Эти стихи написаны в молодости (конъюнктуры в них нет ни капли), возможно, под влиянием любимого им Бориса Слуцкого, у которого:

Í î æãí î, ÷ò î-ò î çíãò

è ãò îãè

Í à î áíã èñéí î úé

è èçã: í úé

Í î òíæèé í à î ò î ù:éó

í î

ãí ãíæã -

Ãã òãòüéí î òíã çãçãü

òãòèéíã: í îé.

В том, что пятиконечная и шестиконечная звезды несоединимы, Саша Аронов окончательно убедился в 1990 году – он тогда публично вышел из рядов КПСС.

Вспоминая его, не могу не рассказать о первой нашей встрече. Это было ранней весной 1969 года. Я принес в «МК» свои заметки о Маршаке, вернее, не заметки, а целую «диссертацию» – 24 печатных страницы. Прочитав их, он через несколько дней позвонил: «Печатать твое эссе о поэзии Маршака не буду. Не потому, что я не состою в числе его поклонников, а потому что ты слишком откровенно, навязчиво любишь его стихи. Напиши о нем что-то другое». Через несколько дней я принес другой вариант, где рассказывал, как С.Я. Маршак своими письмами помогал людям разного возраста, разных профессий. Прочитав при мне, Саша Аронов сказал: «Это пойдет. Спасибо». И в начале мая действительно пошло – слово он держал.

В 763-м номере израильского журнала «Круг» (март, 1992) была опубликована моя статья о Саше Аронове «Антисемитизм – проклятие самих антисемитов». Есть в ней и небольшое интервью. Об антисемитизме он тогда сказал: «Я убежден: антисемитизм – это и наше тяжелое испытание, и проклятие самих антисемитов, бороться с которым должны сами русские». А на вопрос, состоится ли, по его мнению, полный исход евреев из России, ответил: «Думаю – нет. Достаточно вспомнить исторические корни, многочисленные смешанные браки, в конце концов, кладбища... Наконец, нельзя сбрасывать со счетов, что от будущего еврейской общины в России зависит – уверен – судьба русской культуры, а значит, и самой России. Утратив еврейскую общину, русская культура потеряет нечто невозстановимое...»

Словно вняв его убежденности, Россия преобразовывается. Слава Б-гу, до этих дней Саша Аронов дожил. Он оставил добрый след в русской культуре, в русской жизни и сдобрил собой русскую землю. Как настоящий еврей.

Добрая ему память!

МНОГОВЕКОВАЯ НЕНАВИСТЬ, ИЛИ КТО ВИНОВАТ В АМЕРИКАНСКОЙ ТРАГЕДИИ

Ἐπί τεῶν Ἐπιπέδῳ

Трагедия 11 сентября 2001 года, случившаяся в Америке и потрясшая мир, уникальна по своим масштабам, кровожадности и бесчеловечности. Это если смотреть с высоты сегодняшнего дня. Если взглянуть на события черного вторника со смотровой площадки вчерашнего дня, а тем более с объективных и поучительных высот Истории, то каждый непредвзятый человек убедится, что человечество за, скажем, последние две тысячи лет знало события такого трагического масштаба, по сравнению с которыми крушение двух небоскребов и гибель нескольких тысяч людей покажутся кровавым штрихом на окрашенном кровью полотне так называемой человеческой цивилизации. Каждая новая трагедия – свежая рана, она болит и кровоточит, и ни одно человеческое сердце не может не заболеть, глядя на кадры нью-йоркского катаклизма. Мы становимся людьми, если взрыв в столице США воспринимаем как беду в своем доме. В своей стране. В своем сердце.

Президенты и правительства, спецслужбы и просто службы разного толка и калибра заняты поиском исполнителей акта вандализма. Я не принадлежу ни к одной из названных служб. Но если бы ко мне обратились за советом или с вопросом, известно ли мне имя исполнителя чудовищного преступления, я бы ответил с полной уверенностью: да, я знаю. Имя этому ЗЛУ – НЕНАВИСТЬ. Я не медик и не знаю, рождается ли человек с геном ненависти. Я литератор и историк и могу со всей ответственностью сказать, что вся история человечества, во всяком случае ее двух- трех последних тысячелетий, зиждилась и развивалась под фанфарные вопли ненависти, ее бравурные марши. Многоголовая гидра чудовища, как метастазы раковой опухоли, опутала и окутала мир, и чем цивилизованнее этот цивилизованный мир становится, тем опаснее горят в ночи нашего бытия налитые кровью глаза НЕНАВИСТИ.

Нет дня, чтобы ее жертвами не стали люди – дети, старики, женщины. Белые, черные, желтые. Во главе народов все чаще, но во всяком случае не реже, становятся проповедники расовых теорий, в основе которых все та же всеобъемлющая ненависть – к инородцу, инакомыслящему, а уж что касается евреев, то тут, как говорится, сам Сатана велел. Никому никогда не пришло в голову, что евреев можно бы иногда и любить. Мир не научился любить евреев. Это я лишнего хватил! Не любить, а воспринимать как равных. Между тем, я в этом уверен – пока мир не отступится от воспитанных веками стереотипов и не пригласит евреев в семью народов на равных правах, ничего хорошего в этом мире не будет. Ибо нельзя любить другие народы, постоянно ненавидя один народ.

И вот исходя из этой непреложной истины я заявляю: в трагедии 11 сентября 2001 года виноват антисемитизм! Никакое другое историческое явление не способно воспитать такой уровень ненависти, который подвигнул мракобесов на террористический акт подобного масштаба!

Я не стал бы писать эти свои заметки сразу же после нью-йоркской трагедии – дал бы успокоиться чувствам, уgomониться эмоциям. Но вечером мне позвонил родитель старшекласника одной из рижских престижных школ и, с трудом сдерживая себя, рассказал такую историю.

12 сентября, на второй день после трагедии в Нью-Йорке, учительница провела с детьми беседу на животрепещущую тему и сделала такой вывод:

– В американской трагедии виноваты евреи и Израиль. Если бы Соединенные Штаты Америки не поддерживали Израиль, арабские террористы не занимались бы террором в Америке.

Наши дети, слава Б-гу, люди мыслящие, и мысль педагога привела их сначала в замешательство, а потом вызвала бурную реакцию протеста. Но на учительницу, даму зрелую и самоуверенную, позиция детей не оказала никакого воздействия. Она покинула класс с гордо поднятой головой, как и надлежит представительнице титульной нации и истины в последней инстанции.

Не надо быть пророком, чтобы предсказать, кого может воспитать педагог – педагог ли? – убежденный, что во всем виноваты евреи... И случилось так, что в тот же день я получил письмо из Нью-Йорка от бывшей рижанки Аси Шиндельман. Вот строки из этого письма: «Уважаемый г-н Коваль, пишет вам благодарная Ася Шиндельман из Нью-Йорка. Огромное вам спасибо за ... “Книгу Спасителей”, которую нам привезли из Риги... Мы нашли в вашей книге несколько интересных моментов, связанных с нашей семьей... И мой муж Юдель Шиндельман родился в Смилтене, окончил до войны в 1935 году Smiltenes Valsts gimnaziju. Он учился в одном классе с описываемым вами убийцей евреев Янисом Зегиерсом... У нас имеется единственная фотография класса 1933 года. Высылаем вам копию – на ней Янис Зегнерс и мой муж... Кто мог тогда подумать, что так сложится судьба этих людей... Уж не учителя ли посеяли в их души семена антисемитизма?..»

Янис Лаймдотс Зегиерс... Юный и страшный смилтенский палач, сын провинциального учителя, с младых ногтей воспринял ненависть к евреям, и когда настал его час, час кровавого палача, он в своих зверствах превосходил самых отъявленных убийц. Он был даже приглашен в адъютанты к генералу Бенгерскому, командующему латышским легионом СС. До этого он свирепствовал в родном Смилтене... После войны он как беженец осел в Германии... Однажды, напившись, он разоткровенничался с одним из корреспондентов, рассказал, как в смилтенской тюрьме расстрелял в ночь на 23 октября и 21 ноября 1941 года две сотни евреев... До расстрела мучил, избивал, насиловал, заставлял есть собственный кал... Прошлое стало судьей палача и однажды ночью он повесился... В его кармане нашли записку: «Нигде не могу найти спасения. Ночами во сне все время вижу расстрелянных детишек с руками, сложенными для молитвы...»

Рижская учительница престижной школы плохо знает историю своей страны. Не говоря уже – об общечеловеческой истории. Учитель-невежда опасен вдвойне, ибо в силу своей темноты проповедует собственные исторические домыслы, что, в конечном счете, приводит к появлению учащихся типа Яниса Лаймдотса Зегиерса.

Американская трагедия должна пробудить человечество от летаргического сна равнодушия, от привычного и уютного образа мышления и поведения: бьют евреев и велосипедистов. А велосипедистов за что? После 11 сентября 2001 года мир заявил о своем новом, неостребованном пока голосе вопиющего в пустыне: или народы объединятся в борьбе со злом, или те, кто вооружен ядом ненависти, отравит последние колодцы Надежды.

Каждое явление имеет свой исток, когда-то оно зарождалось и дало о себе знать. Если мы не найдем истоки ненависти, если мы не сделаем выводы из этой находки, вскормленной веками, если мы не выйдем из плена истоптанных истин и, подобно Понтифику, не покаемся в своих грехах, если мы, как и тысячу, и две тысячи лет назад будем искать причину всех бед в евреях, трагедии будут преследовать наш мир с возрастающей силой. Мы – люди, и над всеми нами один Б-г. Он все помнит и знает... Он знает, почему появился Гитлер.

Год 1298. Евреев по ложному навету сожгли в маленьком немецком городке Реттингене.

Год 1348. Евреев обвиняют в отравлении колодцев. Их сжигают в Шильоне, Кастелле.

Год 1819. В Вюрцбурге студенты устроили еврейский погром, охвативший несколько городов Баварии.

Год 1938. Хрустальная ночь в Германии. Начало еврейской

Ἐὰν αἰὸς οἴῃ.

Год 1941. 4 июля в Риге сожжена Хоральная синагога вместе с евреями. Начало гибели 80 тысяч евреев Первой Латвийской Республики.

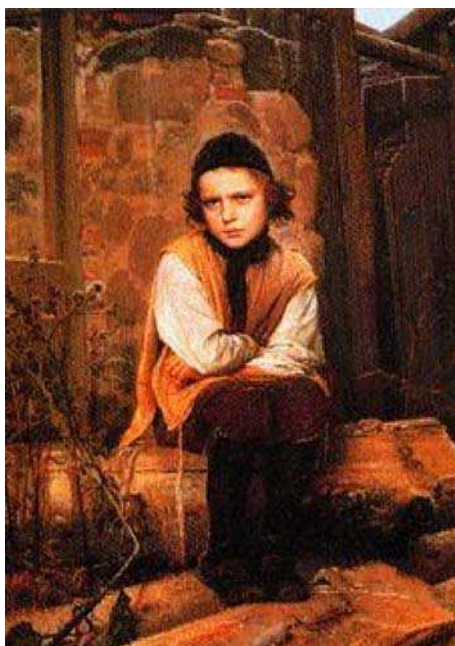
Год 2001. 11 сентября. Трагедия в Нью-Йорке. Исполнители – потомки варваров, воспитанные на многовековом антисемитизме.

12 сентября 2001 года. Учительница рижской школы обвиняет в американской трагедии евреев. Начнем сначала?

В ПОИСКАХ ВЗАИМОДОСТУПНЫХ И ДОБРЫХ ПУТЕЙ

עֵשָׂא דִּי אֵיירָאָד

Еврейский вопрос по-прежнему волнует умы, разжигает страсти. Его истории посвящены целые библиотеки книг. Вот и еще одна. Ее автор – писатель с мировым именем Александр Исаевич Солженицын, лауреат Нобелевской премии по литературе. Уже одно это не могло не вызвать всеобщего интереса. Книга разошлась едва ли не в один день. Более двадцати центральных российских газет («Известия», «Независимая газета», «Труд», «Литературная» и другие) опубликовали отклики и рецензии.

«Еврейский сиротка». И. Крамской.

В книге исследуются русско-еврейские взаимоотношения в ограниченном двухсотлетнем периоде. Но даже в таком узком рассмотрении тема сравнивается с «каленным клином», а ее написание – с хождением «по лезвию ножа». Однако автор выражает надежду «найти доброжелательных собеседников и в евреях, и в русских», а свою конечную задачу понимает так: «посильно разглядеть для будущего взаимодоступные и добрые пути русско-еврейских отношений».

«Я хочу осветить вопрос в исторических, политических, бытовых и культурных отношениях только, – и почти только в пределах совместной двухвековой жизни русских и евреев в одном государстве», – пишет автор. О необыкновенно тщательном, подчас даже

скрупулезном его подходе к поставленной задаче свидетельствуют многочисленные ссылки на российские и зарубежные источники: книги, газеты, журналы, протоколы заседаний, данные архивов, другие документы. Из 1600 ссылок 200 относятся к трудам известного еврейского историка Юлия Исидоровича Гессена и его «Истории еврейского народа в России», 500 – к еврейским энциклопедиям: Брокгауза и Ефрона и Краткой еврейской энциклопедии (Иерусалим).

Ю. Гессен был одним из организаторов «Общества для научных еврейских изданий», которое совместно со знаменитым издательством Брокгауза и Ефрона в 1906 году начало выпуск шестнадцатитомной Еврейской энциклопедии. Будучи секретарем редакции энциклопедии, он написал для этого издания 20 крупных статей. Труд его тех лет был настолько плодотворен, что до Октябрьской революции по еврейской истории он опубликовал 180 работ. Но после революции вышло только девять, и Гессен был вынужден «сменить специализацию» — работал в архивных управлениях, опубликовал ряд работ по истории труда, подготовил рукопись о завоевании Арктики... За четыре месяца до смерти в 1939 году он получил ученую степень доктора исторических наук.

Не остался без внимания и другой знаменитый еврейский историк С. Дубнов. Было изучено и мнение известных русских писателей: М. Салтыкова-Щедрина, Н. Лескова, В. Короленко и многих других (произведения Салтыкова-Щедрина «Июльское веяние» и Лескова «Евреи в России» были опубликованы в «Лехаиме» № 68 и № 87).

Интересно, что практически одновременно с Солженицыным на ту же тему писал книгу другой всемирно известный автор Феликс Кандель (Феликс Соломонович Камов), ныне живущий в Израиле. В своем трехтомнике «Очерки времен и событий; из истории российских евреев» (Иерусалим, 1988) Кандель повествует о жизни евреев России того же периода, что и Солженицын, – о тех же событиях, происходящих на том же историческом фоне.

В предисловии «Очерков...» Кандель отмечает: «Эта книга написана не историком, не литератором, который почитал много работ на эту тему, рассеянных по книгам и журналам, восхитился, огорчился и опечалился и решил пересказать другим».

Вероятно, с этой книгой автор «Двести лет вместе» не знаком. Обе они дополняют одна другую.

Александра Исаевича неоднократно, на мой взгляд, необоснованно обвиняли в антисемитизме. Об одном таком обвинении, связанном с давним убийством П. Столыпина, он рассказывает в своей книге.

Напомним, что после убийства главы российского правительства Петра Столыпина в сентябре 1911 года в Государственную Думу был внесен запрос об обстоятельствах убийства. Тогда депутат Несселович выразил протест: почему запрашивающие не скрыли, что убийца Столыпина, бывший студент Дмитрий Богров, еврей? «Это, – сказал еврей Несселович, – антисемитизм!»

Карикатура Домье: царь Николай I вымогает деньги из своих подданных-евреев.

Приводя тот факт, Солженицын пишет: «Узнаю и я этот несравненный аргумент. Через 70 лет и я получил его от американского еврейства в виде тягчайшего обвинения: почему я не скрыл, почему я тоже назвал, что убийца Столыпина был еврей? Не идет в счет, что я описал его столь цельно, сколько мог. И не в счет, что его еврейство значило в его побуждениях. Нет, нескрывание с моей стороны – это был антисемитизм!»

Книга не содержит свидетельств антисемитизма автора. Напротив, в ней много примеров уважительного отношения к еврейскому народу, понимание его тяжелой многовековой судьбы.

«Более чем двухтысячелетнее сохранение еврейского народа в рассеянии, – пишет Солженицын, – вызывает изумление и уважение».

Однако отдельные фрагменты книги могут вызвать – и вызывают – неадекватное восприятие.

Так, в первой главе книги, названной «Включая XVIII век», где автор кратко останавливается на истории появления евреев в России со времен хазаров и древней Руси, фигурируют слова «жид», «жиды», «Жидовские ворота» и т.п. без каких-либо пояснений. Понятно, это не может не вызвать неприятных ощущений...

Обратимся к Канделю: «До конца восемнадцатого века название “жид” означало в России лишь принадлежность к определенной национальности и употреблялось в том же самом смысле, что и “поляк”, “турок” или “татарин”... Но в последние годы царствования Екатерины II из официальных российских документов, выпускающихся от имени императрицы, исчезло прежнее наименование – “жиды”, а взамен его появилось новое – “еврей”. Именно с этого момента название “жид” стало приобретать в русском языке презрительно и оскорбительное звучание».

В Толковом словаре В. Даля нет слов «еврей» или «русский», но есть слово «жид» и пояснение таково: «Старинное народное название еврея. Презрительное название еврея». В восьмой главе Солженицын также указывает на наследство от церковно-славянского языка, в котором слово «жид» «никак не было укоризненным». Но восьмая глава слишком далеко отстоит от первой...

На протяжении всей книги писатель показывает, что сменявшие друг друга царствующие правители России уделяли несообразно большое внимание малому народу. Каждый по поводу и без повода издавал затрагивающие евреев законы, постановления, поправки к законам, поправки к поправкам, причем следующий правитель мог изменять или вовсе отменять законы предыдущего. Сами законы подчас не исполнялись.

Особое упорство проявлялось в принуждении евреев принять христианство. Некоторым исключением стал Петр I. «За все царствование Петра I нет никаких сведений о стеснении евреев, не издано ни одного закона, ограничивающего их. Напротив, при общей благожелательности ко всяким иностранцам была широко открыта деятельность и для евреев», – читаем в книге. Но все же в новой столице России – Петербурге – могли жить только крещеные евреи. Среди них было немало выдающихся людей, входящих в окружение Петра I. И Солженицын, и Кандель приводят имена: вице-канцлер Петр Шафиров, первый в России, получивший баронское достоинство и награжденный царем высшим орденом Российской империи – Андреевской звездой, Антон Дивьер – первый генерал-полицмейстер Петербурга, шут Лакоста и другие.

Но почему именно евреям уделяли столько внимания цари и царицы, губернаторы и чиновники?

Не успела Екатерина II появиться в Сенате, как ей сразу подали проект устава о евреях. За тридцать лет царствования Николая I о евреях было издано около 600 (!) правительственных указов.

И это в то время, когда существовало крепостное право, велись войны, возникали революционные выступления, бедствовал народ, падало международное влияние России...

Книга Солженицына не дает прямого ответа на этот вопрос. Но в ней содержится информация, позволяющая сделать некоторые выводы.

Царствующие правители России были привержены антиеврейским мифам, возникшим еще во времена средневековья, инквизиции и пришедшим в Россию из Западной Европы. Согласно этим известным наветам, евреев обвиняли в убийстве христианского бога («христоубийцы», «хриstopродавцы», «враги Христовы»), в родстве с дьяволом и союзе с сатаной («антихристы», «еретики»), в убийстве христиан и их детей для использования крови загубленных в ритуальных целях («ритуальные убийства», «кровавые наветы»), в измене государству.

В книге просматривается тенденция преуменьшить впечатление от многих событий, в которых царская Россия и сами цари выглядели, мягко говоря, не в лучшем свете. Сами события не скрываются и не искажаются, однако их трактовка и сопутствующие комментарии позволяют сделать определенный вывод.

Рассматривая двухсотлетний период жизни вместе, начиная с 1795 года, когда произошел третий раздел Польши и «в состав России вошло уже почти миллионное еврейство Литвы, Подолии и Волыни», Солженицын называет это «крупнейшим историческим событием, много затем повлиявшим и на судьбу России, и на судьбу восточно-европейского еврейства».

Деревни, местечки черты оседлости России оказались перенаселенными, некоторым был даже дан статус города (напомним, что начало черты еврейской оседлости относят к 1791 году).

О тяжелой нищенской жизни евреев в городах и местечках «черты», во всех этих Касриловках, Егупцах, о борьбе за выживание, стремлении к свободе, сохранении единства и веры с печальным юмором и большой любовью к своему народу рассказывают наши великие писатели Шолом-Алейхем и Менделе Мойхер-Сфорим (о них автор книги также упоминает).

Пишет о черте оседлости и Солженицын: «И надо по достоинству оценить органическую слитность и единство, которые в первой половине XIX века придали русскому еврейству характер своеобразного мира. Мир этот был тесен, ограничен, подвержен притеснениям, связан со страданиями, лишениями, но все же это был целый мир. Человек в нем не задыхался... и можно было построить в нем жизнь на свой вкус и лад... Значение тут имел и тот факт, что духовный облик коллектива был связан с традиционной ученостью и еврейским языком».

В общем «всюду жизнь», – как в известной картине художника-передвижника Н. Ярошенко. Нельзя, однако, не согласиться с мыслью писателя о «традиционной учености» и «еврейском языке», так же, как и с другим его замечанием: «приспособление народа к новым условиям было в значительной мере коллективным приспособлением, а не индивидуальным».

Только вот кому нужна была жизнь в черте оседлости (по существу – российское гетто)? И почему формально она продержалась 120 лет (они в книге освещены), причем даже тогда, когда стала практически «проницаемой» и совершенно очевидно себя изжила, объяснений нет.

Солженицын пишет: «Утвердилось говорить: преследование евреев в России. Однако – слово не то. Это было не преследование, это была: черед стеснений, ограничений – да досадных, болезненных, даже и вопиющих».

С этим согласиться нельзя: были и стеснения, были и ограничения, но были и преследования. Как иначе назвать насильственные переселения из деревни в город или из города в деревню десятков тысяч людей, или когда в соответствии с приказом насильственно забирали, не считаясь с протестами родителей, малолетних детей в армию, чтобы заставить их потом перейти в христианство?

В черте оседлости евреи были объединены в общины – кагалы, во главе которых стояло правление из 5-6 человек. Кагалы были очень удобны для правительства, так как облегчали задачу управления евреями, сбора налогов, обеспечения рекрутского набора, выселения и переселения и другие организационные вопросы. Писатель критикует кагалы за реакционность (например, они противились светскому образованию), но показывает, что они использовали любые возможности, в том числе подкуп, для облегчения участи евреев.

Царствование Николая I продолжалось 30 лет и считается одним из самых мрачных периодов еврейской истории в России. «Но, – пишет смягчающие обстоятельства писатель, – личное вмешательство Николая I сказывалось далеко не всегда вредно для евреев». Так, он оправдал «по неясности законных доводов» евреев, обвиненных в ритуальном убийстве христианского мальчика, причем сделал это в двух случаях. «Николай I, – приводит Солженицын выдержку из Краткой еврейской энциклопедии, – и многие его приближенные продолжали считать, что некоторые группы евреев практикуют ритуальные убийства». И «благодаря тому, что в течение ряда лет Государь находился под тяжелым впечатлением кровавого навета... в нем утвердилось предубеждение, будто еврейское вероучение, представляет опасность для христианского населения».

«Опасность Николай I видел в том, что евреи будут обращать христиан в иудейскую веру», – это пишет уже сам Солженицын. В действительности Николай I был ярким юдофобом, считал еврейское вероисповедание лжеучением, все его законы были направлены против евреев и основной целью имели «уменьшение евреев в государстве», обращение их в христианство.

С этой целью Николай I ввел рекрутскую повинность, от которой при его либеральном предшественнике Александре I евреи были освобождены. В августе 1827 года он издал указ о призыве евреев на военную службу. «Но если у христиан брали в армию по семь рекрутов с тысячи человек, и то раз в два года, в один из двух объявляемых наборов, то у евреев, – читаем у Канделя, – стали брать в армию по десять рекрутов с тысячи человек при каждом наборе». И никакие причины, например, здоровье во внимание не принимались.

Детей от 12 до 18 лет направляли в школы кантонистов для приготовления к военной службе, причем годы пребывания в кантонистах не засчитывали в армейский срок, а срок этот – 25 лет! То есть ребенка отнимали от семьи практически навсегда. Это в книге не акцентируется, зато отмечается, что «указом 1827 года еврейским обществам было предоставлено право по своему усмотрению сдавать вместо одного взрослого – одного малолетнего». А «разрешено», – поясняет автор, – вовсе не значило обязательного призыва с 12-летнего возраста, это именно не было введением рекрутской повинности для еврейских мальчиков, как принято считать». Смягчающее обстоятельство... Но то на бумаге. А в жизни? «При наборе в рекруты страшней всего была участь детей, – пишет Кандель, – порой восьми и даже семи лет. Их родители расставались с ними навсегда и бежали вслед за этапом многие километры, чтобы в последний раз взглянуть на своего ребенка...»

Детей отправляли подальше от места призыва, чтобы они не могли иметь никакой связи с родными. В книге «Былое и думы» А. Герцен рассказывает о своей встрече с этими детьми на этапе возле Перми осенью под холодным дождем: «Это было одно из самых ужасных зрелищ, которые я видел – бедные, бедные дети! Мальчики двенадцать, тринадцати лет еще кой-как держались, но малютки восьми, десяти лет... Эти больные дети без ухода, без ласки, обдуваемые ветром ... шли в могилу».

Кандель приводит воспоминания бывших кантонистов, которым посчастливилось дожить до конца службы: «В батальонах и школах кантонистов еврейские мальчики сразу же попали в чуждую им и враждебную среду. Их постоянно принуждали к переходу в православие и упорствующих безжалостно истязали... Но им доставалось еще и за незнание русского языка». Известен и случай самоубийства, породивший потом легенду. Известны и случаи, когда перешедшие в православие солдаты заявили о возврате к своей вере. За это следовали репрессии.

Николаю I ежемесячно посылали рапорты о количестве обращенных в православие, и он клал резолюции типа «очень мало», «весьма неуспешно», «слава Б-гу» и т.п. При крещении кантонистам обычно меняли имена, и письма родных к ним уже не доходили.

В книге «Двести лет вместе» все это выглядит совсем не так ужасно: «Евреям же малолетним, попавшим в кантонисты, оторванным от родной среды, разумеется, нелегко было устоять под давлением воспитателей (еще и наградами заинтересованных в успешном обращении воспитанников)... Нечего и говорить, что такие меры обращения в христианство были не христианскими, да и не вели к цели. Однако и рассказы о жестоко насильственных обращениях в православие с угрозами смерти кантонисту... принадлежат к числу выдумок». Какие же конкретные «не христианские меры обращения», если не «жестоко насильственные» имел в виду писатель, не поясняется, а о разрушении семей и трагедии еврейских матерей вообще нет речи. И далее: «Очевидно, был расчет и самим крестившимся, позже, в оправдание перед соплеменниками, преувеличить степень испытанного ими насилия при обращении в христианство, тем более что после перехода они получали некоторые льготы по службе».

У Канделя: «Перешедшие в православие получали в подарок двадцать пять рублей и некоторые льготы, однако и их в первые пять лет после крещения не продвигали по службе...»

Николай I дополнял свой указ рядом постановлений, вносящих путаницу, а также разлады в семьи и кагалы, и приведших, в конце концов, к «рекрутской вакханалии».

Антиеврейская политика Николая I, так же, как и его военная и земельная реформы, к процветанию России не привели и лишь способствовали бегству евреев за границу.

В феврале 1855 года Николай I внезапно умер, и его смерть по выражению автора книги «Двести лет вместе», так же вызволила евреев в тяжелую пору, как и через столетие, – смерть Сталина.

Много места в книге занимает «крестьянский вопрос», который вместе с «еврейским вопросом» достался после смерти Николая I Александру II.

Решив главный крестьянский вопрос, – отменив крепостное право, решить главный еврейский вопрос – отменить черту оседлости – царь не смог.

Карикатура из английского журнала «Панч» (1890): Александр III попирает еврея, держа в руке саблю с надписью «Преследования». Подпись: «Берегись! Это оружие всегда ранит руку, держащую его» (намек на судьбу фараона, преследовавшего евреев).

Несмотря на снятие большинства ограничений и восстановление многих прав, в частности, брать в аренду или в управление населенные помещичьи земли, переходить на земледелие евреи не стремились. Возникла даже легенда о неспособности евреев к работе на земле.

«В эпоху Александра II, – пишет Солженицын, – закончился неудачей полувекковой замысел привязать евреев к земледелию». В объяснение этого он приводит соображения исследователей еврейского земледелия: «систему еврейской колонизации меняли многократно, порой направлять их жизнь уполномочивались люди, в земледелии ничего не смыслившие, или относящиеся к ним совершенно равнодушно».

Однако добавим, что главной причиной все же оставалась неотменная черта еврейской оседлости: «Вот и получилось, что в течение 80 лет разных земельных реформ земледельцами сделалось лишь небольшое число евреев».

В книге приводится высказывание Льва Толстого: «Что это за люди, удерживающие целый народ в тисках городской жизни и не дающие ему возможности поселиться на земле и начать работать единственную, свойственную человеку, земельную работу. Ведь это все равно, что не давать человеку дышать воздухом. Кому может быть от этого плохо... что евреи поселятся в деревнях и заживут чистой трудовой жизнью, о которой, вероятно, уже истосковался этот старый, умный и прекрасный народ...»

– На каких облаках он жил? Что он знал о 80-летней практике этой земельной колонизации? – задает вопросы автор книги, причем совершенно непонятно от чьего имени – то ли от своего, то ли от того, кто передал слова Толстого?

Однако надо думать, что земельный вопрос Толстой все же знал... И понимал, что без отмены черты оседлости и без гарантии евреям, как свободным частным собственникам права на землю, работать на земле они стремиться не будут.

А о способностях евреев к зем

леделию красноречиво говорит опыт Израиля. Об этом пишет и Солженицын: «... после опыта освоения Палестины, где еврейские поселенцы почувствовали себя на Родине, они отлично справлялись с землей, и в условиях куда более неблагоприятных, чем в Новороссии». Добавим: и превращали пустынные земли в цветущие сады.

Насколько мало активны были евреи в земледелии, настолько активны они в ремесленничестве, торговле, финансовой деятельности и образовании.

В этих сферах деятельности, в условиях почти полной свободы, которые создал Александр II, способности евреев проявились в полной мере. Солженицын цитирует одну из книг: «Вопрос о еврейской промышленной деятельности есть также “суть еврейского вопроса”, от него зависит судьба еврейского народа во всякой стране; живое, торговое, оборотливое еврейское племя, участие которого в торговой жизни обеспечивает ускорение циркуляции даже самого незначительного оборотного капитала, постоянно ищет и находит новые рынки сбыта, и тем открывает и бедному христианскому населению новые источники заработков».

В книге «Двести лет вместе» приводятся факты и цифры, свидетельствующие об активном, а подчас и решающем участии евреев в создании земельных банков,

развитии сахарной, мукомольной, лесной промышленности, экспортной торговле лесом и хлебом, развитии железных дорог.

«Да, – пишет Александр Исаевич, – евреи были передовым отрядом, создавшим мир капитала (и преимущественно в его финансовых формах). Об этом ярко и убедительно писал выдающийся политэконом Вернер Зомбарт».

«Лехаим» уже писал об этом немецком профессоре (№ 98). Его оценка роли евреев в развитии промышленности, основанная на опыте многих городов и стран, действительно звучит ярко: «Точно солнце шествует Израиль по Европе, куда он приходит, там пробуждается новая (капиталистическая) жизнь, откуда уходит, там увядает все, что до сих пор цело».

Почти полная свобода евреев при Александре II все же полной не была. В это «почти» входили и черта оседлости, и препятствия в занятии высоких административных должностей, и процентные нормы при поступлении в высшие учебные заведения... Этого евреи могли избежать – перейдя в христианство, и правительством по-прежнему такое поощрялось.

«Переход в христианство, – читаем у Солженицына, – особенно в лютеранство, казался ли иным так “легок”? И сразу открывал все пути жизни. Но и не случайно же оно виделось с еврейской стороны как тяжелая измена, премия за вероотступничество...»

И далее: «Когда подумаешь, как много евреев противится соблазну креститься, то невольно проникаешься уважением к этому несчастному народу».

Весьма уважительный отзыв; и зря автор приводит его как цитату из книги В. Поссена, тем более, что далее он пишет: «На рубеже XX века российская государственная власть могла бы задуматься о нравственной допустимости, да и о практическом смысле: ставить ли перед евреями смену веры условием получения жизненных благ?.. И – какое приобретение это давало христианству?»

С 1874 года резко изменилось отношение евреев к образованию. Даже из ортодоксальных семей стали отправлять сыновей в средние и высшие учебные заведения. Это было связано с появлением нового воинского устава: он не только предоставлял льготы лицам с образованием, в частности, отсрочку от призыва на воинскую службу, но и разрешал евреям получать офицерские чины.

Стали выпускаться еврейские книги, газеты, журналы на русском языке. Сообщая, что в журнале «Восход» особое внимание уделялось изучению и проблематике еврейской истории, Александр Исаевич замечает: «Нам бы, русским, такое внимание к своей истории».

Все шло к полному уравниванию евреев в правах со всем населением. Но в марте 1881 года в канун Пурима народовольцы убили Александра II, и начались кровавые еврейские погромы, отметившие потрясениями и конец XIX, и начало XX веков, – все планы рухнули.

В одном из интервью Александр Исаевич признался, что для него «было открытием» участие народовольцев в организации и проведении еврейских погромов. Об этом писал Кандель в упомянутых «Очерках...»: «Многие народовольцы – были и евреи в их числе – считали, что погромы полезны, так как они приучают народ к революционным

выступлениям: сначала надо поднять все крестьянство против евреев, а затем направить бунт против царя. В прокламации народовольцев “К украинскому народу” было написано: “Тяжко стало жити людям на Украине. Грабят жида, иуды непотребни... А нехай лиш встанут мужики... зараз станет царь жидив рятувати (спасать)... Ось шо вироблее той паньский, та жидивский царь... Ви почали вже бунтовати против жидив. Добре робите...”»

Самым кровавым, вызвавшим резкое осуждение России во всем мире, стал кишиневский погром в апреле 1903 года. Он подробно описан и Солженицыным, и Канделем, также и С. Резником в его книге «Кровавая карусель» (М. 1991).

По разным источникам, было убито 45-50 человек, около 600 ранено, 1500 домов и лавок разгромлено, сотни торговцев и ремесленников стали нищими. Из-за бездействия полиции и местного гарнизона погром продолжался два дня. Но стоило губернатору дать команду, как чудовищная вакханалия сразу же прекратилась.

Вот эта-то преступная медлительность местного начальства и породила убежденность, что погром был организован и поддерживался правительством и лично царем.

О зверствах, даже изуверствах погромщиков стали ходить легенды, раздуваемые и прессой (убийства женщин и младенцев, изнасилования, надругательства над трупами и т.п.). «Через месяц от событий, – читаем в книге “Двести лет вместе”, – вспыхнула и раскатилась газетная и агитационная кампания вокруг погрома – и по прессе российской, и по всей европейской, и американской».

После тщательного изучения архивных документов, докладов прокуроров, и выводов комиссий, заключений судмедэкспертов, воспоминаний очевидцев тех событий Солженицын свидетельствует не только о непричастности правительства к организации и поощрению погрома, но и об отсутствии изуверств, описанных прессой. Он отмечает также, что за этот погром, как и за ряд других, «несет ответственность не только и не столько администрация, сколько само русское и украинское население черты оседлости». В то же время вина за сам факт погрома с правительства не снимается: «Государство, допускающее такую резню, постыдно, недееспособно».

Писатель выдвигает и такое обвинение: «Все то, что не подтвердили свидетели, о чем не писал Короленко – не додумались опровергать власти. И все эти “подробности” разнеслись по миру и стали в общественном мнении фактом – на весь XX век, а может и на XXI, – так и стынут над именем России».

Так через почти 100 лет писатель восстанавливает истину.

А вот после убийства Столыпина, отмечает Солженицын, «погрома не произошло нигде в России, ни единого, ни малейшего».

Здесь будет уместным небольшое отступление.

Николай II не любил Столыпина, в частности, за его неоднократные попытки добиться полного равноправия евреев. Сменивший Столыпина последний премьер-министр России граф В. Коковцев в своих мемуарах приводит резолюцию Николая II на докладе Столыпина по этому вопросу: «Несмотря на вполне убедительные доводы в пользу принятия положительного решения по этому вопросу – внутренний голос все

настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя. До сих пор совесть моя меня никогда не обманывала».

После убийства Столыпина Коковцев ввел войска в Киев и всем губернаторам черты оседлости дал телеграмму: «Принять энергичные меры к предупреждению погромов. В выборе этих мер прибегать по обстоятельствам ко всем допустимым законом способам до употребления в дело оружия включительно».

Николай II одобрил действия Коковцева и добавил от себя указание министерству внутренних дел – и погромов не было.

Убийца Бодров действовал самостоятельно. Перед казнью он признался, что хотел убить царя, но боялся, что возникнут еврейские погромы и погибнет много евреев; поэтому и выбрал Столыпина. Он не понимал, какой огромный вред наносит и России, и евреям.

Бейлис царю: «Ваше величество знает, кто убийца»

Память о выдающемся государственном деятеле России постепенно «поросла травой забвенья». Солженицын со справедливым возмущением об этом пишет: «Русская история само это убийство допустило смыть из своей памяти, осталось оно каким-то незначашим, невыразительным побочным пятном. Лишь в 80-е годы я начал поднимать его из забытия, – а семьдесят лет и не принято было то убийство вспоминать».

Погромы, поражение в русско-японской войне, убийство Столыпина, процесс Бейлиса, а также успехи евреев в различных областях деятельности усилили антиеврейские настроения в склонных к тому слоях общества. Евреев обвиняли в стремлении «захватить в свои руки все». Характерны в этом отношении были выступления В. Шульгина, которые приводит Солженицын.

Так, Шульгин писал, что «русских торговцев, русское третье сословие, сильное русское мещанство... еврейство вытеснило, перевело в низший социальный класс; омужичило». И о политическом влиянии евреев: «Еврейство за это время (четверть века перед революцией) прибрало к своим рукам политическую жизнь страны... завладело

политической Россией... При всех “ограничениях” евреи овладели душой русского народа».

– Но – овладели еврей? – спрашивает Александр Исаевич, – или не знали русские, что с ней делать?

Карикатура нач. XX века.

Царский суд расследует кишиневский погром.

О Шульгине следует сказать особо. Предводитель «Черной сотни», вдохновитель еврейских погромов в царской России, антисемит Виталий Шульгин после революции эмигрировал во Францию, где в 1929 году вышла его «Что нам в них не нравится» (эту антиеврейскую книгу Солженицын неоднократно упоминает). Но уже в 1935 году Шульгин выступил в Париже перед масонской ложей со специальной лекцией на тему «Почему я больше не антисемит». Войну он прожил в маленькой югославской деревушке, отказавшись служить гитлеровцам.

В 1944 году, желая вернуться на родину, Шульгин добровольно явился в советскую миссию в Белграде, где был арестован и доставлен в Москву. Его приговорили к тюремному заключению за контрреволюционную деятельность. По иронии того времени, он оказался в одной камере со знаменитым советским разведчиком руководителем «Красной капеллы» Леопольдом Треппером, которому поведал свою историю. Эту исповедь Треппер включил в свою книгу «Большая игра. Воспоминания советского разведчика». (О Треппере: «Лехаим», № 93).

Шульгин вспоминал, как в составе делегации он был у царя с просьбой добровольно отречься от престола. «Николай II как раз играл в шахматы и не хотел отвлекаться от партии; узнав о цели визита делегации, он радостно воскликнул: “Наконец-то это окончилось!”»

– Что же вы хотите, – сказал Шульгин, – ведь это был самый большой глупец всех династий российских самодержцев.

Шульгин был ярким монархистом, его излюбленной темой было величие России под руководством «отца, которому народ мог бы доверять». Таким «отцом», по мнению Шульгина, мог быть Сталин: «Под руководством Сталина наша страна стала мировой империей... Жаль, что Сталин не настоящий царь: для этого у него есть все данные!.. Ах, если бы Сталин не был большевиком!»

В 1956 году Шульгина освободили, предоставили ему дачу в деревне, где он писал свои мемуары, пока не умер в 1976 году в возрасте 98 лет.

Можно лишь предполагать и сожалеть, что автор «Двести лет вместе» не знал и не мог воспользоваться книгой Треппера.

Польский еврей верхом на осле (в нижнем углу). Открытка. Около 1900 года.

Погромы, продолжающиеся ограничения, а также нежелание служить в царской армии привели к росту эмиграции евреев. Сионисты призывали в Палестину, но большинство евреев предпочитало тогда США.

Одна из глав книги Солженицына называется «Рождение сионизма». Но эта тема всесторонне рассмотрена в недавно вышедшем 850-страничном труде английского писателя В. Лакера «История сионизма» (М. 2000), и затрагивать ее здесь нет необходимости. Кстати, целесообразно отметить и еще один 500-страничный труд – М. Гонтмахера «Евреи на донской земле» (Ростов-на-Дону, 1999), затрагивающий те же вопросы.

То, что правительство не только не противилось эмиграции евреев, но и потворствовало ей, Солженицын показывает с осуждением.

Эмиграция евреев, последствия которой автор «Двести лет вместе» не комментирует, пошла на пользу не России, как утверждали реакционеры, а Америке. Это отметил академик В. Вернадский в своих «Мыслях за океаном»: «Гонения и погромы, разорения и стеснения заставили их (евреев) тысячами семей двинуться в Новый Свет. И здесь в Америке особенно ярко видно, какую огромную творческую созидательную силу потеряла Россия в безумной политике антисемитизма, в его диких формах, имевших место у нас. В массе евреев, прекрасно устраивающихся в Новом Свете, поднимающих его национальное богатство, мы потеряли часть того капитала, который история дала России и которым должны были уметь воспользоваться ее государственные люди».

«Роль маленького, но энергичного народа, – пишет Александр Исаевич, – в протяжной и раскидистой мировой истории – несомненна, сильна, настойчива и даже звонка. В том числе и в русской истории. Однако она остается – исторической загадкой для всех нас. И для евреев – тоже».

Ну, а как же быть с поиском путей «нормальных отношений русских и евреев?»

Писатель отвечает на это так: «Прежде всего, они в отчетливом осознании обеими сторонами и своего прошлого, и самих себя... Нужно терпеливое взаимопонимание...»

Это, конечно, так. И книга «Двести лет вместе» способствует тому. Но в наше время существуют еще и такие понятия, как «Декларация прав человека», «Права человека», «Конституция»... И если эти понятия соблюдать неукоснительно, «взаимодоступные и добрые пути» найдутся куда быстрее.

МУЗЫКАЛЬНЫЙ ОБЕЛИСК БАБЬЕМУ ЯРУ

Еְיִסֵי טַוּוֹר

Йосси Тавора хорошо знают как минимум в двух странах: в Израиле – как талантливого журналиста, обозревателя по вопросам культуры, музыкального и оперного критика, члена Ложи театральных критиков Израиля в России – еще недавно как директора столичного Израильского культурного центра, сумевшего за короткое время, взбудоражив, обогатить жизнь в его стенах, привлечь немало новых людей, возвратив их еврейству. Ныне Йосси Тавор занял должность первого секретаря посольства Государства Израиль. Дай Б-г, чтобы нынешнее назначение послужило раскрытию новых граней этой, безусловно, яркой, мобильной личности и чиновничьи заботы не погребли под собой многообразных дарований этого человека. Человека особенного еще тем, что в нем органично слились две культуры, русская и еврейская, на высоком уровне совершенства.

«Аִיֵּוֹשֵׁי תּוֹר אֵי לֵעֹבְדֵי דִּיֵּעָה - יוֹיֵי לְאַאֲדִיאֵי וְאֵי לֵעֹבְדֵי. יוֹיֵי לְדִעְתֵּי מִי לְיֵאֵי עַד לְעֹבְדֵי. אֵאֵי לְיֵאֵי אֵעֹבְדֵי לְאֵי יוֹיֵי עֹבְדֵי: אֵאֵי לֵי עֵעֵ לְאֵאֵי עֵי? דִּיעֵי לְעֵעֵ אֵ מִי לְיֵי עֵ מִי לְאֵי עֵ יוֹיֵי. בְּעֵי אֵי לְאֵי עֵי לְדִעְתֵּי עֵ אֵי עֵאֵי עַד אֵאֵי, לֵי יוֹיֵי לְאֵי לְאֵי, עֵ יֵי לְיֵי עֵי לְאֵי עֵי אֵי לְאֵי לְאֵי. אֵאֵי לְאֵי עֵי אֵי עֵי עֵי: עֵי לְאֵי לְאֵי: לְאֵי עֵי לְאֵי עֵי מִי לְאֵי לְאֵי עֵי: אֵאֵי עֵי עֵי עֵי»

Вряд ли можно назвать имя еще одного российского композитора, чья музыка была бы пронизана такими страданием и пронзительной болью. В мировой музыкальной культуре она сродни по трагедийной силе разве что музыке Густава Малера (1860 – 1911), австрийского композитора-еврея, творившего на грани двух столетий, XIX-го и XX-го, в музыке которого мы находим и ностальгическую тоску по идиллии прошлого, и мистически-пророческое предвидение грядущего, и страстные, полные трагической безысходности метания, нашедшие выражение в колоссальной по своей силе истинно вселенской надломленности, проникающей в самые сокровенные пласты сознания. И как не вспомнить, что во время написания Шостаковичем опальной Четвертой симфонии на попире его рояля стояла партитура Второй симфонии Малера.

Примечательно и другое: как средство выражения наиболее глубокой трагедийной боли Дмитрий Дмитриевич всегда использовал мелодию или мотив с ярко выраженными еврейскими интонациями. Всегда видел он в нарочито гротескной изломанности еврейского лада символ страдания личного и всечеловеческого. Может, навеяно это было сценами из спектаклей знаменитого ГОСЕТа, на сцене которого властвовал его друг Соломон Михоэлс?.. И во Втором фортепианном трио, посвященном памяти его близкого друга, музыковеда, литературоведа и театроведа Ивана Ивановича Соллертинского (родившегося в Витебске, не имевшего никакого отношения к еврейству), и в Четвертом струнном квартете, и в вокальном цикле «Из еврейской народной поэзии», и в обоих скрипичных концертах – до Восьмого струнного квартета, посвященного всем жертвам второй мировой войны и названного им, в конце концов, «реквиемом по самому себе», это так. Израильский музыковед Иоахим Браун указывает на удивительное совпадение дат написания этих сочинений с кульминациями показательных процессов против видных деятелей-евреев и других антисемитских эксцессов. Так Шостакович своим творчеством, в многоголосии целого оркестра выражал боль и протест.

Но вот в 13-й симфонии, «Бабий Яр», названной так в память о месте, где нацистами были уничтожены более 100 тысяч евреев, мы не находим ни одной еврейской интонации. Причина очевидна: трагедия, которой посвящено произведение, такова, что оно не нуждалось в какой-либо дополнительной символике.

Эта симфония изначально, одним только замыслом своим, объединила двух бунтарей – людей столь разных по возрасту и положению, по форме выражения своего протеста и многому другому, – признанного, заслуженного и при этом нередко оказывавшегося в опале пятидесятилетнего мэтра Дмитрия Дмитриевича Шостаковича и довольно молодого, двадцативосьмилетнего, только недавно заговорившего в полный голос поэта Евгения Евтушенко. Талантливый поэт разжег словами-сплохами воображение, захватил силой чеканности набатного ритма гениального композитора, умеющего покорять всеохватывающей философской глубиной, фантастическим владением тайнами мастерства, чутко и осознанно способного привести слушателя к тому состоянию, когда начинаешь воспринимать себя и музыку как единый обнаженный нерв. Первый уже познал сладость признания и видел разверзшуюся у его ног бездну, за которой – отчаяние. Второй еще обуян романтическим задором, полон безоглядной решимости.

Да, оба были бунтарями, но их бунт был адресован не власти как таковой, насколько бы жестокой она ни была, и вызван он был в тот момент даже не столько тем кошмаром, с которым связано в нашем сознании само название «Бабий Яр». Оба восстали против умолчания того факта, что в этом страшном месте под названием «Бабий Яр» уничтожались евреи, в подавляющем большинстве именно евреи. Оба восставали против поддерживаемого и поощряемого властями антисемитизма, против «геноцида памяти». Не случайно отмечал Шостакович, что своей 13-й симфонией он как бы решил подвергнуть испытанию саму общественную мораль. Не случайно первоначальный замысел оратории он решает развить и еще добавляет четыре части на тексты того же Евгения Евтушенко, которые внешне не имеют тематически ничего общего с антисемитизмом, но ярко, с откровенной болью описывают беспросветные будни советского человека. Не случайно симфония эта не раз называлась «исторической хроникой». С поразительной философской прозорливостью, гениальной по своему проникновению в суть вещей, Шостакович приходит к убеждению и находит средства убедительно выразить открывшуюся ему истину: антисемитизм – олицетворение и источник любого зла и отнюдь не только для евреев.

Но все это было позже. А началось в первые дни теплого сентября 1961 года, когда почти 20 лет спустя после уничтожения евреев в Бабьем Яру на это место приехал Евгений Евтушенко, достаточно громко заявивший о себе поэт. Все знали о трагедии, произошедшей здесь, и – молчали. Над этим оврагом, глубоко пропитанным кровью, родились у него первые строки будущей поэмы: «Над Бабьим Яром памятника нет./ Крутой откос, как грубое надгробье./ Я стар. И мне сегодня столько лет,/ Как самому еврейскому народу». Строки рождались одна за другой, рвались из сознания, будто наконец-то находило выход копившееся годами.

Уже 19 сентября поэма «Бабий Яр» была напечатана в «Литературной газете». Несмотря на то что это были дни знаменитой хрущевской «оттепели», и, казалось, поэма вполне соответствовала настроением, царившим в обществе, стало ясно, что политика антисемитизма пересмотру не подлежит. Ведь этим «пеплом, стучащим в сердце» Евтушенко клеймил не только уничтожение евреев в Киеве, но и отношение к этой теме госаппарата, преступая тем самым одно из самых священных табу страны Советов. Реакция «друзей по перу» и «представителей широких масс трудящихся» была незамедлительной и предельно слаженной. В одночасье один из «галантливых и многообещающих молодых поэтов» Евгений Евтушенко превратился в «очернителя советской действительности» – врага и изгоя.

Газету с поэмой «Бабий Яр» показал Шостаковичу близкий друг, редактор либретто его оперы «Леди Макбет Мценского уезда» Исаак Давыдович Гликман. О теплых отношениях между этими людьми свидетельствует их многолетняя переписка, из которой явствует, насколько высоко ценил Дмитрий Дмитриевич профессионализм и эрудицию Исаака Давыдовича. Эта переписка, а в ней около 300 писем, была опубликована в книге «Письма к другу» в 1993 году. Гликман рассказывает, как газету с поэмой Евтушенко, произведшей на него сильное впечатление своей мощью и драматизмом, он принес Шостаковичу. За обедом тот пообещал прочитать поэму, а поздно вечером позвонил ему домой и сказал, что собирается положить этот текст в основу уже задуманного произведения.

Между публикацией поэмы и началом работы композитора над новым сочинением прошло около полугода. С травлей поэта эта задержка никак не связана. На мнение Шостаковича подобные вещи не оказывали воздействия: о людях и их творчестве он всегда судил по собственным впечатлениям и ощущениям. Кроме того, стоит припомнить, что и сам Шостакович, к 1961 году уже титулованный как национальный композитор, имел достаточно горький опыт. Он хорошо помнил вопли и шипение критики, прессы, коллег, начинавшиеся по мановению «партии и правительства», раздражавшихся тем или иным его сочинением. Достаточно вспомнить премьеру оперы «Леди Макбет Мценского уезда», состоявшуюся в 1936 году, с последовавшей за ней разгромной статьей «Сумбур вместо музыки»...

Шостакович встретился с Евтушенко и после очень тепло отозвался о нем в беседе со своим другом, композитором Виссарионом Шебалиным.

Работа над сочинением началась в марте 1962 года – и будто плотину прорвало. Безусловно, все уже было продумано и выверено, его творческое вдохновение, как всегда, не знало ни преград, ни границ.

Обычно Шостакович сразу же писал оркестровую партитуру буквально набело – изменения вносились редко. На этот раз оркестровой версии предшествовал клавир. Почему? Можно лишь предполагать, нащупывая причины: боли в руке или, может, мысли

о камерном исполнении?.. На последней странице клавира проставлена дата: 27 марта. Оркестровка и рукопись партитуры были готовы спустя 24 дня.

Уже с самого начала Шостакович не сомневался в составе исполнителей: симфонический оркестр, мужской хор и солист-бас. Сочетание преобладающих низких регистров и мрачных, темных тембров способно максимально достоверно передать трагизм и безысходность. Жанр сочинения был ясен с первых же нот: вокально-симфоническая поэма под названием «Бабий Яр». (Софья Михайловна Хентова, одна из выдающихся биографов композитора, автор книги «Удивительный Шостакович», проводит интересное и весьма символичное сравнение: между оригинальным замыслом симфонии «Бабий Яр» и первой частью Седьмой, знаменитой «Ленинградской» симфонии, которая поначалу задумывалась как самостоятельное произведение, основанное на текстах «Псалмов» царя Давида, есть немало общего.)

Окончив партитуру, Шостакович, по уже сложившейся традиции, собрал у себя дома тесный круг друзей, чтобы полностью воспроизвести это сочинение. Сам пел и сольную партию, и хоровую, аккомпанируя себе на фортепиано (он был блестящим пианистом!). Впечатление от услышанного было ошеломляющим.

Затем начались поиски солиста. Шостакович, который обычно не тянул с первым исполнением, на этот раз не торопился: кандидатуру будущего исполнителя надо было тщательно выверить. «Бас-дурак не подойдет на эту партию», – сказал он как-то Гликману и в конце концов решил обратиться к Борису Гмыре, не раз певшему его сочинения. Уже была назначена встреча. Но в это время в который раз начались страшные боли в правой руке, и он слег в больницу. Там, в отдельной палате, прочитал сборник стихов Евтушенко «Взмах руки». И тогда зародилась идея симфонии – Тринадцатой: такой порядковый номер определила сама судьба. Какая странная, парадоксальная символика: в еврейской традиции 13 – число глубоко мистическое и счастливое... Впрочем, не думаю, чтобы Дмитрий Дмитриевич над этим задумывался.

Выбор стихов поразил даже Евтушенко. Шостакович исходил из принципа полного тематического несоответствия между первой частью, наполненной возвышенной патетикой, и четырьмя другими стихотворениями, отражавшими жизнь и состояние советского человека: «Юмор», «В магазине», «Страхи», «Карьера». Именно эта несхожесть, даже определенное противопоставление вдруг совмещенных идей доказали гениальность замысла.

Симфония была закончена в предельно короткий срок – в течение июля 1962 года. Но ей предстоял еще нелегкий путь к исполнению. Уже во время написания финала Шостакович снова обратился к Борису Гмыре с предложением исполнить сольную партию. Гмыря долго колебался. Во время войны он был на оккупированной немцами Украине, и участие в исполнении симфонии, о которой уже ходили всякие слухи, могло непоправимо сказаться на его карьере. Одновременно Шостакович обращается к знаменитому Евгению Мравинскому, дирижировавшему всеми его симфоническими премьерами. После некоторого молчания оба ответили отказом. Зато Кирилл Кондрашин, алохический еврей, согласился дирижировать, оценив возможность руководить первым исполнением такой симфонии как особую честь. Солистом был приглашен Владимир Нечитайло, бас из Большого театра. Генеральная репетиция в Большом зале Московской консерватории вот-вот должна была начаться, как вдруг стало известно, что Нечитайло вызвали заменить кого-то в вечернем спектакле театра. Послали за дублером, В. Громадским, и шанс войти в историю – а что это случится именно так, было несомненно, – он не упустил.

В перерыве между репетицией и концертом Шостаковича вызвали в ЦК партии: уговаривали отменить концерт, но он ответил отказом.

Первое исполнение состоялось в тот же вечер, 18 декабря, в переполненном до предела зале Московской консерватории. Концерт не записывался и не транслировался ни по радио, ни по телевидению. Успех был колоссальный. Композитора и исполнителей вновь и вновь вызывали на сцену.

Зато официальная реакция была иной: Шостаковича обвиняли в искажении «советской действительности». На этом фоне звучали голоса, объяснявшие создание симфонии только тем, что, мол, и сам Шостакович еврей. Одновременно было оказано сильное давление на Евтушенко: требовалось изменить строки текста, из которых следовало, что жертвами в Бабьем Яру были евреи. Под этим давлением он не устоял, и Шостакович был поставлен перед выбором: принять изменения или забыть о дальнейшем исполнении симфонии. Согласившись лишь на минимальную правку, по словам близких, он всегда вспоминал об этом с горечью.

Сегодня 13-я симфония исполняется в первоначальном варианте.

Всю оставшуюся жизнь у Шостаковича сохранялась особая связь с этим его детищем. Он присутствовал почти на всех первых исполнениях симфонии в разных городах, интересовался ее интерпретациями, следил за рецензиями и всегда подчеркивал, что у него в календаре две важных даты: 12 мая, день, когда впервые была исполнена его Первая симфония, и 20 июля,— дата окончания 13-й симфонии «Бабий Яр», ставшей музыкальным обелиском жертвам Катастрофы.

БАБИЙ ЯР: ВЕЧНЫЙ ОТЗВУК ХОЛОКОСТА

יְהוָה אֱלֹהֵינוּ

ФОТО Н. КОЙФМАНА

30 сентября 2001 года, в день памяти жертв Бабьего Яра, через шестьдесят лет после чудовищных расстрелов украинских евреев я смотрел фильм Павла Чухрая о Холокосте. «Перед лицом руин и разрушений люди впадают в рассуждения на моральные темы», – вспомнились слова, написанные великим евреем, лордом Бенджамином Дизраэли задолго до той страшной поры. Но руин за свою историю человечество оставило немало, так что на недостаток поводов поговорить о морали жаловаться грех, однако от слов о морали до жизни по ее высоким стандартам – большое расстояние. И «человеческий муравейник» с самоубийственным легкомыслием вновь и вновь влечет к опасной черте.

Е. Гологорский.

В этот осенний день в синагоге на Поклонной горе собралось много людей разных возрастов и судеб: евреи – бывшие узники концлагерей и гетто, их родственники, друзья, студенты университета «Гилель», прихожане московских синагог. Все они пришли, чтобы присоединиться к поминальной молитве по жертвам Бабьего Яра: «Да вспомнит Г-сподь души всех моих родных по отцу и по матери, которые были умерщвлены, убиты, зарезаны, сожжены, утоплены и задушены...» По сей день стынет в жилах кровь при мысли о том, что пережили люди, наш народ.

Открыл День памяти жертв Бабьего Яра президент Международного Союза общества объединения евреев-узников фашизма Ефим Гологорский, за ним выступили бывший узник Варшавского гетто Яков Соколов, бывший узник концлагеря «Печора» Зиновий Цукерман, представители посольства Государства Израиль, Еврейского агентства в России «Джойнта» и другие. В память о шести миллионах евреев, уничтоженных фашистами, были зажжены свечи.

В тот же день церемония, посвященная этой трагической дате, состоялась и в Киеве.

Я. Соколов.

Бабий Яр... Это было самое начало войны. В тот день — в который уже раз! — предпринималась попытка «окончательного решения» «еврейского вопроса». Для начала фашисты решили сделать это в отдельно взятом городе – в одном из самых еврейских городов бывшей Российской империи, в Киеве, с которой история евреев была связана уже более тысячи лет.

Как известно, первое упоминание о пребывании евреев в этом городе восходит к концу первого тысячелетия новой эры. В первом столетии второго тысячелетия летописец Нестор упоминает о своих беседах и религиозных спорах с евреями Киева в «Житии... Феодосия».

Именно в Киеве произошли первые еврейские погромы – в 1113 году. После этого в течение нескольких столетий евреи не поселялись здесь надолго и обустроились, наконец, только уже после раздела Польши, в конце XVIII века. К 1815 году в Киеве их жило около 2 тысяч, были здесь и синагога, и еврейское кладбище. А двенадцать лет спустя царь Николай I издал указ об очередном выдворении евреев из города. И все же во времена Александра II, в 1863 году, в Киеве евреев проживало около 50 тысяч. В начале XX века они составляли здесь свыше 10% населения. В эту пору тут жили столь заметные и богатые евреи, как промышленник, владелец многих сахарных заводов на Украине Л.И. Бродский, видный человек в организации водного транспорта Д. Марголин. Эти люди (да и не только они) были настоящими меценатами, много сделавшими для развития еврейской жизни. К концу XIX века в Киеве было уже свыше 20 синагог, хоральная построена на средства Бродского.

В начале XX века Киев наряду с Одессой был одним из центров еврейской культуры. Здесь жило немало идишистских писателей, в том числе великий Шолом-Алейхем.

Спустя ровно 800 лет после первого погрома здесь же, в Киеве, был устроен один из самых страшных антисемитских спектаклей в стране – «Дело Бейлиса».

Евреи города, в особенности ремесленники Подола и Бессарабки, участвовали в революционных событиях начала века, они восторженно восприняли Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года. Отряд из 100 комсомольцев, состоявший в основном из евреев, во главе с Михаилом Ротманским (в день гибели ему исполнилось 18 лет) боролись за свободу Киева с бандой Зеленого. Почти все они погибли в здешних окрестностях, в Тарашанах.

Между гражданской и отечественной войнами еврейская община Киева познала немало взлетов и трагедий. Здесь развивалась литература на идише (Д. Бергельсон, Д.

Гофштейн, Л. Квитко, П. Маркиш), и в то же время выжигалось все, что было связано с ивритом и сионизмом. Но в 30-е годы идишистская литература начала угасать, лучшие ее представители уехали в Москву, в Киеве остался один Д. Гофштейн.

Хотя институт изучения еврейской литературы и музыки продолжал существовать, сама еврейская культура, да и еврейская жизнь в городе была обречена. Дольше других еврейских институтов просуществовала подпольная Любавичская ешива, ее закрыли в 1937 году.

Если в начале века евреи составляли десятую часть населения Киева, то в канун Великой Отечественной войны каждый пятый киевлянин был евреем. То есть еще за несколько недель до событий в Бабьем Яру (первые расстрелы произошли 21 сентября 1941 года) здесь было около 200 тысяч евреев.

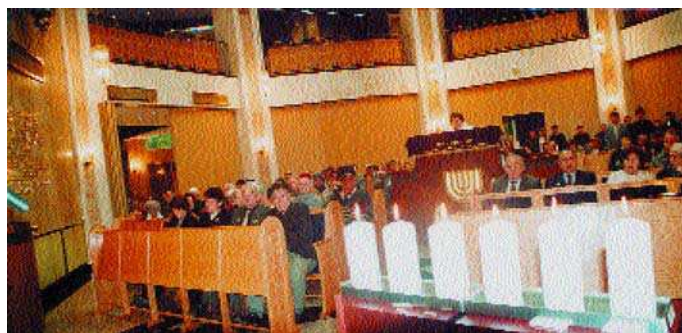
Истину о трагедии Бабьего Яра долго скрывали в послевоенные годы. На памятнике, открытом в 1976 году, было написано: «Жертвам фашизма – советским гражданам и военнопленным, расстрелянным немецко-фашистскими захватчиками...» Допускаю, что здесь были расстреляны и неевреи, однако евреев – подавляющее большинство. Как известно, эвакуироваться удалось лишь небольшой части еврейства города. Остальные – по разным данным от 150 до 170 тысяч – навеки остались в Бабьем Яру...

В канун этой, одной из самых трагических дат, связанных с Холокостом, я встретился с бывшим узником гетто, председателем организации «Руф» («Зов») Ароном Григорьевичем Зусманом.

– Незадолго до Дня памяти Бабьего Яра началась выплата компенсаций жертвам Холокоста. Как вы к этому относитесь?

– Пока, на мой взгляд, это как бы спектакль выдачи. В этой показательной акции участвовали видные представители фонда, созданного в Германии для выплаты этих компенсаций. Чтобы подчеркнуть значение акции, она была проведена в престижном с международной и политической точки зрения месте – в Доме дружбы на Арбате, куда приехали высокопоставленные представители Германии и российского правительства.

– Как вы думаете, почему центральное телевидение из всех участников этой акции показало именно организацию «Руф»?

День памяти жертв Бабьего Яра.

– Наша организация хорошо известна в стране, мы боремся за право получения компенсаций из Германии, за льготы, которые положены узникам независимо от

национального происхождения людей, пострадавших от фашизма. Корреспонденты ОРТ не раз бывали у нас на улице Левитана, где ДЭЗ управы «Сокол» любезно предоставляет «Руф» небольшое помещение.

– В интервью телекорреспонденту вы сказали, что компенсации, выделенные сегодня Германией, неадекватны тому горю, которое немецкие фашисты принесли людям. Они не заменят ни отца, ни других родных, погибших в Бабьем Яру, в тысячах еврейских гетто. В этом я с вами согласен. Но надо помнить и другое. За грехи поколения Гитлера сегодня расплачивается совершенно новое поколение немцев, которое неповинно в том, что сделали деды. И все же они взяли на себя ответственность за их вину и готовы предоставить, я бы сказал, не компенсацию, – компенсировать утраченное, ужас пережитого невозможно, – а определенную материальную помощь очень немногим оставшимся в живых жертвам Холокоста.

А. Зусман.

– Но современные немцы называют это компенсацией, вероятно, так многие из них и считают, и не надо преувеличивать их щедрость. В таких случаях особенно неприятно говорить о деньгах, но сколько бы сегодня немцы ни дали оставшимся в живых, это не компенсирует и малой толики того, что у людей было отнято, разграблено. В своем постановлении о выплатах немецкий Фонд «Память, ответственность, будущее», учрежденный бундестагом, признает, что «совершенная несправедливость и связанные с ней человеческие страдания не могут быть возмещены финансовыми выплатами». Поэтому то, что в данном случае называется компенсацией, по сути является символическим подтверждением национального покаяния.

– Как бы то ни было, узникам ГУЛАГов, жертвам коллективизации и вовсе ничего не возместили.

– Это совсем другая тема. А что касается нашей, вынужден констатировать, что российское правительство с каждым годом только уменьшает льготы узников концлагерей и гетто, которые планировались еще во времена Горбачева и Ельцина. А сколько нас осталось в живых?..

И все же самое страшное, что принес нам фашизм, – это не материальный ущерб. Антисемитизм, посеянный немцами во время второй мировой войны, привел к тому, что на сегодняшний день вся бывшая черта оседлости стала «юденфрай» – землей, свободной от евреев, она превратилась в еврейскую пустыню. Думаю, что нынешний акт немцев продиктован их осознанием, что значит потеря еврейской общины. Сегодня они делают все, чтобы восстановить ее в Германии.

– Но возможно ли спустя всего несколько десятилетий после Холокоста бывшим узникам концлагерей, гетто, их детям, внукам ехать в Германию? Из

Испании евреи были изгнаны в 1492 году, и потомки их вот уже более 500 лет туда не возвращаются. Массовая эмиграция евреев в Германию мне менее понятна, чем это.

– Узников гетто, людей, чудом уцелевших после Бабьего Яра и других «фабрик смерти», сегодня осталось немного, и часто правом на выезд в Германию пользуются те, кто не представляет себе, да и не может представить, чем был Бабий Яр и что такое гетто вообще. Кроме того, возьмите Украину: даже после погромов времен Богдана Хмельницкого евреи там оставались жить...

Что на это сказать? Разве что привести слова из Коэлеса (Экклесиаста): «Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется в памяти у тех, которые придут после». Но чтобы память о Холокосте была предана забвению, допустить нельзя. Прав был мудрец, сказавший, что забвение – конец истории, а без прошлого, как известно, будущее невозможно.

ДИНА ЛЕВИНА — ЖИВАЯ СВИДЕТЕЛЬНИЦА АДА

Когда я уже сдал в «Лехаим» материал «Бабий Яр – вечный отзвук Холокоста», вдруг позвонил Ефим Григорьевич Гологорский, председатель Совета евреев – малолетних узников концлагерей и гетто и, волнуясь, рассказал мне о женщине, подростком чудом спасшейся из Бабьего Яра, — Дине Аркадьевне Левиной. Я записал телефон этой женщины и с мучительно сжимающимся сердцем прожил два дня, пока в уютной скромной ее квартире не состоялась наша встреча. Конечно, я встретил слабого, болезненного человека — и в то же время крепкого, мужественного душой.

О Бабьем Яре и о тех очень немногих людях, которые чудом из него спаслись, написано много. Каждый из этих рассказов – особая трагедия.

Когда немцы вошли в Киев, Дине еще не исполнилось и 14-ти. Она была единственным ребенком в семье. Отца забрали в армию до войны, а мама, ее звали Кларой, работала служащей на заводе до самого прихода гитлеровцев.

Что помнит Дина? Страшно подумать – почти все. Даже объявления на украинском языке, расклеенные по городу. На Подоле, где они жили, таких объявлений было очень много. В них сообщалось, что всем «жидам» и членам их семей с ценными вещами и документами надлежит явиться в такое-то место – именно в место, а не по адресу, возле Лукьяновки, где было еврейское кладбище (неподалеку от него и находился Бабий Яр). И еще говорилось: лишних вещей с собой не брать. В этом скупом предупреждении слышалось что-то зловещее.

С приходом немцев жизнь евреев Киева стала невыносимой. Многие пытались спрятаться в чужих домах, у знакомых, но и те знали, что обречены. По городу ходили слухи, — а жители Подола и Слободки это видели воочию, — что стариков и детей, избитых, замученных, бросали в Днепр...

Через несколько дней после прихода немцев Дина с мамой отправились к назначенному в объявлении месту.

Уходя из дома, они, конечно же, не думали, что идут на гибель. Их провожали к месту сбора соседи, не евреи. Они даже испекли им в дорогу хлеб, чтоб было чем перекусить в первое время. Случилось так, что соседей приняли за евреев, и тогда все вместе они оказались в Бабьем Яру.

Обреченных было множество. Ценных вещей у Дины и ее мамы не имелось — только фотографии из довоенной жизни.

Дина помнит, как в конце Дмитриевской улицы толпу остановили и по несколько человек стали отводить на «пропускной пункт». Она помнит, как беспощадно избивали обыскиваемых. Самое страшное из запомнившегося на том первом этапе пути в Бабий Яр — это крики тех, у кого ржавыми щипцами рвали золотые зубы. Крики, слезы, кровь... Уже там, на этой площадке, Дина с мамой услышали первые выстрелы, частые, ритмичные. Но им, как и многим, предстояла и другая часть пути.

За небольшим леском оказалась поляна, от нее тянулись дорожки, которые привели ко рву, — ложбине, окруженной небольшими пригорками, холмами. Приближаясь к этому месту, Дина с мамой вдруг ясно поняли, что их ведут к тому страшному яру, о котором в городе тоже перешептывались уже несколько дней.

Видно, это стало понятно многим. Вспыхнула паника, началась толчея — девочка потеряла маму. О смерти думать не хотелось. Дина помнит себя стоящей спиной к яру, а оттуда слышится страшный крик. Четко помнит выстрел, будто проколовший ногу. От волнения даже не почувствовала боль. Все это происходило в сумерках.

Следующее, что запечатлела память, — люди, много людей, сваленных друг на друга. Она была среди их тел и долго-долго с невероятными решимостью и силой (откуда они только взялись!) карабкалась между трупами, по трупам, пока не выбралась, наконец, из ямы, поглотившей расстрелянных.

Уже наступил рассвет, когда выбравшаяся из ада Дина без оглядки дошла до деревни близ Бабьего Яра. Она постучалась в первый попавшийся дом — ей посоветовали идти дальше. На еврейку Дина похожа не была, может, поэтому ее впустили в свой дом украинцы, пожалели сиротку. Но приютив на несколько дней, затем дали хлеба, кусочек сахара и велели идти дальше. Оказывается, во сне она звала маму, и люди эти догадались, что приютили еврейку.

Сколько она скиталась по селам! Но осталась жива. А после войны вернулась в Киев, и самое страшное, что услышала там, — это разговоры о том, будто никакого Бабьего Яра не было...

Если бы это было так... Но он был, Бабий Яр! И не было в живых матери, друзей ее детства, родных, близких — они навсегда остались в Бабьем Яру...

Кто знает, быть может, ее, Дину Левину, и еще единицы таких, как она, Всевышний оставил в живых, чтобы они рассказали нам, потомкам, о том, что забывать нельзя?..

Сказано в Торе в книге Дворим: «Берегись и тщательнее храни душу твою, чтобы тебе не забыть тех дел, которые видели глаза твои, и чтобы не выходили из сердца твоего во все дни жизни твоей; и поведай о них сынам твоим».

Дина Левина выполнила свой долг перед мертвыми, живыми и Б-гом. Г-споди, продли ее дни, укрась человеческим вниманием, теплом и заботой!

ПРОГУЛКИ ПО НОВОДЕВИЧЬЕМУ

Մերի ու Էմիլի

Продолжение. Начало в №113.

УВАЖАЕМЫЙ КОНСТАНТИН ИВАНОВИЧ ОРЛОВ!

Так начиналось письмо, которое однажды получил известный цирковой артист-иллюзионист Кио – Ренард Эмиль Теодорович (1894 – 1965).

Писавший не шутил. Он, видимо, решил, что Кио – это не настоящая фамилия, а составлена она из инициалов (так, кстати, думают многие), и раскрыл ее по своему разумению. В одном он был все-таки прав. Кио – не настоящая фамилия. «По паспорту» он – Гиршфельд-Ренард Эмиль Теодорович.

Версий происхождения фамилии Кио предостаточно. Например, одни считают, что в ней зашифровано «Как Интересно Обманывать», другие – «Колдун Из Осетии» (там он родился). Заманчиво правдоподобной кажется история, пересказанная Юрием Никулиным. Вот она.

... На заре своей артистической жизни Эмиль Теодорович как-то проходил с приятелями мимо кинотеатра. Жена одного из них, глядя на блистающую электрическими огнями вывеску, где буква «Н» не горела, так и прочитала вслух: Ки...о! И радостно повторила Кио! Кио! Это то, что вам надо, Эмиль.

Но сын Эмиля Теодоровича, Игорь Кио, сообщает более прозаический вариант происхождения фамилии.

Когда отец жил в Варшаве, рядом с его домом была синагога. Молитвы в новогодние праздники сопровождались многократно повторявшимися громкими возгласами: Ткио! Ткио! Ткио! Они и послужили отцу для выбора артистической фамилии, ставшей династической.

Представлять Кио-отца нет необходимости. Те, кто видели его выступления, думаю, на всю жизнь сохранили удивление от чудес наяву. Ведь не зря Международная

артистическая ложа (Лондон) наградила его Золотой медалью. Забыть фамилию Кио не дает и его сын Игорь, продолжающий с успехом работать в том же жанре, что и отец.

... Ошеломляющие фокусы Кио, при всей своей невероятности, находили у зрителя, хотя и не знающего их конкретную разгадку, простое объяснение: «нас дурят» с использованием новейших достижений науки и техники. Верно. А как же иначе смогла бы, например, женщина, на глазах у публики перепиленная в ящике, тут же появиться целой и невредимой?

Но если все, чего Кио достигал с помощью высочайшего мастерства и специальной аппаратуры, можно назвать «благородным обманом», то финальный номер был просто самым настоящим... обманом!

Каждое выступление Кио заканчивалось тем, что он садился в автомобиль, прощался и уезжал с арены. И буквально через мгновение он появлялся из противоположного прохода и приветствовал зрителей.

Даже знатоки иллюзионных фокусов не могли объяснить «раздвоение» Кио.

А это всего-навсего была настоящая мистификация, для осуществления которой, правда, тоже использовалась «специальная аппаратура». Ею служил брат Эмиля Кио, очень на него похожий и с помощью гримера превращавшийся в практически неотличимого двойника.

(6-23-10)

ВОССТАНОВЛЕННАЯ МОГИЛА

В один из ноябрьских дней 1927 года покончил самоубийством видный большевик, дипломат Иоффе Адольф Абрамович (1883 – 1927), с именем которого связаны важные страницы истории первых лет Советской России, в частности, заключение Брестского мира.

Иоффе еще не успели, как его друзей-единомышленников троцкистов, исключить из партии. Он оставался даже кандидатом в члены ЦК РКП(б), но был уже не у дел. И тогда, не видя другого выхода, он решил выстрелом из пистолета выразить протест против порядков, насаждаемых Сталиным.

Трагедия получила резонанс не только в стране, но и за рубежом, где имя советского дипломата было хорошо известно.

Чтобы скрыть политические мотивы самоубийства, власть попыталась представить Иоффе человеком, покончившим с собой под действием морфия (к его помощи иногда прибегали врачи при лечении Иоффе). А решение похоронить Иоффе на Новодевичьем должно было создать видимость того, что он был и остается «верным сыном партии».

Но при этом делали все, чтобы похороны прошли как можно тише, незаметнее. Попытка сорвать траурный митинг на кладбище, куда пришли такие отъявленные оппозиционеры, как Троцкий, Зиновьев, Каменев, Раковский, не удалась. Провожала Иоффе в последний путь и Аллилуева, что, понятно, ее мужу, Сталину, не понравилось.

Прощальную речь произнес Троцкий (это было его последнее публичное выступление перед ссылкой).

В 30-е годы вспомнили, что надо «позаботиться» и о семье Иоффе. И позаботились: жену сослали в Среднюю Азию, а дочь с грудным ребенком – в Сибирь.

Долгие годы дочь, Надежда Адольфовна, была узницей ГУЛАГа. А когда она, реабилитированная в 1956-м, вернулась в Москву, могилы отца не нашла – ее просто срыли, уничтожили.

Но она хорошо запомнила место, куда еще девочкой часто приходила с матерью. И сумела добиться, чтобы здесь снова лежала надгробная плита с именем отца.

(1-45-21)

ЖИЛ-БЫЛ ХУДОЖНИК ХАИМ СУТИН

Адеадеэ Аіеіі іа

Многие художники-выходцы из России, уехавшие в годы революции, до нее и после, – долгое время считались на родине как бы не существующими. Жили они в Париже и были отнесены к «французским художникам». Шагал, Сутин, Цадкин, Липшиц оставались за пределами внимания историков искусства и критики. Шагалу повезло больше, остальным – меньше. Кто-то метко назвал их замолчанными гениями. Это так и есть. Сутин – один из этих забытых. О нем на русском языке нет книг, альбомов, монографий. А он писал в документах «русский», указывал место рождения – Россия. Спасибо Илье Эренбургу: он первым написал о Хаиме Сутине. Пожалуй, впервые у нас в журнале публикуется очерк о жизни и творчестве этого великого художника, повлиявшего на судьбы мирового искусства.

Оі еэ і аа, оі еэ адеадеэ ааа

Оі еэ аааааа іаііі, оі еэ оаіі,

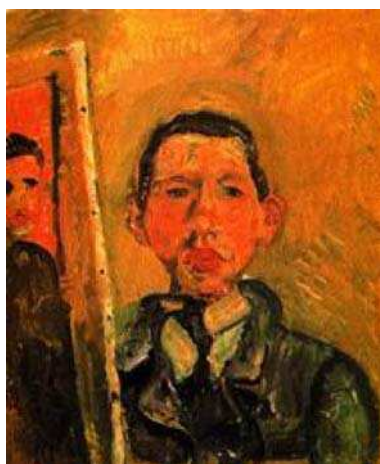
Ааа, ааі ааіі аа, – іііі аааа

Ааа ааа ааі іііііііііі ааі.

А. Іеіііііііі

Из маленького безвестного местечка под Минском начинающий художник Сутин попал в Париж. Об этом городе он мечтал, туда стремился, страстно о нем мечтал, по страсти, наедине с собой прямо думал там прославиться. Могучая и обильная Русь была для еврейского юноши страной особенно тяжелой и жестокой. Но Сутин любил ее, видел ее беспомощность и наивность, хотя и никогда не воспевал ее подобно Шагалу, то есть, не воскрешал в своих работах. С выходцем из России Шагалом Сутина связывал необыкновенный романтизм искренности. Если Шагал создавал свои милые сказки, то Сутин был в искусстве Шекспиром, смело прибегавшим к трагедийным краскам, заглядывающим в бездну ада.

Он прожил почти вдвое меньше Шагала, но стал с ним вровень, хотя его знают в мире намного меньше, что означает только одно: время Сутина еще наступит.

Автопортрет. 1917 год.

За первые десять лет жизни в Париже (он приехал туда в 1912 году) Сутин вдоволь наголодался, намытарился, наскитался. Париж очень хорош, красив, уютен, очарователен и прекрасен, когда в кармане наличествуют франки. И Париж отталкивающе холоден и беспощаден, когда в кармане пусто. Могу свидетельствовать по собственному опыту.

Резкая перемена в жизни Сутина произошла, словно в волшебной сказке: приехал добрый дядя и осчастливил. Американский меценат и коллекционер скупил все работы Сутина за 20000 франков в 1922 году.

С появлением денег Сутин переменялся мало: он был не очень-то опрятен, женщин сторонился из-за своей чрезвычайной застенчивости. Но друзья о нем заботились, приодели его, понемногу обучили хорошим манерам, наняли ему приличное жилье. Все дальше от Сутина отодвигались его родные Смиловичи, где он был десятым ребенком в семье. Его мать Сара была женщиной доброй и едва успевала накормить и обслужить многочисленную семью. Отец был портным. В одних книгах о Сутине говорится, что отца звали Борух, в других его называют Соломоном. Скорее всего, и то, и другое – правда, – наверное, имя отца художника было Борух-Шолом. Он не был ни выдающимся эрудитом, ни человеком, который бесконечно верит в силу разума. Он верил в свои руки труженика и был единственным кормильцем целой оравы голодных ртов.

Когда у Хаима проснулась страсть к рисованию, отец поощрял занятия сына. Но в ортодоксальном местечке со строгим соблюдением законов религии строго-настроено запрещалось рисовать то, что уже создано Б-гом, поэтому Хаима бивали не раз, а когда он вознамерился нарисовать раввина, его избили до полусмерти. Существует легенда, что раввин узнал об этом и выдал Сутина двадцать пять рублей. На которые тот и уехал в Вильно и поступил в художественное училище.

Худой, долговязый, болезненный – таким был Хаим Сутин. Рисовал он запоем, забившись в угол. Говорили также, что Сутин с первого раза не выдержал вступительный экзамен. Он бросился перед преподавателями на колени и выпросил разрешение на пересдачу. И сдал. И поступил.

Вероятно, от вечного недоедания у Сутина была язва желудка, он постоянно корчился от болей. Страдание было обычным на его лице, обрамленном патлатыми волосами. Широко раздутые ноздри, толстые красные губы и горящие глаза – таким был юноша Сутин.

Сразу бросались в глаза его отличия от других – особая напряженность, необычные манеры, нескладные движения. Зато художественный инстинкт в нем был настолько сильным, что рисование уводило его далеко от реальности, в волшебные миры фантазии, вымысла, горячего воображения. Когда он рисовал, рассудок как будто совсем покидал его – ничего не видел, ничего не слышал, ничего не понимал... В его картинах отражались лицо и душа художника. Они были колоритны, многозначны, предельно выразительны.

А. Модильяни. Портрет Хаима Сутина. 1915 год.

Нет искусства без характера личности творца. В этом смысле Сутин крайне субъективный художник. Он представлял собой большой театр, в котором играет один актер. Был театр переживания Станиславского. Был театр отчуждения Брехта, был театр биомеханики Мейерхольда, театр абсурда Ионеско. Сутин объединил в себе всё – и всему дал чуткую, зоркую, пронизательную трактовку. Его ни с кем не спутаешь.

Он воплощал правду личных чувств с такой силой, что до сей поры потрясает людей неподдельным драматизмом.

Мне видится Сутин фигурой загадочной, демонической. Это не Левитан с его осенней грустью, не передвижники с их назойливым реализмом. Сутин – это гроза, стихия, ураган. Это новый тип художника, который срывает кожу с предметов, выворачивает наружу не всегда приглядное человеческое нутро. Это же в литературе делали Достоевский и Толстой. Сутин зачитывался Бальзаком. Художественная поэзия этого писателя была ему по душе: никаких романтических идеалов. В чем-то Бальзак созвучен именно нашему времени – социализм строили-строили, но так и не достроили и с полного маху ввалились в капитализм с его хищными желтыми клыками.

В Париже Сутин поступил в Академию Кормона. За громким названием скрывалась частная школа. Притом платная. Денег у Сутина не было. Он подрабатывал, разгружал вагоны и баржи. Его друг Модильяни выдавал ему один франк на день. Потом они вместе напивались в дешевых кафе. Сутин засыпал за столиком или на потертой кушетке у случайной подруги. Утром Сутин опохмелялся и принимался за работу.

Писал он свои холсты бурно, горячо, выкладываясь до конца. Отходил от мольберта, когда уже ноги его не держали.

Есть два способа жизни: или ты живешь, влекомый безоглядностью, безрассудством, дерзкой мечтой, которая не дает тебе покоя ни днем, ни ночью. Или тобой руководит трезвый расчет, поиск лучшей жизни, обеспеченной и комфортной. Любимый Сутиным Бальзак в своих романах убедительно показал, что за деньги нельзя купить настоящую любовь, а волчья мораль подрывает все устои, толкает на сделку с совестью. Эгоистические стремления человека ведут к краху. Всевышний снабдил Сутина талантом огромной силы, но обделил здоровьем. Он прожил всего пятьдесят лет. Сутин следовал голосу совести художника, Б-жьего избранника и труженика. Он работал без

устали. Модильяни постоянно твердил ему: Сутин, ты – гениальный художник! И вера Сутина в себя укреплялась, помогала выносить все трудности. Он набрал ту высоту творчества, какой достигают единицы. Забрался в горные выси. Далеко внизу копошились бездари, дельцы от искусства, похожие на мелких лавочников. Холодные ремесленники не ведают настоящей любви, вселенских страстей.

У подельщиков равнодушные сердца и липкие жадные пальцы. Сутина казалось, что у них вообще нет сердец, а только поршни. А сам он жил на износ, возносясь духом в б-жественный космос.

Этот местечковый парень, которого едва научили пользоваться носовым платком и носить шелковые рубашки с запонками, понял, что все должно превосходить себя, чтобы быть собой. Он никогда не знал, что сделать, чтобы добиться успеха. Но зато знал, что живопись его – новая и необычная. Каждый его портрет, пейзаж, композиция, натюрморт с тушей забитого быка становились знаком, символом, обобщенным образом природы. Красные гладиолусы захлебывались от крика, люди на его картинах корчились от внутренних противоречий, казалось, что их разрывает изнутри.

Живопись для Хаима Сутина была способом существования, пищей для души, воздухом для легких. Если бы у него отняли краски и холсты, он немедленно умер бы на лавке в своей мастерской. Живопись таила в себе элемент бесконечности, хотя она была вот тут, рядом, в сердце и в тубиках.

Когда-то в виленской художественной школе рядом с Сутиным учился Михаил Кикоин, уроженец деревни Режицы Витебской губернии. Там же учился Павел Кремень, что приехал в Вильно из деревни Желудка. Эти деревенские ребята держались и в Париже вместе, были Сутина верными друзьями, единомышленниками. Они мыли посуду, выколачивали из чужих ковров пыль, мели улицы и помогали друг другу выживать.

Модильяни поселил Сутина у русского скульптора Оскара Мещанинова. Тот был родом из Витебска, уехал в Париж в 1907 году. Ко времени приезда в Париж Сутина Мещанинов получил признание. Он дружил с Пикассо и Модильяни, с Диего Риверой и Цадкиным.

Оскар Мещанинов был человеком необыкновенно добрым, участливым и открытым. Сутин его обожал за живость, покладистость и работоспособность. Часами мог Оскар читать Пушкина. Сутин влюбился в Пушкина. По ночам великаны живописи что-то нашептывали Сутину. Он явственно слышал их голоса. Они стояли рядом с его изголовьем – крупные, сосредоточенные и значительные. Вот пришел Тициан. Тихо встал рядом, передохнул, заговорил, как будто продолжая давнишний разговор: «Слушай, Хаим, ты посмотри-ка внимательно на мой “Автопортрет”, на “Динария кесаря”, прими во внимание “Мадонну семейства Пизаро” и “Венеру Урбинскую”, пожалуй этого хватит... И ты поймешь, что мастерство художника это особая милость Б-га. Это с неба. Самое яростное письмо масляными красками без должного таланта может породить лишь безобразные результаты».

Туша. 1925 год.

Сутин слушал этих говорящих призраков. Они на его глазах наполнялись жизнью, начинали мерцать и светиться, как приборы в самолете в ночное время.

– Где и когда ты родился? – вдруг спросил этот грозный, с насупившимися бровями старик. – Цифры и местность всегда имеют важное значение в судьбе художника. – Я родился в Белоруссии, в местечке Смиловичи 13 января 1893 года, – тут же отрапортовал Сутин. Усмешка Тициана.

– Значит, ты – Козерог. Тринадцатые числа – чаще всего хорошие дни, астрология не подтверждает суеверий по их поводу. Ты родился возле воды, так? – Да, маэстро, у нас Двина под окнами.

– Подумать только, я жил за четыре века до тебя! А живопись твоя мне по душе. Настоящий колорист. Мы с Джорджоне много занимались колоритом, стилем... Я видел твою выставку в Нью-Йорке. Хорошо. Но слишком много боли, страданий. Надо подняться над личным, забыть о бедах...

– Хорошо тебе говорить, Тициан, – вдруг озлобился Сутин. – Ты не знал голода, ты покупал дома, тебя окружала роскошь, тебя облизывали богатые дамы. А заказы – от Карла V, от папы, от богатых господ...

– Что ты размышчался, грубиян...

– Да шел бы ты, Тициан, к...

Призрак вдруг исчез, вместо него появился шумный Амедео.

– Что это ты такой растерянный, Сутин? – весело спрашивал Модии, доставая из сумки пузатую бутылку вина, хлеб, сыр и помидоры.

– Амедео, я, кажется, беседовал с Тицианом... Он хвалил меня за стиль.

– Я так и думал! Бедняжка совсем рехнулся! Тебе срочно надо хлебнуть.

Модильяни налил полный стакан вина, протянул Сутину: – На, глотни!

Сутин выпил вино. Тепло разлилось по телу. Это было не только тепло вина, но и градус дружбы. Если бы не Моды, туго бы пришлось Сутину. Моды ухаживал за ним с заботливостью ласковой мамыши. Он устраивал его с жильем, давал деньги.

Конечно, Тициану легко говорить: у него были дома, поместья, виллы, Добротная семья – сын Орацио, сын Помпонио, дочь Лавиния. А у меня что? Сын – Кобальт синий спектральный. Дочь – Берлинская лазурь, второй сын – Кадмий красный, пурпурный. Хорошо, что меня взял к себе мой земляк Осип Цадкин. Мы поселились с ним в подвале. Рядом были знаменитые бойни на бульваре Вожирар. Там я доставал туши, они мне охотно позировали. Потом Моды устроил меня к Леопольду Зборовскому на улицу Жозеф-Бара. Лео меня любил, а его жена Анна ненавидела. Всегда так, жены наших друзей, если мы с ними не спим, – публика тяжелая, склочная, несносная.

Кондитер. 1922 год.

В последнее время я написал «Натюрморт с рыбами на блюде», «Девочку в красном платье», «Гладиолусы», «Автопортрет», «Шеф-повара».

Наработался до того, что в глазах звездочки стали прыгать, просыпался ночью в холодном поту, тарачился в темноту, снова засыпал.

И кто ко мне заявился? Сам Микеле, да-да! Бровастый, с бешеными глазами и сломанным носом. – Ну что, приятель, – сказал мне Микеланджело, – ты взял тему скорби, страданий, нечистот, пишешь туши, поливая их кровью. Чего добиваешься?

– Хочу вернуть живопись назад, к великим традициям.

– Это похвально, мой друг. Ты видел потолок Сикстинской капеллы?

– Только на репродукциях.

– Мне интересно, что поняли люди двадцатого века? – Буонарроти скрипнул зубами и глянул на Сутина во всю силу своих страшных, давящих глаз.

– Величие и мощь, языческая страсть и образ Христа как грозного судии! – вот что я понял, – твердо и горячо сказал Сутин.

– Цель и смысл моего искусства доступны тебе, поэтому я могу с тобой свободно говорить...

Когда Сутин рассказывал друзьям, что к нему по ночам являются великие мастера и беседуют с ним, они крутили пальцем у виска:

– Пить надо меньше!

Сутин хмыкал, а про себя думал, что больше всего ждет он встречи во сне с тем, кого любил сильнее всех. Конечно же, с Рембрандтом.

И Рембрандт пришел к нему. Квадратный, добродушный, в малиновом берете и легком плаще, наброшенном прямо на ремесленную робу с петельками через плечо. Он уселся за столом поудобнее, снял берет, разгладил волосы, улыбнулся. Сутин услужливо налил в бокалы вино.

Гость посмотрел вино на свет и просто сказал, чокаясь: – За искусство!

И с удовольствием осушил бокал. – У нас с тобой много общего, Сутин, хотя ты еврей, а я голландец. Ты из семьи портного, а я из семьи мельника. Мы оба рано сбежали из дому, чтобы стать художниками. Национальность в искусстве ничего не значит!

Сутин и Полетт Журден с собачкой. 1927 год.

– Я так и знал, что это скажете! Для меня большая честь видеть вас, говорить с вами! У Сутина перехватило горло.

– У тебя свой язык, свой стиль. Без стиля нет художника. Стиль – дитя любви. А любовь – врачеватель духа. Настоящая живопись лечит человека лучше любого лекарства. А плохая живопись разносит заразу, делает человека инвалидом. Скажу тебе, Сутин, по секрету: мне по душе трагизм в твоих работах. У тебя много общего с Адрианом Броувером. В твоих работах есть мистика, тайна. В живописи должна быть тайна, как в женщине, как в природе. Они скрытничают, не сразу раскрываются. Это делает их познание увлекательным. То, что распахнуто настежь, скучно...

Рембрандт спрашивает:

– Мне говорили, что ты изучал мои работы, ездил в Голландию. Для чего это тебе? В мире множество живописцев...

– А ваш колорит? Такого нет больше ни у кого. После вас для меня устарели Тициан, Рубенс, Карраччи. Они померкли. А Рембрандт ван Рейн, как яркая звездочка на небосводе ночном.

– Спасибо тебе, брат. Ласковое слово для художника большой подарок. Ведь мы сжигаем себя дотла, а что слышим за это?

Дай, я пожму твою руку. – Сутин протянул ему руку. И сразу вскочил. В мастерской уже никого не было. Только в углу на кушетке сладко посапывала Полин. Она умела утихомирить и приласкать любого пьяницу.

Дерево под ветром. 1942 год.

Очень не хотелось Сутину так сразу же распрощаться с таким посетителем, который только что был у него, разговаривал так умно, веско, значительно. Без таких людей мир скучен, однообразен, двухмерен. Как это сказал Рембрандт? Ты, Сутин, говорит, душу в свои работы вкладываешь, а другие счета в живопись суют, претензии свои суют, скарედность и лягушачью свою скользкосту. А ты – душу. А что есть на свете дороже, значимей и таинственней души? Ничего больше нет! Здорово сказал. Мудрый старик. Душевный. А как у него глаза загораются. Как у волка, так и пылают. Никогда люди с ним не расстанутся, никогда. Он будет с ними, пока жизнь на земле не кончится. Вечный спутник, неизменный странник Агасфер.

Сутин тронул Полин за плечо, ему захотелось тепла. – Полин, я кушать хочу. Проснись!

Видение Рембрандта прокрутилось в мозгу Сутина как кинолента.

Хотя Хаим Сутин мог показаться кому-то дикарем, тронутым, неряхой и пьяницей, но в живописи он был аристократом и гением, человеком вольным, гордым и независимым. Про себя он посмеивался, когда вспоминал рассказы о том, что московские меценаты заказывали Матиссу картины, давали сюжеты и говорили художнику – это сделайте нам к такому-то числу, а то исполните в таком-то размере и привезете в Москву в декабре. И Матисс старался.

Сутин разворачивал аккуратно обернутый в газету том Пушкина и читал: «Поэт сам выбирает предметы своих песен, и толпа не имеет права управлять его вдохновением...» Вот умница. Да таких свет не видел!

Том этот был выпущен на папиросной бумаге в 1899 году к столетию со дня рождения поэта. А подарил его Сутину Оскар Мещанинов. Этим томом Сутин бесконечно дорожил, как и самим Пушкиным, которого просто боготворил. Нароботавшись, он доставал заветную книгу, читал большие куски поэм, стихов, драматических сцен. И слова гулко отзывались в нем, он трепетал, как в лихорадке. За грубоватой внешностью Сутина, похожего на разночинца, ремесленника, бродягу, скрывался умный человек и опытный профессионал, который умел передать в живописи тончайшие оттенки сложных душевных состояний.

Один из великих живописцев XX века, Хаим Сутин и по сию пору остается «вещью в себе». Время от времени устраивают его выставки, а после снова надолго забывают. Его картины будут покупать арабские шейхи, семья Чаплина, семья Росселлини. Даже Пабло Пикассо купит и повесит в своей мастерской картину Сутина «Париж ночью». Что же всех их завораживает – хаос мазков, линий, особая сутинская энергетика, напор трагизма, обнаженность всего живого и сущего? Честно говоря, не знаю. Об этом надо было спросить у самого художника или у его верной до конца жены и подруги Мари-Берт Оренш. Говорят, она тонко понимала эти материи. Как может только любящее сердце.

Сутин был по-детски доверчив. Он верил в себя, в свои руки, как и его отец, который мог сшить костюм самому привередливому тирану. Но по жизни был штопальщик, то есть чинил старую одежду.

Для Сутина его работа живописца была главным и единственным законом жизни. Понял он это, когда взобрался на высоченную пожарную башню в их местечке. Оттуда открывалась впечатляющая панорама, наполнившая душу таким вдохновенным восторгом, какой бывает у мастера после удавшейся работы или после интимной близости с любимой.

Гладиолусы. 1919 год.

Судя по живописи, Сутин всегда прямо и смело смотрел в глаза своей судьбе. У него было все, чтобы построить Утопию с цветами и розами, чтобы вызвать в себе четвертый сон Веры Павловны, так сочно и сладко описанный Чернышевским. Но он больше верил Бальзаку, который до крови в глазах разглядывал мрак и нечистоты. А золотые стихи Пушкина поднимали его ввысь, помогали ему писать свои картины, в которых тепло б-жественного дыхания сочеталось с любовью и страстью.

Он был благодарен друзьям, благодаря им, их помощи он стал тем, кем стал. Примером самоотверженности художника, совести мастера, честью и достоинством искусства двадцатого века. «Все художники, кто достоин гильдии Святого Луки, должны быть товарищами, братством...» Кажется, так сказал ему Рембрандт во время их короткой встречи. Ради чего старый скульптор и добряк Альфред Буше приобрел строения на улице Данциг, устроил там Улей для художников? Ведь он мог копить деньги, тратить их на девок и дорогую жратву, тешить плоть?

Так сказало ему сердце, так совесть велела. Такой же зов услышал художник Сутин. Его кисть вызвала к жизни картины, исполненные в суровом стиле. Он действовал как хирург, патологоанатом, лишенный сантиментов. Действовал убежденно и деловито. Впору привести одно стихотворение, чтобы до конца понять Сутина. Вот оно.

Áú îîî íèòáòî,

÷òî àèääèè ì ù èàòîî ?

Î íé áíäè, îîî íèòáèè áî

Òó èîøääü äîøèøþ îîä ýðèè

áäèùî ñàòòîî

Ñòäèè ðùæáþùáé òðäâî?

*Í îëöëñòéááòäÿ, îíà, ðàñëéí óá ííæ,
Í îáíáí î äááéá í ëî ù äáí îé,
Ááñò ùáí î, áðòîí î áááð, äáæáéà
ó áí ðíæ,
Çëíáí í í úé áí äáéÿÿ á í é.
È ñëí óá ÿò ó á éü í áééí ñ í ááí ñáí áá,
× ò í á ú î ñò á í éé ñæá: ù áí ò éà,
× ò í á ñëè ò í á á í á í î äáéééáÿ Í ðé ðí áá
Ðáçúáéè í á í ú î í ðé í ÿéà
È áí, éðáñáé óà, è ááñ éí ñ á ò ñÿ ò éáí úá,
È áí ñá é á ò á áí éí ñò áé,
Í ááò äÿ á óááò ú í í á ñëí ðáí ú á í í éáí úÿ,
Á í á ú : á á ðí á í á í ò éí ñò áé.
(Í áðááí ä ñ ó ðáí óççñéí á Á. Èááééá)*

Это написал Шарль Бодлер. Он умер в 1867 году, когда Сутин еще не родился, умер, уверенный в неодолимости зла, в порочности жизни.

Целое поколение писателей и х

удожников в первые тридцать лет XX века были завсегдаями парижских кафе «Ротонда», «Куполь», «Тулузский негр». Не бездельники и клошары приходили туда, а люди, которые хорошо поработали. Об этом можно прочесть у Хемингуэя, Эренбурга, Поплавского. Откройте Эренбурга и найдете там строчки, которые имеют прямое отношение к разговору о Сутине и его собратях. «Для того, чтобы привычные слова волновали, чтобы ожил холст или камень, нужны дыхание, страсть, и художник стораёт быстрее – он живет за двоих, ведь помимо творчества есть у него своя кудлатая, запутанная жизнь, как у всех людей, никак не меньше». Писательница, жившая в Париже, Гертруда Стайн думала, что эти люди – потерянное поколение. Она-то и придумала термин «неприкаянные». Ничуть не бывало! Разве Сутин и Шагал, Паскин и Штеренберг, Хемингуэй и Эренбург, Скотт Фицджеральд и Модильяни были потерянными? Для кого? Они жили страстью творчества, работали как одержимые, обогатили человечество.

Невеста. 1925 год.

Пользуясь определением Хемингуэя, можно сказать: их талант был таким же естественным, как узор из пыльцы на крыльях бабочки. И узор этот не стерся и не поблек и в нашем XXI веке. Они создавали шедевры, хотя не всегда имели деньги, чтобы как следует поесть. Сутин говорил, что голод и бескорыстие рождают шедевры, а не сытость и благополучие.

У Рембрандта была картина с тушей убитого быка. Красота и разнообразие фактуры побеждали ощущение неприятного и уродливого сюжета. Все оттенки красного в картине усиливали и углубляли присутствие сырого мяса, а валеры на голубоватых сухожилиях то вспыхивали, то мерцали. Так написать мог только он.

А спустя много лет и Сутин взялся за эту тему и решал ее многократно с невероятным трагизмом. Оказалось, что натюрморт не мертвая натура в его руках, а живая – с запахами, формами, полными движения, с поразительными переходами линии в объем. Тезка Сутина Хаим-Яков Липшиц недоумевал: «Слушай, Сутин, насмотревшись на твою живопись, я могу лепить вслед за тобой. С помощью объемов в пространстве я черпаю свет. Станковая скульптура, как и настоящая живопись вполне автономна в природе и параллельна ей. Они необходимы человеку, как солнце».

У Жака Липшица Сутин учился экспрессивной деформации природы. В этом он не знал себе равных. И деформация ничуть не мешала эмоциональной образности. Не случайно Модильяни написал портреты Липшица и Сутина – оба стали всемирно признанными столпами современного искусства. Как и сам Амедео.

Без усталости писал Сутин мясные туши, ощипанную дичь, рыбу на блюде, цыплят. Ни у одного художника не было столько работ, связанных с едой. Этот человек хорошо наголодался. Он умер 9 августа 1943 года в Париже от перитонита. Город был оккупирован. Опасаясь немецкой полиции, многие друзья не могли выйти на улицу. За гробом Сутина шел один человек. Это был Пикассо.

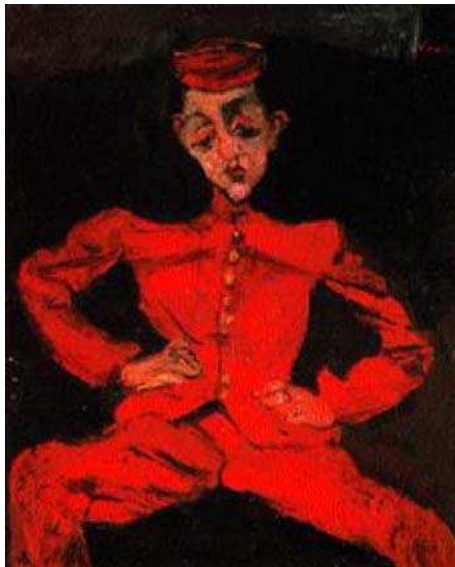
Сутин. 1927 год.

Его похоронили на кладбище на Монпарнасе.

Начинал Сутин из Вильно. Потом в Париже у него была собственная мастерская на площади Клема, откуда открывался вид на Сену. Это напоминало ему задумчивую Двину его детства.

Сутин показывал ужас реальности, где все подчиняется бесчеловечным законам. Но все же, видимо, не совсем все, если есть место под солнцем таким, как Сутин. С полным основанием можно причислить этого мастера к в о л ш е б н о м у р е а л и з м у. Это неповторимый индивидуальный стиль, взволнованное письмо, накаленная добела живопись, экспрессия бесконечная, когда кисть создает на холсте не экзерсисы, а подлинную музыку.

«Пока я голодал, я научился гораздо лучше понимать Сезана», – заметил Хемингуэй. Люди научились понимать Сутина, по крайней мере, платят за него миллионы. Понимание – пролог любви.

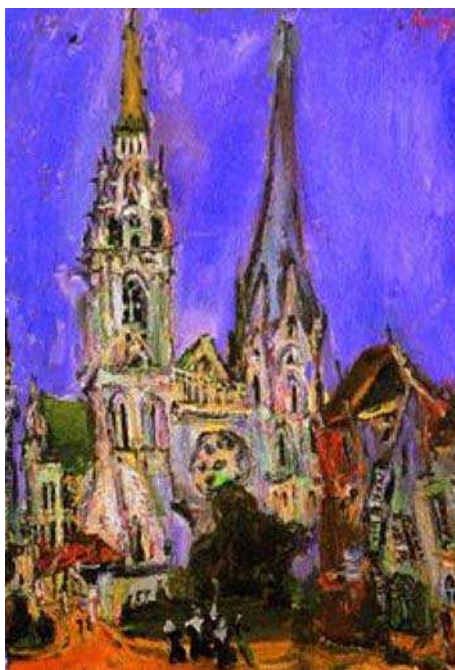

Грум. 1928 год.

P.S. Oýææí áíéúíé Îíæéúýíé ñéçæë Éáííéúáó Çáðíæííó: Íá ááííéíéóáúí, á ééóá Ñóóéíá ý íñóááýþ áúí áúíéý. Íá ñééíííúé é éíí íééí áíóáí Éííñóáíóéí Éíðíæí ñ-éóáë Ñóóéíá íáíéí éç íýòè éó-óéð óáííæíééíá í éðá Îíæéúýíé Íáíéíæë çáí á-áòáéúíúé ííðóðáò í íéíáíá Ñóóéíá (1917). Íí ñáííí íá ííóíæ íá «Ááòííðóðáò» Ñóóéíá Óíò íáíéíæë ñáý ñóðáóííáòúí, íáééþæéí, ááæá óðíæéáúí, ííóíæéí íá éàéí úéá. Ó Îíæéúýíé áúí áðóá Ñóóéí ñííéíéíúé, óðáííáíáóáííúé, á :áí -òí ááæá ñéí íáòè-íúé, ñí ñéíæáííúí é íá éíéáí ýð óéáí é. Éáé-òí ó Ñóóéíá ñíðíñéé: - Áú ááúí æééë òýææí, ááðíí, áúéé íáí-áíóíú á æéçíé?

- Ñ :áí ýòí áúí áçýéé? B áíáíá áúé ñ-áíðééáúí :æííáéíí! - áúé íòááò Ñóóéíá Ñéáçáí í ýòí áúéí çáííðíí, ááæá ñáíçíáíí.

Óáéí Ñóóéí íá ííéðéáéë áóóíé. Áá, íí áúé ñ-áíðééáúí :æííáéíí. Á í íæáò éé áúòú óáíðáó íáí-áíóíúí? Íí-ðé ííéííñóúþ íñéáíóéé Î ééáéáíáææí, çáúúóááóééíý íò çáí úñéíá Î íòáðò, æóóíé Ááòóíáí, áíáíáííúé áí æááéë Î óóééí - áúéé ííé íáí-áíóééáúí é?

Шартрский собор. 1932 год.

Задай им такой вопрос – все ответили бы, как Сутин. Их вела по жизни страсть, творчество, не деньги диктовали им поступки, не прибыль снилась им. Несчастливы бюргеры, обыватели, мещане, а творцы носят счастье в себе. Они ткут его из обманчивой, ненадежной паутины, но их биографии часто похожи на жития святых.

У Сутина не было духовного покоя. Творчество сожгло его. С кистью в руке он бывал необычайно просветлен. Это о таких написал мудрейший Пушкин: «И сердце вновь горит и любит оттого, что не любить оно не может». Сказано по конкретному поводу, о любви к одной женщине. Но Пушкин таков, что в эти слова можно вложить совсем иной смысл.

Отнести это можно к каждому настоящему художнику. Действительно, художник – не профессия. Это судьба!

ЗВЕЗДЫ ПРИНАДЛЕЖАТ ВСЕМ

Аאי אהיהו נאדי גא

Предыдущий отрывок из моих воспоминаний я оборвал на том, что «Маугли» Киплинга была единственной из книг моего детства, которая – уже тогда – связалась для меня с моим еврейством.

В этом была какая-то странность. И даже не одна, а по меньшей мере несколько странностей.

Первая странность состояла в том, что никакого – даже самого микроскопического касательства к еврейской теме книга эта не имела. Даже самое это слово в ней не упоминалось ни разу.

В то же время во многих других книгах, бывших тогда моими любимыми, тема эта нет-нет, да и возникала.

Аркадий Гайдар.

Правда, в тех книгах, которые утверждали и подтверждали тождество того мира, в котором я жил, с миром «Страны Гайдара» (или, по крайней мере, не ставили это тождество под сомнение), эта тема возникала, как правило, лишь в каком-то несерьезном, чаще всего даже юмористическом преломлении:

«Видим мы – стоит мельница. Возле мельницы телега. Под телегой лежит кудластая, вся в репейниках собачонка и, приоткрыв один глаз, смотрит, как шустрые воробьи клюют рассыпанные по песку зерна. А на кучке песка сидит без рубахи Пашка Букамашкин и грызет свежий огурец.

Увидел нас Пашка, но не испугался, а бросил огрызок в собачонку и сказал, ни на кого не глядя:

– Тю!.. Шарик... Тю!.. Вон идет сюда известный фашист, белогвардеец Санька. Погоди, несчастный фашист. Мы с тобой еще разделаемся.

Тут Пашка плюнул далеко в песок. Кудластая собачка зарычала. Испуганные воробьи с шумом взлетели на дерево. А мы со Светланой, услышав такие слова, подошли к Пашке поближе.

– Постой, Пашка, – сказал я. – Может быть, ты ошибся? Какой же это фашист?.. Ведь это просто-напросто Санька Карякин, который живет возле того дома, где чьи-то чужие свиньи в чужой сад на помидорные грядки залезли.

– Все равно белогвардеец, – упрямо повторил Пашка. – А если не верите, то хотите, я расскажу вам всю его историю?

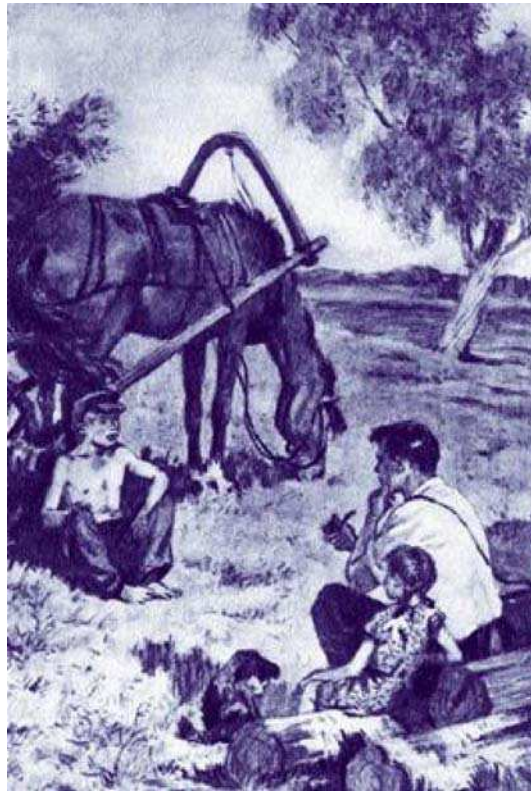
Тут нам со Светланой очень захотелось узнать всю Санькину историю. Мы сели на бревна, Пашка напротив. Кудластая собачонка у наших ног, на траву. Только Санька не сел, а, уйдя за телегу, закричал оттуда сердито:

– Ты тогда уже всё рассказывай! И как мне по затылку попало, тоже рассказывай. Думаешь, по затылку не больно? Возьми-ка себе да стукни.

– Есть в Германии город Дрезден, – спокойно сказал Пашка, – и вот из этого города убежал от фашистов один рабочий, еврей. Убежал и приехал к нам. А с ним девчонка приехала, Берта. Сам он теперь на этой мельнице работает, а Берта с нами играет. Только сейчас она в деревню за молоком побежала. Так вот, играем мы позавчера в чижа: я, Берта, этот человек, Санька, и еще один из поселка. Берта бьет палкой в чижа и попадает нечаянно этому самому Саньке по затылку, что ли...

– Прямо по макушке стукнула, – сказал Санька из-за телеги. – У меня голова загудела, а она еще смеется.

– Ну вот, – продолжал Пашка, – стукнула она этого Саньку чижом по макушке. Он сначала на нее с кулаками, а потом ничего. Приложил лопух к голове – и опять с нами играет. Только стал он после этого невозможно жулить. Возьмет нашагнет лишний шаг, да и метит чижом прямо на кон... Ну вот. Метнул он чижа, а Берта как хватит палкой, так этот чиж прямо на другой конец поля, в крапиву, перелетел. Нам смешно, а Санька злится. Понятно, бежать ему за чижом в крапиву неохота... Перелез через забор и орет оттуда: “Дура, жидовка! Чтоб ты в свою Германию обратно провалилась!” А Берта по-русски уже хорошо понимает, а жидовку еще не понимает никак. Подходит она ко мне и спрашивает: “Это что такое жидовка?” А мне и сказать совестно. Я кричу: “Замолчи, Санька!” А он нарочно все громче и громче кричит. Я – за ним через забор. Он – в кусты. Так и скрылся. Вернулся я – гляжу: палка валяется в траве, а Берта сидит в углу на бревнах. Я зову: “Берта!” Она не отвечает. Подошел я – вижу, на глазах у нее слезы. Значит, сама догадалась. Поднял я тогда с земли камень, сунул в карман и думаю: “Ну погоди, проклятый Санька! Это тебе не Германия. С твоим-то фашизмом мы и сами справимся!”». (Аркадий Гайдар. «Голубая чашка»).

Пашка Букамашкин рассказывает про «известного фашиста» Саньку.

Выслушав от Пашки Букамашкина эту грустную историю, герои гайдаровского рассказа, понятное дело, очень огорчились:

«Посмотрели мы на Саньку и подумали: “Ну, брат, плохая у тебя история. Даже слушать противно. А мы-то еще собирались за тебя заступаться”».

Но тут произошло еще одно, совсем уже мелкое событие, после которого это их огорчение сразу развеялось:

«И только хотел я это сказать, как вдруг дрогнула и зашумела мельница, закрутилось по воде отдохнувшее колесо. Выскочила из мельничного окна обсыпанная мукой, ошалелая от испуга кошка. Спросенок промахнулась и свалилась прямо на спину задремавшему Шарику. Шарик взвизгнул и подпрыгнул. Кошка метнулась на дерево, воробьи с дерева на крышу. Лошадь вскинула морду и дернула телегу. А из сарая выглянул какой-то лохматый, серый от муки дядька и, не разобравшись, погрозил длинным кнутом отскочившему от телеги Саньке:

– Но, но... смотри не балуй, а то сейчас живо выдеру!

Засмеялась Светлана, и что-то жалко ей стало этого несчастного Саньку, которого все хотят выдрать.

– Папа, – сказала она мне. – А может быть, он вовсе и не такой уж фашист? Может быть, он просто дурак? Ведь правда, Санька, что ты просто дурак? – спросила Светлана и ласково заглянула ему в лицо.

В ответ Санька только сердито фыркнул, замотал головой, засопел и хотел что-то сказать. А что тут скажешь, когда сам кругом виноват и сказать-то, по правде говоря, нечего».

В самом конце рассказа на мгновение снова появляются в нем «известный фашист Санька», Пашка Букамашкин и приехавшая из Германии девочка Берта. (Вернее, даже не появляются – мы только слышим их голоса.) И предположение маленькой Светланы, что Санька Карякин «вовсе и не такой уж фашист», полностью подтверждается:

«Возле мельницы мы спрыгнули с телеги.

Слышно было, как за оградой Пашка Букамашкин, Санька, Берта и еще кто-то играли в чижа.

– Ты не жульничай! – кричал Берте возмущенный Санька. – То на меня говорили, а то сами нашагивают.

– Кто-то там опять нашагивает, – объяснила Светлана, – должно быть, сейчас снова поругаются. – И, вздохнув, она добавила: – Такая уж игра!»

Этот свой рассказ Гайдар написал в 1936 году. И события, о которых рассказывает автор, происходили, надо думать, в это самое время. А спустя всего-навсего пять лет, в 41-м, у жены Гриши Свирского Полины немцы убили всю ее семью: родителей, бабу и деда, сестер, братьев.

В живых остался только самый м

ладший ее братишка. Какие-то сердобольные соседи спрятали его. Но уцелеть и ему не удалось.

Его выдала немцам молодая девушка, комсомолка, бывшая его учительница. Сообщила, что там-то, мол, и там-то уцелевший еврейчик прячется.

Ну немцы – люди аккуратные: пошли, взяли, увезли. А был этот Полин младший брат того же возраста, что гайдаровские Санька Карякин и Пашка Букамашкин. И пионервожатая, выдавшая на смерть младшего Полиного брата, тоже, конечно, была «вовсе не такая уж фашистка».

Вернемся, однако, в год 1936-й.

Точно так же – «в тоне юмора» – возникала сперва еврейская тема в другой любимой книжке моего детства – «Кондуите и Швамбрании» Льва Кассиля.

Маленький Оська спрашивает у старшего брата: что такое еврей? Тот отвечает:

– Ну, народ такой... Бывают разные. Русские, например, или вот дошлые. Дошный народ, папа говорит, есть...

В процессе этой – сразу комически начавшейся – беседы Оська узнает, что и он, и его старший брат Леля, и его папа – евреи. Он поражен открытием. Засыпая, уже сквозь сон, он спрашивает:

– Леля!

– Ну?

– И мама – еврей?

– Да. Спи.

И уже совсем поздно, когда возвращаются домой из гостей родители, проснувшийся Оська (он, видно, и во сне не переставал думать о сделанном им открытии) завершает тему, задав спронеж свой последний вопрос:

– Мама, а наша кошка – тоже еврей?

Но были в книге Кассиля и совсем другие эпизоды, в которых эта проклятая еврейская тема решалась уже далеко не так легко и благостно.

Помню, например, такую сцену.

В гимназии, где учится маленький Леля, на уроке истории учитель вдруг заводит речь о немцах (идет уже первая мировая война), которые кровожадностью и зверством превзошли даже прославившихся своей бесчеловечностью мусульман. А в классе – несколько мальчиков-немцев. И весь класс, слушая эти речи учителя, с холодной жестокостью смотрит на них. И тут один из них говорит:

– А еврей? Ведь правда же, они тоже кровожадны? И продают Россию...

Теперь весь класс оборачивается на Лелю. А он краснеет так мучительно, что ему кажется, будто хлынувшая в лицо кровь вот-вот прорвется сквозь кожу щек наружу.

Еврейскую тему учитель не поддерживает. «Это не относится к уроку», – уклончиво говорит он. Но после урока, во время большой перемены на доске повалиются крупные надписи мелом: «Бей немчуру!..», «Все жида – изменники!»

А в начале следующего урока – закона Божия – в класс входит инспектор. Он подходит к Лелиной парте и, стоя за его спиной, возглашает: «Язычники, изыдьте!.. Дежурный, изгони нечестивых из храма!»

И Леля вместе с немцами понуро покидает класс.

Эпизод этот я, как видите, запомнил во всех подробностях. Но при этом очень хорошо помню, что эмоционально он меня никак не задел. То есть – задел, конечно. Но – как литература. Правильнее даже будет сказать так: он не задел меня как еврея. Ко мне – ко мне лично! – это не имело никакого отношения. Ведь все это происходило до революции. А я жил совсем в другое время, в совсем другой стране, где ничего похожего произойти, конечно, не могло.

И точно так же совсем не задело меня как еврея описание еврейского погрома в повести Катаева «Белеет парус одинокий».

Да что – Катаев! Ведь одной из любимейших моих книг был гоголевский «Тарас Бульба», где самый что ни на есть настоящий еврейский погром описывается – в

отличие от Катаева – без тени сочувствия к несчастным его жертвам и даже не без некоторого веселого злорадства:

«– Как? Чтобы запорожцы были с вами братья? – произнес один из толпы. – Не дождетесь, проклятые жидаы! В Днепр их, панове! Всех потопить, поганцев!»

Эти слова были сигналом. Жидов расхватили по рукам и начали швырять в волны. Жалкий крик раздался со всех сторон, но суровые запорожцы только смеялись, видя, как жидовские ноги в башмаках и чулках болтались на воздухе».

Григорий Свирский и его жена Полина, младшего брата которой выдала немцам его бывшая учительница – комсомолка.

В книге, которую я только что упомянул, – «Кондуите и Швамбрании» Льва Кассиля, – рассказывается, каким страданием для ее героя было первое его соприкосновение с этой лихой и веселой гоголевской сценой:

«Шли занятия по выразительному чтению. В классе по очереди читали “Тараса Бульбу”. Мне досталось читать место, где запорожцы кидают в Днепр ни в чем неповинных евреев, а те тонут... Мне до слез было жалко несчастных. Мне было тошно читать. А весь класс, обернувшись ко мне, слушал, кто просто с жестоким любопытством, кто с нахальной усмешкой, кто с открытым злорадством. Ведь я, я тоже был из тех, кого топили веселые казаки... Меня осматривали как наглядное пособие. А Гоголь, Гоголь, такой хороший, смешной писатель, сам гадко издевался вместе с казаками над мелькавшими в воздухе еврейскими ногами. Класс хохотал. И я почувствовал, что тону в собственных слезах, как евреи в Днепре.

– Я... не буду читать больше, – сказал я учителю Озерникову, – не буду. И все!.. Гадость! Довольно стыдно Гоголю так писать.

– Ну, ну! – заорал грубый Озерников. – Критику будем проходить в четвертом классе. А сейчас заткни фонтан.

И я заткнул фонтан».

К стыду своему должен признать, что, в отличие от Кассиля (переживания его маленького героя – это, конечно, его собственные детские переживания), читая гоголевского «Тараса Бульбу», я ничего подобного не испытывал.

То есть я, конечно, сочувствовал Янкелю. Но сочувствовал ему гораздо в меньшей степени, чем спасшему его от жестокой расправы Тарасу. По-настоящему я сочувствовал (сопереживал) не ему, а именно Тарасу. А еще больше – влюбившемуся в прекрасную полячку и за это беспощадно убитому Тарасом Андрию.

И точно так же было, когда я читал «Белеет парус одинокий» Катаева. Да, конечно, я сочувствовал еврейскому мальчику, прятавшемуся от погромщиков в квартире Пети Бачея. Но себя с этим еврейским мальчиком не ассоциировал. Даже имя его вспомнил сейчас с некоторым трудом: Ньюма Коган, вот как его звали! Вспомнить-то вспомнил, но – и только! Ни на одну секунду, читая книгу Катаева, я не ощутил себя этим Ньюмой Коганом, не побывал в его шкуре. Я был – Петей. Только Петей.

Вот так же обстояло дело и с гоголевским Янкелем.

Может быть, сейчас я – для пущего, что ли, художественного эффекта, – слегка даже и преувеличиваю свое тогдашнее равнодушие к этому гоголевскому персонажу. Но одно я могу сказать совершенно точно: ни при какой погоде не мог бы я почувствовать то, что чувствовал герой кассилевского «Кондуита» («Ведь я, я тоже был из тех, кого топили веселые казаки...»).

Может быть, я не мог чувствовать так, потому что мне не пришлось читать эту сцену из «Тараса Бульбы» вслух – перед всем классом. И одноклассники не рассматривали меня как наглядное пособие, не глядели на меня – кто с жестоким любопытством, кто с нахальной усмешкой, кто с веселым злорадством.

Я «Тараса Бульбу» читал дома, уютно устроившись у себя за шкафом, и был он для меня – как «Том Сойер», как «Геккельберри Финн», как «Принц и нищий», как «Айвенго». Может быть, только поэтому, читая его, я получал удовольствие, а не испытывал ту муку мученическую, те страдания – физические и нравственные, – какие испытывал герой «Кондуита»?

Да, наверно и поэтому. Но главным образом все-таки потому, что от этих переживаний я был защищен той прочной броней, какой было для меня мое гражданство, моя принадлежность к безнациональному народонаселению Страны Гайдара.

Была, правда, в моем детстве книга (тоже из числа самых любимых), читая которую я ощущал и осознавал себя еврейским мальчиком. Это был «Мальчик Мотл» Шолом-Алейхема. Читая ее, я, конечно, был Мотлом. Но ведь точно так же, читая «Детство Тёмы» Гарина, я был – Тёмой, погружаясь в «Детство Никиты» А.Н. Толстого – Никитой, а зачитываясь похождениями Тома Сойера, – становился Томом. Но, превращаясь в Тома Сойера, я ведь не становился американцем. И точно так же, сопереживая шолом-алеихемовскому Мотлу, я не становился, не осознавал, не ощущал себя евреем. Лишь много позже, перечитывая эту книгу уже, так сказать, во взрослом состоянии, я в полной мере почувствовал и оценил все ее еврейские краски – ту грустную еврейскую иронию, которой пронизана вся эта книга, начиная с самых первых ее слов, с названия первой ее главы: «Мне хорошо – я сирота!» Но тогда, в детстве, погружаясь в книгу Шолом-Алейхема и на какое-то время становясь еврейским мальчиком Мотлом, я не ощущал эти свойства еврейского ума и души, как свои, кровные, присущие мне, так сказать, по праву рождения.

И только Маугли – только он один из всех любимых моих книжных героев – натолкнул меня на мысль, что моя причастность к еврейскому племени – не пустяк. Что

она – эта причастность – может оказать самое неожиданное, может быть, даже роковое воздействие на всю мою будущую жизнь.

Натолкнул меня на эту мысль не столько сам Маугли, и не столько даже его удивительная судьба, сколько одна вырвавшаяся у него горькая фраза:

«Волки гнали меня за то, что я человек, а теперь люди гонят меня за то, что я волк».

Почему эта фраза так поразила меня? И поразила не сама по себе, не глубиной мысли и не силой ее выражения, а именно вот тем, что показалась мне имеющей самое прямое и непосредственное отношение ко мне – к моему двойственному, межеумочному положению в мире?

Никто никогда и ниоткуда меня не гнал. Я и с бытовым-то антисемитизмом тогда еще не сталкивался, а уж тем более не мог даже вообразить, что этот бытовой антисемитизм, стократ усиленный, искусственно разжигаемый, сольется с антисемитизмом государственным. И уж совсем неоткуда было мне узнать о существовании еврейских националистов (они появятся еще позже), которые будут «гнать» меня за то, что я русский.

Да и русским я, по правде говоря, чувствовал себя лишь в те редкие минуты, когда, окунувшись по уши в какую-нибудь заграничную жизнь, оказавшись, например, в Париже графа Монте-Кристо или в каком-то из романов Жюль Верна (сейчас уже не помню, в каком), сталкивался вдруг с ненадолго промелькнувшим там русским персонажем. Простое упоминание русской фамилии обдавало каким-то приятным теплом, словно и впрямь, оказавшись за границей, нежданно-негаданно встретился вдруг с земляком-компатриотом.

Иное дело – в войну.

Когда война вошла в свою основную фазу, то есть, когда развеялись (кстати говоря, очень быстро) последние надежды на солидарность с немецкими пролетариями и я совсем привык к мысли, что мы воюем не с «фашистами-захватчиками», а – с немцами, с «фрицами», – вот тут уж я окончательно – и как будто с полным на то основанием – почувствовал себя русским.

Но и тут все было не так-то просто. И об этой «непростоте» память моя сохранила одно довольно-таки постыдное (может быть, самое постыдное в моей жизни) воспоминание.

Иосиф Шкловский, предрекавший, что моя любовь к русской литературе когда-нибудь выйдет мне боком.

В эвакуации, в городе Серове, в школе-семилетке, в которую я поступил, отношения с товарищами по классу у меня сложились самые что ни на есть прекрасные. Национальная тема вообще не возникала – за исключением одного, вот этого самого случая, о котором я и сейчас – почти шесть десятков лет спустя – не могу вспомнить без стыда.

Не помню сейчас (да это и неважно), то ли классный руководитель, то ли завуч, то ли сам директор школы заглянул однажды в наш класс и быстро потребовал, чтобы каждый из нас назвал свою национальность. Мы – поочередно – вставали и отвечали. Большинство, естественно, оказалось русскими. Немало было и украинцев. Директор (или это был завуч?) быстро отмечал каждый ответ в каком-то своем списке. Совершенно очевидно было, что вся эта процедура носит чисто формальный характер и никому из нас никакими неприятностями не грозит. Когда очередь дошла до меня, я встал и сказал: «Еврей». И хотя мне в тот момент даже и в голову не пришло назваться русским (это можно было сделать с легкостью, проверять никто бы не стал), возникло все-таки какое-то неприятное чувство: словно я вдруг на секунду обнажился перед всем классом, открыл какую-то, неведомую им раньше, свою тайну.

Странное чувство это, наверно, тут же и рассеялось бы. Но тут события вдруг приняли совершенно неожиданный для меня оборот.

За моей спиной, в следующем за мною ряду сидела тихая, застенчивая, некрасивая девочка по фамилии «Книсс». Когда очередь дошла до нее, она встала и негромко произнесла:

– Немка.

Сегодняшнему читателю невозможно представить себе, что вместили тогда этот простой и естественный ответ.

Мой литинститутский товарищ Володя Огнев рассказал мне однажды, как его познакомили с Пастернаком. Володя тогда еще не успел обзавестись псевдонимом, а фамилия его была – «Немец». И вот, когда их познакомили, Володя сказал:

– У меня фамилия страшная –

Немец.

Борис Леонидович, улыбнувшись и, вероятно, слегка кокетничая,

ответил:

– У меня еще страшнее –

Пастернак.

Когда их познакомили, может, так оно и было. Но в 41-м, в 42-м назваться немцем, я думаю, было страшнее, чем Пастернаком.

Но Володя был «Немец» только по фамилии. А одноклассница моя, про которую я рассказываю, была настоящей немкой. И сказать об этом вслух ей было, я думаю, страшнее, чем Володе произнести свою «девичью» фамилию.

А может быть, я все это выдумываю. Может быть, ей это было нипочем: это я был в той школе новичком. А она училась в ней уже седьмой год, и ее, наверно, уже не в первый раз об этом спрашивали, и ни для кого из ее соучеников этот ее ответ не был

новостью.

Как бы то ни было, никто на этот ее ответ никак не прореагировал. Ни один человек.

Кроме меня.

Услышав, что Книсс – немка, я оглянулся на своего товарища по парте Жорку Калинина и сделал «большие глаза»: ты слышал, мол? Книсс-то наша, оказывается, вон кто!

Жорка в ответ поглядел на меня укоряюще, давая понять, что делать большие глаза в таких случаях неприлично. Ну немка. Ну и что? Ничего особенного.

Я и сам, конечно, знал, что в том, чтобы быть немцем, даже сейчас, когда идет война с Германией, нет решительно ничего особенного. И если бы перед этим я не вынужден был встать и сказать вслух, что я еврей...

Если бы я на самом деле считал, что в принадлежности этой девочки к немецкой нации есть что-то подозрительное, отделяющее, отчуждающее ее от нас, – это было бы, конечно, очень нехорошо. Но в действительности дело обстояло гораздо хуже. Этими своими «большими глазами» я как бы давал понять – Жорке, а вместе с ним и всему классу, – что, хоть я и еврей, но по сравнению с Матильдой Книсс, оказавшейся немкой, я как бы уже и не еврей. То есть, что в сравнении с ней все мы – украинцы, татары, евреи, – тоже русские. В той иерархической лестнице наций, которая вдруг выстроилась в результате всех наших ответов, оказалась вдруг самая последняя, низшая ступень. И я радостно дал понять, что я – не на ней, не на этой последней ступени. Я словно бы шепнул классу, как это, бывало, делал Маугли, оказавшись вне своей родной волчьей стаи: «Мы с вами одной крови». Но Маугли этой своей ритуальной фразой

говорил, обращаясь к антилопам, шакалам, кобрам и всякой иной живности, населяющей джунгли, что он им не враг, что он – их «маленький брат». Я же, как бы произнося (мысленно) те же слова, давал понять, что я с ними со всеми одной крови, в отличие от нее – той, что оказалась немкой. Я как бы предлагал им породниться со мною за ее счет. Я ее предавал, топил, чтобы самому удержаться на поверхности. И не принявший этого моего фальшивого удивления недоумевающий, отрезвляющий взгляд Жорки Калинина мгновенно отрезвил меня. Я, как выразился однажды Александр Сергеевич, почувствовал «подлость во всех жилах» и – устыдился. За что я Жорке до сих пор благодарен. Б-г его знает, до чего бы я еще дошел, если бы не тот его отрезвляющий, укоряющий взгляд.

Ну а что касается другой фразы Маугли – той, в которой мне померещилось предвестие истины, коснувшееся меня, – то она и впрямь несла в себе некое пророчество.

Я уже говорил, что никто тогда меня ниоткуда не гнал: ни русские за то, что я еврей, ни евреи за то, что я русский. Тогдашнее мое восприятие горестной реплики человеческого детеныша, выкормленного волчицей и ощущающего себя одинаково «не своим» и в волчьей, и в человеческой стае, шло не от жизни, не от моего (пусть маленького, крохотного, но личного моего) опыта, а – от литературы.

Но жизнь потом подтвердила истинность этой литературной фразы, обернутой мною на себя.

В будущей моей жизни меня тоже никто никогда ниоткуда не гнал. Но вот это самое межеумочное (вроде как у Маугли) свое положение между русскими и евреями я ощущал не однажды.

Вот, скажем, совсем недавно. Позвали меня на какую-то выставку еврейской книги в библиотеке Ленина. Не могу сказать, чтобы все это мероприятие – и сама выставка, и выступления, и речи, и заключительный концерт – было так уж мне интересно. Но полужнакомый сотрудник израильского посольства обещал мне переправить по своим дипломатическим каналам несколько моих книг Шурику Воронелю. И я пошел. В зале мне встретился один – тоже полужнакомый – издатель. Помахав издали мне рукой, он подошел поближе и, обменявшись со мной рукопожатием, сказал:

– Я, положим, еврей, а вы-то что здесь делаете?

И я стал зачем-то глупо объяснять, что попал сюда, в сущности, случайно, что вот, надо, мол, передать книги для приятеля, живущего в Израиле.

Знакомый издатель, давший мне понять, что я ненастоящий, плохой еврей, конечно, шутил. Хотя – кто знает?

Долгое время я думал, что и Иосиф Шкловский – мой друг, известный астрофизик – тоже шутит, обращаясь ко мне с одной и той же осуждающей фразой:

– В вашей бескорыстной любви к русской литературе есть что-то ненормальное. Вот увидите, эта любовь вам еще выйдет боком...

Но однажды, когда я, не выдержав, ответил ему на это: «Ведь вы же тоже русский ученый», он пожал плечами и сказал:

– Звезды принадлежат всем.

И я вдруг увидел, что нет, то была не шутка. Он самым серьезным образом полагал, что не подобает еврею отдать всего себя, целиком, русской литературе – не еврейское это дело.

Как бы то ни было, к этой – дикой для меня! – позиции Иосифа я еще мог относиться юмористически. Но к другому высказыванию на сходную тему, услышанному мною однажды, отнестись юмористически я уже не мог.

Дело было в Коктебеле, куда я любил приезжать поздней осенью, когда уже не надо было бороться с Литфондом за путевку и когда Коктебель был таким же пустынным, каким он бывал лишь во времена Волошина.

При всей своей прелести этот осенний Коктебель таил в себе и некоторую опасность: поздней осенью там бывало иногда уже довольно холодно. Вот и в этот раз осень выдалась холодная, ветреная. И на всем пляже нас было только трое: Изя Крамов, я и старик Тышлер.

Мы с Изей лежали в плавках прямо на гальке, чуть пригретой бледным осенним солнышком, а Тышлер устроился рядом с нами (точнее – мы рядом с ним) на маленьком складном стульчике. В отличие от нас он был в теплой куртке. Горло его было замотано шарфом, а на голове красовалась белая кавказская войлочная шляпа.

Время от времени мы с Изей подымались и нехотя (ничего не поделаешь, положение обязывает) шли в море. Побарахтавшись в волнах минут пять (вода была ледяная), возвращались, чтобы вновь улечься у ног старого художника и послушать его рассказы.

И вот в одну из таких пауз между купаньями подползла к нам с соседнего пляжа знакомая женщина, московская моя соседка – Тамара Забелина. Извинившись, что прервала наш разговор, она сказала:

– Бен, я хочу тебя спросить. Ты ведь наверно хорошо знаешь...

Она назвала фамилию одного моего коллеги, только что вышедшая книга которого имела тогда довольно шумный успех.

– Да, конечно, – сказал я.

– Расскажи, пожалуйста, какой он, – попросила Тамара.

Я засмеялся, потому что первое, что мне вспомнилось в связи с этим заинтересовавшим Тамару моим приятелем, была одна его реплика, произнесенная не где-

нибудь, а – в ЦК КПСС, в очень серьезном и чреватом разными нехорошими для него последствиями разговоре.

Сейчас я уже не помню, зачем вызвали его в это зловещее учреждение и чего там от него потребовали. То ли чтобы он публично отрекся от какой-то своей статьи, покаялся в том, что совершил грубую идеологическую ошибку, то ли – чтобы осудил (то есть – раздолбал тоже, разумеется, публично) идейно ущербную книгу или статью какого-то своего товарища. В общем, потребовали, чтобы он совершил какую-то – вполне обычную в те времена – гнусность. Впрямую отказываться от таких предложений, да еще сделанных в таком учреждении, было тогда, мягко говоря, не принято. В лучшем случае можно было попробовать каким-то хитроумным способом от него отмотаться. Но герой этой моей истории (для удобства изложения буду называть его, скажем, Сашей) отреагировал на гнусное предложение своего чиновного собеседника не по шаблону. Спокойно выслушав его, он спросил:

– Вы помните, что сказал Буратино Мальвине, когда она велела ему почистить зубы?

Нет, Сашин собеседник этого не помнил.

– Я напомню вам, – любезно пришел ему на помощь Саша. – Он сказал ей: «Сдохнете, не дождетесь!»

Рассказав Тамаре эту историю и насладившись ее реакцией, я, естественно, хотел продолжать в том же духе. Но больше никаких историй про Сашу я не знал, и так удачно начавшийся мой рассказ на интересующую ее тему быстро стал увядать. И тут я вдруг вспомнил еще один эпизод, связанный с Сашей. И хотя этот эпизод был совсем другого рода и отчасти даже разрушал созданный мною образ рыцаря без страха и упрека, я не удержался и сходу изложил его Тамаре. Может быть, делать это было и не надо. Но – «Остапа несло».

А эпизод был такой.

Собрались мы как-то в Малеевке, в большой комнате старого – еще деревянного – коттеджа. Сидели допоздна, рассказывали какие-то истории. И вдруг Саша наклонился к уху тогдашнего моего друга и соавтора Стасика Рассадина и сказал:

– Обрати внимание, нас здесь человек, наверно, тридцать?

– Да, не меньше, – согласился Стасик.

– И из всех тридцати только мы двое с тобой русские. Все остальные – евреи.

Стасик, оглядевшись вокруг, сказал, что русских, как ему кажется, гораздо больше. И сходу назвал нескольких женщин.

– Ну, женщины не в счет, – отмахнулся Саша. И продолжал развивать свою тему.

Стасик потом мне все это рассказал, не скрывая своего недоумения: ему показалась весьма странной сама идея – рассматривать собравшихся с этой точки зрения,

вглядываться, вычислять, соображать, определять... Этим своим недоумением он со мною и поделился.

Вот эту историю я и рассказал тогда Тамаре. Рассказал, сам не зная зачем, не вкладывая в нее, кстати сказать, и тени осуждения. Просто как штрих, как знак некоторого чудачества.

Может быть, именно так и восприняла бы мой рассказ Тамара. Но совершенно иначе отреагировал на него молча, не перебивая, слушавший меня Изя Крамов.

– Что за чушь! – возмутился он. – Саша – мой близкий друг. Я его знаю как облупленного. То, о чем ты говоришь, ему до такой степени несвойственно, что я просто даже представить себе не могу, чтобы это могло быть правдой.

Я сказал, что не мог же Стасик все это выдумать. Но еще раз добавил, что сам я не придаю этой глупой истории никакого значения.

Изя долго еще не мог успокоиться, продолжал кипятиться и что-то такое бухтеть про то, какой Саша прекрасный парень и как бесконечно чужд он всяких национальных, а тем более антисемитских предрассудков.

И вдруг Тамара сказала:

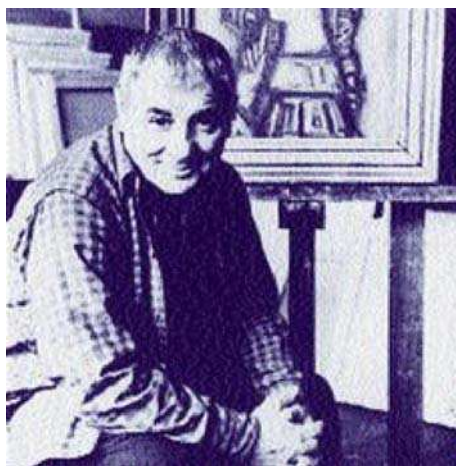
– А может быть, Бен, ты придал этой истории такое преувеличенное значение, потому что у тебя, ну что ли, особая чувствительность к этому вопросу?

Я возмущенно сказал, что никакой такой особой чувствительности к этому вопросу никогда за собой не замечал. Глупый этот разговор еще продолжался некоторое время, потом увял, и Тамара уползла обратно, на свой пляж, где ее ждала своя компания, нетерпеливо жаждавшая услышать какие-нибудь подробности про автора модной книги.

И тут старик Тышлер, не проронивший в продолжение всего этого разговора ни единого слова, и произнес ту свою, до глубины души поразившую меня фразу.

– Такие разговоры, – сказал он, – не следует вести с неевреями. Даже с евреями, у которых есть хотя бы четверть нееврейской крови, я не стал бы заводить такие разговоры.

Б-же мой! – подумал я. – Какую страшную жизнь надо было прожить, чтобы прийти к такому убеждению.

Александр Григорьевич Тышлер.

Этой своей сентенцией Тышлер хотел преподать мне некий урок. Он хотел, чтобы я учел, принял во внимание его опыт. Но на самом деле он этой репликой раз и навсегда «изгнал» меня из своего мира. Я уже был другой, и мне туда, в мир его представлений и предубеждений уже не было хода. Даже Тамара Забелина с ее дурацким (как мне тогда казалось) предположением, что я будто бы особенно чувствителен к разговорам на еврейскую тему, – даже она была мне ближе и понятнее. Но и ее реплика тоже «изгоняла» меня. Она изгоняла меня из уютного, комфортного мира привычных для меня представлений, согласно которым я был такой же, как она, а следовательно, никакой особой чувствительности к этой самой еврейской теме, у меня быть не могло. И заподозрив меня в такой особой чувствительности, она невольно, но довольно сильно меня обидела. Я вдруг увидел, что для нее я – не такой же, как она. Другой.

Казалось бы, в этой ситуации только Изя должен был остаться последней моей опорой и защитой, – единственным моим «компатриотом», единственным в этой маленькой, вдруг образовавшейся компании человеком, живущим со мною в одном мире – том самом, где люди, принадлежавшие к разным нациям, ничем, в сущности, друг от друга не отличались, а если и были отличия, так самые пустяковые, которые даже и принимать во внимание не стоило. Так же, как не стоило обращать внимание на дурацкую причуду его друга, которому вдруг вздумалось сосчитать, сколько там в нашей малеевской компании было евреев, а сколько русских. Как это там – у Кульчицкого? «Только советская нация будет, и только советской расы люди».

Изя был мужем Леночки Ржевской, первым мужем которой был Павел Коган – тот самый, кто написал про «лобастых мальчиков невиданной революции». А сама Леночка девчонкой ушла добровольцем в военное училище, где ее готовили к глубокому рейду в тыл к немцам. И ей даже в голову не пришло тогда, что для нее это в миллион раз опаснее, чем для ее русских подруг. А когда пришло, было уже поздно. Да и все равно, разве это остановило бы ее, когда она возила в своей полевой сумке зубы Гитлера, чтобы специалисты могли по этим зубам точно установить, сам ли это фюрер покончил с собой в том берлинском бункере или то был какой-то его двойник.

Дело было, конечно, не в том, что Изя был мужем Леночки, а она раньше была женой Павла, а Павел был ближайшим другом Миши Кульчицкого, верившего, что «только советская нация будет». И даже не в том, что он был – из их компании.

Суть дела состояла в том, что он был из тех самых «лобастых мальчиков», от имени которых, голосами которых говорили и Павел, и Миша.

Казалось бы, уж с ним-то мы точно были «одной крови» – не евреи, не русские, а выходцы из страны своего детства, «страны Гайдара».

Изя своим отношением к предмету нашего разговора из этой «страны» меня не только не изгонял – напротив, он приглашал меня вспомнить о нашей общей родине и незамедлительно туда вернуться.

Но то-то и дело, что вернуться туда я уже не мог. И не потому, что меня оттуда изгнали.

Я сам – добровольно – ее покинул.

Правильнее было бы даже выразиться иначе: эта наша бывшая родина для меня к тому времени уже перестала существовать.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ ЕВРЕЙ

עֲדָאֵעֵי לְאֹדִיאַ

15 ноября 1941 года умер Григорий Адольфович Ландау

О нем вспоминает Федор Августович Степун в своей книге «Бывшее и несбывшееся»:

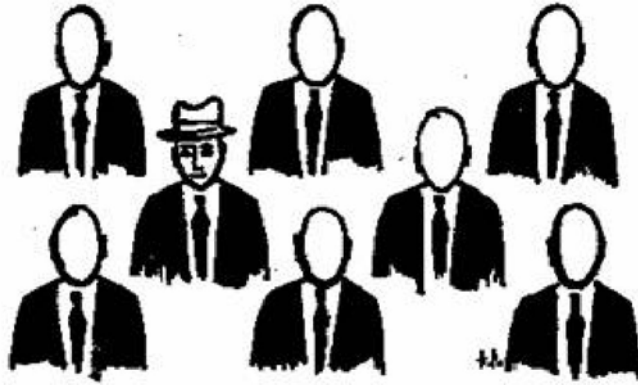
Природа наделила Григория Адольфовича Ландау блестящими дарованиями, но жизнь жестоко насмеялась над его даровитостью: то немногое, что он написал, мало до кого дошло и мало на кого произвело должное впечатление. Помню, с каким захватывающим волнением читал я в окопах (первой мировой войны) только что появившуюся статью Ландау «Сумерки Европы» (журнал «Северные записки», 1914, № 12). В этой замечательной статье высказано многое, что впоследствии создало мировую славу Освальду Шпенглеру («Закат Европы», т. 1-2, 1918 – 1922).

Появившаяся в берлинском издательстве «Слово» (в 1923 году) под тем же заглавием («Сумерки Европы») большая книга Григория Адольфовича, полная интересных анализов и предсказаний, также прошла незамеченной в эмиграции. Мои хлопоты о переводе ее на немецкий язык ни к чему не привели. И это в те годы, когда на немецкий переводилось все, что попадало под руку.

Причину литературной неудачи Григория Адольфовича надо прежде всего видеть в том, что он был чужаком решительно во всех лагерях.

Русская левопрогрессивная общественность не принимала его потому, что, по ее мнению, русскому еврею надлежало быть если не социалистом, то по крайней мере левым демократом. Ландау же был человеком консервативного духа. Чужой в левых интеллигентских кругах, он, как германофил, не был своим и среди либерал-консерваторов, убежденных приверженцев союзнической (англо-французской) ориентации.

Но и от германофилов Григорий Адольфович быстро отошел, так как в годы войны (первой мировой) германофильство процветало у нас в лагере крайних реакционеров-антисемитов или в лагере большевиков-пораженцев. Ни с марковцами, ни с ленинцами у Ландау не могло быть ничего общего.

ГЛУБОКИЕ СКОБКИ

Кто такие ленинцы – худо-бедно известно. А марковцы – сторонники Николая Евгеньевича Маркова, депутата Государственной Думы. Родился в 1866 году. По образованию – инженер. Сын популярного в свое время писателя и журналиста.

9 февраля 1911 года Дума обсуждала вопрос, не отменить ли «черту оседлости» (запретительные распоряжения о евреях), и Марков 2-й, внешне похожий на Петра I, выступал в местном парламенте.

Вы уже знакомы с моей точкой зрения на иудейскую расу как на расу человеконенавистническую, расу преступную и преступающую те нормы христианского правосознания, которые считаются всеми народами, кроме иудеев, – по крайней мере, всеми христианскими народами, – обязательными. И раз это так, – а это несомненно так (в чем Марков свято уверен), – раз евреи в отношении остальных граждан Российской империи являются элементом, постоянно и регулярно нарушающим закон, – они и должны подвергаться всем ограничениям, которым исторически их подвергали за преступное отношение к человечеству.

Иудеи подвергались ограничениям не в силу каких-либо дурных свойств окружающих народов (и в том числе русского народа), они подвергались всяческому стеснению и ограничениям ввиду того, что все государства мира защищались от натиска преступной иудейской расы, от покушения этой преступной расы на благосостояние, на самую душу этих народов.

Русские люди еще не в состоянии бороться с иудеями своими средствами. Иудейская сила, сила чрезвычайная, сила почти не человеческая, – это сила, с которой отдельные люди не в состоянии бороться. С этой ужасной силой, которой я необычайно боюсь, с этой адской силой бороться под силу только государству.

Я утверждаю, как утверждал всегда, что угнетение отдельных национальностей, в данном случае иудеев, нисколько не противоречит идеалам здоровой государственности (подчеркнуто Марковым).

Как существует Агасфер – Вечный Жид, так мыслима и противоположная фигура – Вечный Антисемит. На эту роль и претендует Марков. Вполне бы сгодился. В прототипы уж точно...

Благополучно пережил революцию. Эмигрировал. Осел в Германии, сотрудничал с нацистами... После 1945 года следы его теряются.

Многоочие. Скобки закрываются.

...известно, – продолжает Степун, – что Андре Жид, посетивши Россию, пришел в ужас от большевистского конформизма (Андре Жид. Возвращение из СССР. М., 1990).

Что говорить, советский конформизм – вещь страшная. Но пример Ландау учит тому, что требование конформизма не было чуждо и нашей свободолюбивой интеллигенции. Чужаков, не исполняющих социальных заказов, она безжалостно заклевывала.

В последний раз я видел Григория Адоль

фовича в Берлине уже после издания Нюрнбергских законов (1935 год, сентябрь) о положении евреев в Германии. От блестящего, несколько даже надменного по виду молодого человека, с которым я познакомился в Петербурге, почти ничего не осталось.

Полинял Григорий Адольфович, вытерся вместе с бобровым воротником своей шубы.

Светлый взор отяжелел мутным оловом. Поредели и поседели виски. Видно было, что и костюм и галстук выбраны обнищавшей рукой. Прежними были лишь гордый откид головы, тихий голос и горькая ирония у рта. Встреча была мимолетной. О больном вопросе не говорили, но боль, пронзительная, нечеловеческая боль чувствовалась без слов.

Ни в Еврейской энциклопедии (Иерусалим, 1988), ни в биографическом словаре «Русские писатели» (Москва, 1994) нет портрета Григория Адольфовича Ландау. И наша работа – не более как попытка нарисовать тот портрет, хотя бы эскизный, хотя бы словесный.

Ландау, судя по воспоминаниям Степуна, был невелик ростом, светлоглазый...

Еврею из Минска, – размышляет Вера Михайловна Инбер, – редко удается быть голубоглазым. Но если уж это случается, то такие голубые глаза поражают своим потусторонним выражением. Начинает казаться, что такой еврей все еще плывет в ковчеге и наблюдает мир с Араратской высоты.

Вера Михайловна – поэт и вдобавок уроженка Одессы. Малость преувеличивает. Мы, «литваки» (литовско-белорусские евреи), частенько бываем рыжими и с голубыми глазами...

Действительно, отец Ландау – Адольф Ефимович (Арон Хаймович) – родился в городке Россиены (Расеняй, вблизи Каунаса). Кончил раввинское училище в Вильнюсе (Вильно) и поступил на юридический факультет Петербургского университета, который оставил по бедности (исключен за невзнос платы).

Сделался журналистом, а со временем – очень крупным издателем, весьма состоятельным человеком, что (опять-таки по отзыву Степуна) наложило на сына, Григория Адольфовича, определенный отпечаток (комплекс «наследного принца»).

Коренной петербуржец, выпускник столичного университета, Ландау-младший (1877 – 1941) много печатался, присуждал литературные премии, учрежденные отцом, был членом ЦК кадетской партии, включен в 10-й том дореволюционной Еврейской энциклопедии (едва ли не самый молодой) – вообще старался собственной жизнью воплотить завет отца, который (завет) сформулирован в справочнике.

Разделяя взгляды умеренных ассимиляторов, Адольф Ландау (1842 – 1902) считал, что евреи обязаны овладеть русской культурой, оставаясь вместе с тем верными национально-религиозным ценностям иудаизма.

Увы, со временем прояснилось, что подобное элементарное совмещение не так-то просто осуществить.

В частном письме Ландау рассказывает, как и когда покинул Россию.

Бежал с женой на парусной лодке в Финляндию. Перевозил нас бывший русский моряк – офицер, который приезжал в Петербург с целью информации. Было это в августе 1920 года.

Россия, однако же, не оставила блудного сына – присоединила его разом с Прибалтикой.

Есть три версии, как не стало Григория Адольфовича Ландау.

Первая – самая правдоподобная: арестован перед войной, возможно за неделю, когда очищали Латвию от подозрительных элементов. А Ландау был некогда соредктором кадетской газеты «Руль» (Берлин). Прямой, выходит, контрреволюционер! Агент Милюкова!

Вторая версия – вполне вероятная. Ландау пересидел ту неделю, дождался немцев и был ликвидирован без вины – за национальную принадлежность.

Третья версия – фантастическая. Война застала его в Либаве (Лиенае). Он принял участие в героической обороне советской военно-морской базы. Старик 64 лет бежал в атаку рядом с молоденькими краснофлотцами, кричал «Ура!» и «За Родину!». Местный интеллигент не местного происхождения, доброволец рабочего батальона – Ландау сражен в уличных боях и похоронен в безымянной могиле.

Из книги «Сумерки Европы»:

Своеобразна в тысячелетиях судьба еврейского народа. Длительность его существования обуславливается, конечно, частью внутренними, духовными свойствами, но частью и внешним соотношением с народами окружающими. Периоды расцвета и упадка всецело определяются той государственно-культурной средой, сквозь которую в

данный отрезок времени проходит еврейский народ. Можно сказать, что в те эпохи расцветала еврейская жизнь, которые (эпохи) были созвучны еврейской духовности, нуждаясь в ней как в своем дополнении.

Здесь не место уяснять духовные и социальные особенности, коими определяется возможность расцвета в чужой культуре и чужой государственности. Отмечу лишь существенные черты.

Как народ преимущественно городской жизни, духовно обогатившийся в рассеянии, еврейство способно расцвести только в широком мире. Мелкая государственность его дробит. Народ сохраняет свою массу исключительно в крупном государстве.

А масса приобретает для евреев сугубую важность, ибо они лишены других сцепляющих начал – пространства и политической организации. Обширность территории и связанность с нею разнородных населений имеет еще и то значение, что при сочетании в едином государстве многих национальностей евреи легче сохраняют себя и свою веру.

В мелком государстве обречено еврейство либо обезличиться, поглощенное господствующим населением, либо противостоять ему как чужеродное тело. То, что в многонаселенной, многонациональной и многоверстной империи является естественным или хотя бы приемлемым, то в мелкой державе – аномалия и болезнь.

Наблюдения Ландау отчасти (и относительно) справедливы. Нация-монолит или ассимилирует, или же изгоняет евреев. В разные периоды и в разных формах это продемонстрировали Испания, Польша, Германия... Евреи становятся французами, англичанами, американцами. Правда, в последнем случае (США – страна многонациональная) нам легче остаться евреями.

Новейший пример – Япония. Цитата из вчерашней газеты:

Я еврей, – пишет Исайя Бен-Ясан, – и где бы ни родился, был бы евреем. Родился я в Кобе, но это обстоятельство не превращает меня в японца. Если бы я родился в Соединенных Штатах, то независимо от происхождения был бы американским гражданином. Японские законы не таковы. И обладая гражданством, вы можете обнаружить, что вас все равно не признают настоящим японцем, как считают чужаками, например, корейцев, чьи предки привезены на остров лет 300 назад.

Ландау употребляет (и неоднократно) слово «империя». Он и был, собственно, «имперским евреем». Таким, как старший наш современник Наум Моисеевич Коржавин. Как Йозеф Рот, что оплакивал австро-венгерскую монархию. Как Стефан Цвейг, для которого Европа в целом была «империя».

А Россия, по нынешним статистическим выкладкам, становится в национальном плане (фактически уже стала) страной-монолитом, где местные (русские) составляют не две трети, как раньше, и даже не три четверти, а 85% населения.

Когда мы обмолвились насчет «наследного принца», подразумевали не столько (по Степуну) «гордый откид и блестящую надменность», сколько, как бы сказать, поэтику и стилистику.

Справочник «Русские писатели» сообщает:

Ученый по складу ума (Владимир Набоков назвал его «тонким философом») – Ландау не мог ограничить себя академическими рамками и стремился соединить «злобу дня» с философским анализом. Для читателей газет он был не всегда понятен, для людей «чистой науки» – недостаточно академичен.

Другими словами, профессиональный литератор – философ, культуролог, публицист – Григорий Адольфович Ландау не отработал стиль. Точно в забор, уперся в проблему «ученый-художник». Взамен черточки вставьте, пожалуй, «и». Да куда же девать противительное «или»?

Потому что научную прозу, критическую прозу, философскую прозу (театральную, мемуарную...) создает писатель. Тема «Бердяев-художник» или «Шестов-художник» требует отдельного рассмотрения. Но с трудностями «по Ландау» столкнулся, нам кажется, Петр Бернгардович Струве. Он говорит:

Г. А. Ландау – выдающийся и хорошо образованный публицист с философской складкой ума и силой юридического и несколько слишком расщепляющего анализа...

Как портретист во всякой модели невольно отображает себя, так Струве в данной характеристике запечатлел местами собственную личность. Выдающееся и превосходное образование плюс философская складка ума противодействуют где-то творческой легкости. Кто обладает «силой юридического, несколько слишком расщепляющего анализа», тому покорится, допустим, научная точность.

А художественная? Которая, как перевел с французского Пастернак, «точно под хмельком»... Научная скрупулезность, последовательность, обстоятельность – не перечат ли они такому качеству прозы, безусловно необходимому, но присущему изначально, по словам Набокова, поэзии, – умению (с нашей разрядкою) п р о п у с к а т ь...

Дарование, конечно, от Б-га. Да ведь присутствуют и наши, человеческие усилия! «Журналистский опыт, – указывает справочник, – приобретал Ландау в редакциях издаваемых отцом сборников». То есть работал предположительно без редакторских придирок и вне материальной заинтересованности. Не так чтобы сильно радел о читателе. Не слишком заботился о читабельности. В чем, на наш взгляд, и отразился тот самый комплекс «наследного принца».

Ниже мы публикуем отрывки из книги «Эпиграфы» (Берлин, 1927), заметивши предварительно, что «эпиграф» по-древнегречески – надпись на памятнике, не обязательно надгробном.

Итак, «Афоризмы и комментарии», где афоризмы принадлежат Григорию Адольфовичу Ландау, а комментарии – публикатору.

1. МУСОР СЛЕДУЕТ ВЫМЕТАТЬ ИЛИ ДЕЛАТЬ РЕЛИКВИЕЙ.

Отсюда картины современного художника Ильи Кабакова, который воспроизводит, как в декорациях, коммунальный быт. И обалделые европейцы бродят по комнатам, заглядывают на кухню, посещают «места общего пользования»...

Или идея (американского ныне профессора) Михаила Наумовича Эпштейна создать «лирический музей», – выставлять самые обыкновенные вещи, ценные исключительно для владельца.

2. ЕСЛИ ТЕОРИЯ ОБЪЯСНЯЕТ ВСЁ, ОНА НИЧЕГО НЕ ОБЪЯСНЯЕТ. Типичный пример – «принцип дополнительности» (в физике). 9/10 случаев укладываются в общую теорию, а для 1/10 придумано нечто обратно-противоположное.

3. АФОРИЗМЫ О ЖЕНЩИНАХ СУТЬ АФОРИЗМЫ О ЖЕНЩИНЕ.

Как Лев Николаевич Толстой грозил прекрасному полу. Мол, правду о вас скажу, когда одной ногой в гроб залезу. Выкрикну напоследок – и крышкой прихлопнусь!

Но что уж такого разоблачительного имел сообщить классик? И почему так яростно воевал с женщинами?

Да в том и дело, что не с женщинами (во множественном числе)! А только с дражайшею половиной Софьей Андреевной...

4. НЕ ТОТ СТАНЕТ ВЕЛИКИМ, КТО СПОСОБЕН НА ВЕЛИКОЕ, А ТОТ, КТО НЕ СПОСОБЕН НА МАЛОЕ.

То-то и горе, – сокрушался Самуил Яковлевич Маршак, – что мы все можем. Стишок? Стишок. Репризу? Репризу. Подпись под карикатурой? Будьте любезны... И политическую эпиграмму в газету:

Пускай слетаются банкиры,

Как стая воронов, на пир, –

Плечом к плечу народы мира

Оборонить сумеют мир!

ВСЕГО РАЗНОСТОРОННЕЕ, заключает Ландау, БЫВАЮТ БЕЗДАРНОСТИ.

Или, – как обронил Грибоедов, – много талантов – все равно что ни

одного.

5. ЕСТЬ ВЕЩИ, КОТОРЫЕ СТОИТ ИМЕТЬ, ЛИШЬ БЫ ИХ НЕ ЖЕЛАТЬ.

В известном смысле перифраз из Уайльда: лучший способ одолеть искушение – поддаться ему.

6. БОЛЬШИНСТВО ТЕОРИЙ – ЛИШЬ ПЕРЕВОД СТАРЫХ ИСТИН НА НОВУЮ ТЕРМИНОЛОГИЮ.

Суть, вероятно, в том, что человечество никогда не смирится с соображением Монтеня: если ты видел весну, лето, осень и зиму, – ты видел, приятель, всё.

Нет, мы хотим жить каждый день. И каждый день по-новому. Вот почему, полагал Виктор Шкловский, функция литературы – в обновлении мира. Назвать старое по-новому – переименовать – значит как бы освежить, воскресить действительность.

7. ОБРАТНАЯ СТОРОНА ХОРОШЕГО – ДУРНОЕ. НО ВЕДЬ И ХОРОШЕЕ – ОБРАТНАЯ СТОРОНА ДУРНОГО.

Этим термином – обратная сторона – в философско-житейском плане воспользовался Алексей Федорович Лосев. В его книге «Эстетика Возрождения» имеется глава «Обратная сторона титанизма», что, дескать, такой-то титан и гений завел будто бы 340 детей, а тот-то проделал с тем-то, извините-простите, то-то.

Фасад и задворки настолько связаны, что ИЗУЧЕНИЕ РУГАТЕЛЬСТВ, говорит Ландау, ЕСТЬ ПУТЬ К ИЗУЧЕНИЮ СВЯТЫНЬ.

8. ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ, И ПОЭТОМУ НАСТУПАЮТ ПЕРЕМЕНЫ.

Подобным же образом рассуждал, должно быть, режиссер Г. снимая свое кино «Так жить нельзя». Но, в отличие от Ландау, здесь и остановился. Между тем: ТАК ЖИТЬ НЕЛЬЗЯ, вздыхает Ландау, И ПОЭТОМУ НАСТУПАЕТ СМЕРТЬ.

9. НЕ ОБЛЕКАЙ СВОИ МЫСЛИ В ЧЕТКИЕ ЛОГИЧЕСКИЕ ФОРМЫ – ЧИТАТЕЛЬ ТОЛЬКО ИХ И ЗАПОМНИТ.

Ну да! Кто читал «Анну Каренину», кто не читал, – все знают крылатую фразу насчет счастливых и несчастных семей.

10. ПИСАТЬ НАДО ТАК, ЧТОБЫ ЧИТАТЕЛЬ МЕНЬШЕ РАДОВАЛСЯ СКАЗАННОМУ, ЧЕМ ЖАЛЕЛ О НЕСКАЗАННОМ.

То бишь почти по Бабелю. Помните?

Беня говорит мало, но он говорит смачно. Беня говорит мало, но всегда хочется, чтобы он сказал еще что-нибудь.

11. ТОЛЬКО КОНСПЕКТ МОЖЕТ БЫТЬ СИСТЕМОЙ.

А дерево жизни, по классику, вечнозеленое!

12. ЕДВА ЛИ НЕ НА ОДНОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ «ВОЛЯ» ОЗНАЧАЕТ И СИЛУ ПРЕОДОЛЕНИЯ, И ОТСУТСТВИЕ ПРЕГРАД.

На свете счастья нет,

А есть покой и воля...

Кажется, Цветаева говорила, что очень долго понимала «волю» (в данной классической ситуации) как «волевое усилие».

13. НЕРЕДКО ОБЛЕГЧИТЬ ЖИЗНЬ МОЖНО, ЛИШЬ ВОЗЛОЖИВ НА СЕБЯ НОВОЕ БРЕМЯ.

Анекдот с козой? Как мы пожаловались ребе, что ни охнуть, ни вздохнуть, и он посоветовал нам подселить козу и корову... А когда животных вернули в хлев, – о-о-ох, как хорошо-то стало!

Или опять же анекдот про ей-ея, который (ей-ей), уходя на службу, с натугой натягивает ботинок.

– Да брось ты мучиться! – ему говорят. – Купи по размеру!

– Ах! – огорчается. – Жена больна, дочка гуляет, сынок – бандит... Одно удовольствие – прийти с работы и скинуть тесные башмаки!

14. БЕЗГРАМОТНЕЕ БЕЗГРАМОТНОСТИ ТОЛЬКО МАЛОГРАМОТНОСТЬ.

Примерно то самое, что сказал впоследствии Солженицын: образованщина.

А за сто лет до него – Анна Петровна Керн, которая «жила в среде необразованной, или, что еще хуже, полубразованной» (курсив наш).

А вот как выразился (опять же с нашей разрядкой) Алексей Федорович Лосев: х а м с к о е с а м о д о в о л ь с т в о п о л у з н а н и я. И в довершение – Казанова: «Бойся человека, который прочел только одну книгу».

15. НЕ ОБИЖАТЬ – ЧУДЕСНАЯ ЗАПОВЕДЬ. БЕДА ТОЛЬКО, ЧТО ОБИЖАЕШЬ КОГО-НИБУДЬ УЖЕ ТЕМ, ЧТО ДЫШИШЬ.

Как некий поэт сказал, что Блок мешает ему. А Блок: «Понимаю. Мне мешает Лев Николаевич Толстой».

Не совсем о том? Ну в том числе и о том... Впрочем, во избежание кривотолков сошлемся на подлинник.

Я, – говорит Ахматова, – между прочим упомянула, что поэт Бенедикт Лифшиц жалуется, что он, Блок, одним своим существованием мешает ему писать стихи.

Блок не засмеялся, а ответил вполне серьезно: «Я понимаю это. Мне мешает писать Лев Толстой».

16. В БОРЬБЕ С АВТОРИТЕТОМ И ТРАДИЦИЕЙ – СОЗДАЙ ТРАДИЦИЮ И АВТОРИТЕТ.

Действуй, стало быть, по закону Ходасевича:

И все ж я прочное звено,

Мне это счастье дано.

17. МУЖЧИНА ПОМНИТ И ПРОЩАЕТ, ЖЕНЩИНА НЕ ПРОЩАЕТ, НО ЗАБЫВАЕТ.

Вот и получается так на так...

18. КРАСОТОЙ ДЕТЕЙ И СТАРУХ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ БЛАГОРОДСТВО РАСЫ.

Кто только ни цитировал... всегда без ссылки!

19. И НА ОБЩЕЙ ДОРОГЕ МОЖНО РАЗМИНУТЬСЯ С СОВРЕМЕННОКАМИ.

Как те поезда, что мчатся по однопутке навстречу друг другу... Отчего ж не столкнулись? Не с у д ь б а! (разрядка наша, анекдот Натана Яковлевича Эйдельмана).

20. Логика виновности

Все виноваты, говорит человек

борьбы. Значит, ты виноват.

Все виноваты, говорит человек

совести. Значит, я виноват.

Все вино

ваты, говорит человек

печали... И повторяет: все виноваты.

21. Умением говорить выделяются люди из мира животных, умением молчать – из мира людей.

22. Речью куется мысль, молчанием – дух.

23. Счастье – не событие в жизни человека, а способность его души.

24. Все в них миниатюрно. И даже дух веет душком.

25. Глупому смешно недостаточно понятное, умному – чересчур

понятное...

26. Неприятие мира – слишком часто неприятие миром.

27. Иногда жажда мистики – лишь тоска рационалиста по недоступной интуиции.

28. Речь мистика невнятна. В этом – великий соблазн и великая опасность для людей и народов, не овладевших членораздельностью.

29. До победного конца воюют демократии (в истории) да бабы (на рынке).

30. Даже если не веришь в Б-га, – верь в силу молитвы.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЁТР СТРУВЕ

ОБ «ЭПИГРАММАТИЧЕСКОМ» РОДЕ

(ОТРЫВОК)

Г.А. ЛАНДАУ, ВЫДАЮЩИЙСЯ И ПРЕВОСХОДНО ОБРАЗОВАННЫЙ ПУБЛИЦИСТ С ФИЛОСОФСКОЙ СКЛАДКОЙ УМА И СИЛОЙ ЮРИДИЧЕСКОГО, НЕСКОЛЬКО СЛИШКОМ РАСЩЕПЛЯЮЩЕГО АНАЛИЗА, ВЫПУСТИЛ МАЛЕНЬКУЮ КНИЖЕЧКУ, СБОРНИК АФОРИЗМОВ ПОД ЗАГЛАВИЕМ

«ЭПИГРАФЫ».

ЛАНДАУ – ОЧЕНЬ УМНЫЙ ПИСАТЕЛЬ. ПРИНАДЛЕЖА К СРЕДЕ РАДИКАЛЬНОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, ОН ВЫШЕЛ ИЗ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ НЕ РАДИКАЛОМ, А СКОРЕЕ КОНСЕРВАТОРОМ, УМУДРЕННЫМ ВСЕМ ЕЕ ОПЫТОМ, СУБЪЕКТИВНЫМ И ОБЪЕКТИВНЫМ. ЧЕЛОВЕК СКЕПТИЧЕСКИЙ, ОН ПОСЛЕ РЕВОЛЮЦИИ НА НЕЕ НАПРАВИЛ ВЕСЬ РЕЖУЩИЙ ХОЛОД СВОЕГО УМА, ПОЛОЖИВ ПОД ЕГО АНАЛИТИЧЕСКИЙ НОЖ ЗАОДНО И ВСЕ ГЛАВНЕЙШИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ТАК ПОЛУЧИЛАСЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНАЯ, ПОЛНАЯ ГЛУБОКИХ МЫСЛЕЙ КНИГА «СУМЕРКИ ЕВРОПЫ», ВЫШЕДШАЯ ЧЕТЫРЕ ГОДА НАЗАД.

«ЭПИГРАФЫ» ЛАНДАУ ЕСТЬ ОПЫТ В ЛИТЕРАТУРНОМ РОДЕ, КОТОРЫЙ АВТОРУ НЕ СРОДНИ. НУЖНО СКАЗАТЬ ПРАВДУ: КНИГА ЭТА ЛИТЕРАТУРНО НЕ УДАЛАСЬ (КУРСИВ СТРУВЕ. – И.П.). ОНА И СЛИШКОМ СЛОЖНА, ПОЖАЛУЙ, ВЫЧУРНА, И СЛИШКОМ ОТТЕНОЧНА (НЮАНСИРОВАНА) ДЛЯ КНИГИ АФОРИЗМОВ. МАКСИМЫ, «ЭПИГРАММЫ», «ЭПИГРАФЫ», В ШИРОЧАЙШЕМ СМЫСЛЕ СЛОВА, НЕ ДОЛЖНЫ НИ ХОДИТЬ ВОКРУГ ПРЕДМЕТА, НИ ОБВИВАТЬ, НИ РАСЩЕПЛЯТЬ ЕГО. ОНИ ДОЛЖНЫ ПО НЕМУ УДАРЯТЬ. И БИТЬ В ТОЧКУ.

«ЭПИГРАММАТИЧЕСКИЙ» ДАР ВОВСЕ НЕ ВСЕГДА СОЧЕТАЕТСЯ С БОЛЬШИМ И ОРИГИНАЛЬНЫМ УМОМ. ЧАСТО «АФОРИЗМЫ» ИЛИ «ЭПИГРАФЫ» СУТЬ КАК БЫ ВЫНОШЕННЫЕ РЯДОМ ПОКОЛЕНИЙ И ОТТОЧЕННЫЕ УМЕЛОЙ,

НО НЕ ТВОРЧЕСКОЙ РУКОЙ ОБЩИЕ МЕСТА, ПОЧТИ БАНАЛЬНОСТИ. СЛИШКОМ НОВЫЕ И СЛИШКОМ СВОИ МЫСЛИ ЧАСТО НЕ ГОДЯТСЯ В АФОРИЗМЫ. ДАЖЕ ВЕЛИКИЕ ПИСАТЕЛИ В ЭТОМ РОДЕ – КАК ПОКАЗАЛО ИССЛЕДОВАНИЕ – БЫЛИ РАЗИТЕЛЬНО НЕОРИГИНАЛЬНЫ.

Замечание публикатора

Петр Бернгардович Струве несколько, что ли, ущемляет понятие «афоризм», сводя его исключительно к «крылатому выражению». Есть, между тем, тонкие и глубокие суждения, которые никогда, наверно, не внедрятся в обыденное сознание.

Например, у Ландау:

1. Выразительность дается отклонением от нормы.
2. Со сторублевой бумажкой вас высадят из трамвая: необходимо иметь четвертак.
3. Против Маркса. Дескать, пролетариату нечего терять, кроме своих цепей... Цепи, – говорит Ландау, – пожалуй, единственная вещь, которую можно порой сбросить... но никак нельзя потерять!
4. Геройство, конечно, не обязательно. Кроме того случая, когда его требует порядочность.
5. Не будь гордым – твори. Б-г сотворил мир в минуту смирения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

в черной рамке

КГБ Латвийской ССР.

Дело Г.А. Ландау

Арестован в Риге 9 июня 1941 года... приговорен к высылке вместе с женой. Все ценное имущество изъято в пользу НКВД, прочее – оставлено родственникам для реализации в 10-дневный срок. Умер 15 ноября 1941 года от миокардита. Похоронен на кладбище поселка Сурмог Соликамского района Пермской области. Как сказано в письме начальника Учреждения АМ-244, «точное место захоронения установить невозможно за давностью лет». Остался только отпечаток пальца и лагерный номер – 60727.

GESHARIM, ИЛИ МОСТЫ КУЛЬТУРЫ

Yòî - èçáàò áéüüò áá: «Ááçáðèì » - á Èáðüáèèì á á «Ì îüò ù èóéüò óðü» - í á ðíáèì ùò í ðíüò íðáü

Í èí óáñ Èíö

Хотя слово «мост» многозначное (и зубной протез и борцовская стойка), однако же без синонимов: мост – он и в Африке мост, съемный, понтонный, задний-передний на автотранспорте. И равным образом – в переносном смысле: то, что соединяет, служит посредником, связующей нитью.

Есть древняя байка, бородатый анекдот, как некие чудаки строили данное сооружение – мост. Долго и мучительно колебались: перебрасывать вдоль реки? Поперек?.. Наконец решили, что поперек. Тогда возникает дилемма: настил как укладывать? Струганным верх? Струганным вниз?

Самые элементарные вещи, а поди растолкуй. Кто спорит, куда милее жить в дружбе и согласии, чем в нетерпимости и вражде... Да как замирить? Не то что народы и государства – просто соседей, супругов, свекровь & невестку. Лев Николаевич Толстой говорил, что злые люди цепляются друг за дружку, – отчего бы нам, добрым, не перенять опыт? И не о том ли мечтает герой Бабеля – собрать «Интернационал» хороших людей...

Работа Виктории Хитерер «Документы по еврейской истории в Киевских архивах» – мост в прошлое. Какую страницу ни открой, прочитаешь «Повесть из времен мрака», как раввин Саббатай Коген озаглавил свою хронику 1648-1649 года. Происходит: а) национально-освободительная война под руководством Богдана Хмельницкого и б) восставшие казаки уничтожают еврейские общины на Украине и в Польше.

Сотни женщин и девиц они осквернили... издевались и увлекли в полон... разорвали и сожгли священные книги... В купальни для очищения... брошены 1500 невинных детей и засыпаны землей...

Через сто лет – знаменитая (юмористическая) резолюция Елизаветы Петровны насчет еврейской торговли: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли»... Ну да что там! Императрица – известная насмешница! Местный классик, Алексей Константинович Толстой, правильно написал:

Веселая царица

Была Елизавет!

Поет и веселится...

Порядка ж нет как нет.

Через сто лет – Сенатский указ (18 ноября 1828 года), запрещающий принимать евреев на государственную службу (действовал до Февральской революции).

Иудей в Российской империи не мог, например, быть профессором! Крестились Евгений Викторович Тарле (Тарло), Абрам Федорович Иоффе, Семен Афанасьевич Венгеров... Полукровка и христианин Борис Михайлович Эйхенбаум оставлен для подготовки к профессорскому званию (по-нынешнему – в аспирантуре), а Тынянов – еврей – нет... Михаилу Осиповичу Гершензону предложили кафедру в Московском университете (если сменит вероисповедание), но Михаил Осипович (в сущности, атеист) отказался.

Шла первая мировая война. Полмиллиона евреев сражались на фронте, не имея права (даже с высшим образованием) на офицерский чин. Вот что я вычитал некогда в газете «Биржевые ведомости».

ДЕЛО ПЛЕМЯННИКА МИТРОПОЛИТА АНТОНИЯ

Много лет назад сестра покойного Петроградского митрополита вышла замуж за некоего Ф. – православного из евреев. Сын ее, племянник митрополита, призван недавно в действующую армию, но ему, потомку крещеного еврея, отказано в офицерском присвоении.

Племянник митрополита Антония возбудил особое ходатайство, удовлетворенное на днях во внимание к кровному родству просителя с первоприсутствующим членом Синода.

Газета вышла 13 января 1917 года, за два месяца до Февральской (мартовской по старому стилю) революции.

А двумя годами пораньше московский студент Женя (Евгений Львович) Шварц, будущий сказочник и драматург (*сказочный драматург!*), подался в военное училище. А его не берут! Вы, говорят, «выкрест» во втором поколении. А по закону надобно в третьем!

Только Временное правительство объявило набор юнкеров-евреев. Среди тех 2500 мальчиков – Сергей Яковлевич Эфрон, муж Марины Цветаевой и тоже, подобно Шварцу, «выкрест» во втором поколении, и бобруйский мещанин Лейба Фельдбин – Александр Орлов, чекистский генерал, резидент в Испании, автор книги «История сталинских преступлений»...

Тем не менее (выскажу спорное соображение), 1913 год – лучший год ушедшего века (по крайней мере в России). Не потому даже, что самый сытый. И самый (насколько возможно), по тутошним меркам, цивилизованный. Нам кажется, аккурат тогда проживало в родимой местности наибольшее число интеллигентных людей. Шутки ради (и отчасти для убедительности) приведем маленькую байку собственного изготовления.

Композитор Александр Константинович Глазунов (1865 – 1936) возглавлял Петербургскую консерваторию до и после Октябрьской революции. После – материально поддерживал юного Шостаковича (схлопотал персональную стипендию), а до к нему обратились с официальным запросом, сколько, извините, *ей-еев* обучается в подведомственном Вам заведении.

Надо сказать, что консерватория до не давала формального высшего образования. Туда принимали детишек 10-12 лет, какие сейчас поступают в ЦМШ (центральную музыкальную школу). Да при ЦМШ есть общежитие-интернат, а консерватория не имела... И малолетних сопливых вундеркиндов сопровождали родители.

Из Одессы, Бердичева, Жмеринки – и напрямиком на Невский проспект, где их, по тогдашним законам, не прописывали. Но дирекция каким-то путем исхитрилась, – улаживала, пристраивала... Ну и узнали в столице, что такое *ей-ейская мама*.

А узнавши, интересуются: сколько же, блин, этих мамочек?

И Глазунов ответил по телефону, не снисходя к письменному уведомлению:

– А мы не считаем...

Российская интеллигенция – самое ценное, что создала царская империя (по своей воле и принужденно). Октябрьская катастрофа обрекла нас на внутреннюю эмиграцию, а два миллиона вымела за пределы. Мы очутились в рассеянии, в галуте. Владимир Набоков окрестил новых изгнанников *библейским племенем*, «чи птичьи следы и лунные знаки еще восстанут из пепла».

Разумеется, 1913 год – не рай на земле. Оправдали Менделя Бейлиса, но затеяли «Переписку об еврее Бару, подозреваемом в нанесении раны служанке Кривой Е. с целью получения крови для религиозных обрядов»... Воистину, голова кругом! 1916 год, война в разгаре, а им вроде и делать нечего!

Книга Виктории Хитерер – источниковедческое пособие для специалистов: в каком архиве и в каком виде (разобранном, не разобранном) обретается тот или иной документ. Вот, скажем, секретное отношение (12. 11. 1865) о местечковом ребе Меере Тверском, на свадьбе которого выставили угощение «для всех жителей без различия верований-исповеданий, и деревенские мужики перепились разом с евреями»...

Крестьяне, украдкою от начальства, преподнесли жениху и невесте хлеб-соль, оправдываясь тем, что «раввин – нам благодетель: помогает деньгами и прочим»... Гулял на свадьбе и местный помещик – князь Ромуальд Гедройц...

Такая, значит, произошла «встреча на мосту», если понимать мост, как мы условились, в переносном смысле... А начальство, по обыкновению, строчило секретные донесения и запрещало.

Сборник «Созидание еврейского будущего» – мост в грядущее.

Осенью 1999 года Центр еврейских исследований при Йоркском университете собрал в Торонто (Канада) международную конференцию. Съехались академические ученые: историки, философы, теологи, социологи – и руководители североамериканских общин. Образование и ассимиляция, демография и экономика, религия и светская власть, Израиль и диаспора – вот краткий перечень вопросов, которые обсуждались.

Участники – люди науки и практики – весьма озабочены... «счастливой судьбой североамериканского еврейства».

Казалось бы, от добра добра не ищут, но счастливая судьба (наше еврейское счастье) тоже выходит боком: «Ослабление антисемитизма в Северной Америке... сделало ассимиляцию возможной для многих, а не только для богатого меньшинства». 30% еврейских браков сегодня – межнациональные, межконфессиональные...

О подобной проблеме размышлял в позапрошлом веке Николай Яковлевич Данилевский. Дескать, в Оттоманской империи попросту и запросто вырезают славян, а в Австро-Венгерской – онемечивают. Но угроза физического уничтожения сплачивает, толкает на отчаянное сопротивление, пробуждает мощное сознание своей самобытности. А духовная экспансия – школа, культура, чужой язык – не вызывают такого отпора. Славяне теряют себя, растворяются, ассимилируются...

Данилевский – по старой советской терминологии – *реакционный философ*, по западной либеральной – *a Russian totalitarian philosopher*. И как тоталитарный мыслитель рубит с плеча: *лучше турки, чем Австрия!* В теории, когда лично вас не щупают ножиком, оно, положим, резонно. А на практике – вот вам советское (или постсоветское) мироощущение, зафиксированное современным поэтом Александром Рапопортом:

**Если горек хлеб,
если в горле ком,
и в семье и в стране своей
все же лучше быть пасынком,
чем сынком, –
пасынок, он сильней.
Его не так-то легко сломать, –
пасынок гнет свое
и знает: о нем не заплачет мать, -
он сам оплакал ее.**

Американские евреи – не пасынки, а родные дети. Обосновались в стране победившей личности, где каждый наделен равными правами и заслуживает равного обращения. «Но, – пишет профессор Станиславский, – предпосылка о врожденном и

неотъемлемом равенстве как раз и привела к роковому результату». Еще в позапрошлом веке «евреи Германии, Франции, Англии не были членами еврейской нации, а просто немцами, французами, англичанами еврейской веры (*Моисеева закона*, как это прелестно формулировали)».

Само собой, профессор Майк Станиславский не призывает возродить, допустим, российскую действительность начала прошлого века. Там, в имперской реальности 1913 года, приключился забавный эпизод.

Православная девушка, коли не вру, Афанасьева, обучалась в Голландии. Полюбила молодого физика Пауля Эренфеста и вышла за него замуж. Талантливого ученого пригласили в Санкт-Петербург прочесть несколько лекций, и новобрачные прибыли в Северную Пальмиру.

А в гостинице, *блин*, не прописывают! Голландский их брак получается что фиктивный. Супруга, как сказано, – православная, а муж – иудей. Такие союзы, по царским законам, не регистрируются...

Скандал, крик, смех сквозь слезы. Выкрест Абрам Иоффе, профессор Технологического института, сам женатый на православной, будущий атомный академик *Ёфе* (которого Высоцкий рифмует с *кофе*), – и вот бегаёт, суетится... Да супротив власти не поперешь! И поселилась научная парочка на частной квартире.

Ах, да шут с ним, с квартирным вопросом! Интересно, кем будут потомки Эренфеста и Афанасьевой, – русскими, евреями, голландцами, европейцами?.. Ну какая разница? – возмутятся отдельные старые комсомольцы. А иные по-советски отшутятся: *был бы человек хороший!*

Местный националист Василий Витальевич Шульгин (1878 – 1976) изо всей (отноудь не дурацкой) мочи поносил смешанный брак. А чего, собственно, испугался? Русских, в тогдашнем раскладе, сто миллионов (на круг), евреев – пять. Ежели переженятся, прекратятся разом Янкели с Хайками. Сплошь будут Яковы и Христины!

Нет, – огорчался Шульгин, – из десяти смешанных пар у девятерых будет еврейское потомство... Время показало, что в шульгинской арифметике тоже есть резон. Только в Америке не (подчеркиваю) НЕ подтверждается: «чем дольше еврейская семья проживает в Соединенных Штатах или в Канаде, тем менее вероятно, что каждый из членов ее – ...еврей».

Невредно бы выяснить (на худой конец – прояснить): а что же такое – *еврей*? В глубоком застое, на московско-питерских кухнях, родилась краткая формула: еврей – тот, кто считает себя евреем. Занятно, что Моше-Лейб Лилиенблюм (1843 – 1910) держался близкого мнения: «Еврей, который не отрекается от своей нации, – это еврей в полном смысле слова».

Двадцать веков (больше!) от нас требовали отречения. И вот – не требуют. Как же нам – в свободном, открытом обществе – остаться евреями?

Хорошо (в кавычках и без), «хорошо» было Лилиенблюму соблюдать еврейские традиции, перелагая в стихах (на иврите) 613 предписаний Галахи. Ведь в общине, кроме чего другого, был и такой обычай. Самый способный из юношей, изучающих Тору (пускай распоследний бедняк), женился на дочери первого местечкового богача, дабы не

удручаться материальной заботой. И Лилиенблум с 15 лет жил на содержании тестя... Но – в *Просвещении* был с веком наравне:

Моралисты вечно жалуются, что всех евреев не объединяет одна вера. Такого единения никогда не существовало и никогда не будет существовать. Только овцы могут быть настолько едиными, а не интеллигентные люди. Нет в Европе нации, которая не дробилась бы на клерикалов, консерваторов, либералов, прогрессистов, радикалов, ортодоксов, свободомыслящих, еретиков, материалистов... Как различаются между собой лица, так различаются и идеи. Пусть каждый следует своей собственной совести.

И проблема еврейского будущего есть проблема свободного выбора.

Что выбрал **Йонатан Нетаниягу**, известно: руководил операцией в Энтеббе и погиб, вызволяя заложников. А как выбирал, открывают его **Письма**, собранные братьями – Идо и Бенямином.

Эта книга – мост к самому себе. Как есть писатели и «писаки», художники и «мазилы», учителя и «училки», умельцы-мастеровые и горластый «рабочий класс», фермеры и «деревня», исследователи-специалисты и «научные кадры», так в армейском сословии есть военные и «вояки», солдаты и солдафоны. Почему высшие офицеры таскали каракулевые папахи в серых мерлушковых завитках? Ответ: *на мозги похоже*.

Йони был сложной личностью, – говорит начальник разведывательного отдела генерал Шломо Газита. – С одной стороны – боец и командир из самых отличных, самых основательных, храбрых и преданных, а с другой – одаренный молодой человек с широким кругозором, богатым воображением и великолепной способностью к аналитическому мышлению.

Йони Нетаниягу (1946 – 1976) поделил свою жизнь между службой в израильской армии и Гарвардским университетом. В Америке тосковал по Родине и «солдатской лямке», в «боях и походах» – по студенческой читальне и кампусу. Со временем, несомненно, сделался бы генералом. А может быть, как брат Биньямин, – и премьер-министром.

Он был патриотом Израиля, любил страну и народ со всем пылом и жаром молодости, но трезво, спокойно, рассудительно. С чувством, с толком, с расстановкой, как и положено интеллигентному человеку. Такое отношение культивировал в позапрошлом веке Петр Яковлевич Чаадаев, которого причислили к сумасшедшим, а он всего-то и утверждал: любовь должна быть зрячая, не слепая.

Подобно русским путешественникам – Есенин, помните, заклеил Америку *железным Миргородом*, – израильский путешественник Нетаниягу настаивает на «бездуховности» заокеанской республики:

Люди говорят о машинах и девушках. Жизнь вертится вокруг одной темы – секса... Постепенно прихожу к убеждению, что окружают меня не люди, а обезьяны. Или, еще круче: Теперь, прожив здесь достаточно долго, могу сказать с твердой уверенностью: мир этот ужасен, делать здесь нечего. Все разлагается, настоящей жизни нет. А чуть раньше: Я соскучился по стране тесной, жаркой, паршивой, грязной, по стране, 60% которой занято пустыней, по стране, которую с трудом найдешь на мировой карте...

И вот – с «гнилого» Запада – попадает в родную страну. Возвращается, чтобы стать солдатом.

В армии – огромное количество сержантов... несчастные, убогие люди, что первый раз получили возможность «самовыражения»... в гражданской жизни были полными нулями, постоянно страдая от комплекса неполноценности... Наступают армейские будни: Еда неплохая. Ее маловато, но обойтись можно... Армия ведь не платит налогов! Гражданину постоянно твердят о необходимости экономить, а здесь, в государственной организации, ужасное расточительство. Выбрасывают еду, не берегут рабочую силу... Воровство процветает в невероятных масштабах. Беда в том, что когда солдату не хватает чего-нибудь из снаряжения, он подвергается штрафу, и за утерю рабочей фуражки стоимостью меньше лиры приходится платить десять. Понятно, почему воровство.

Йони Нетаниягу – «неформальный лидер», очень самостоятельный человек. После «курса молодого бойца» тех, кто выдержал особые испытания, направляют в летную школу, – может, спрашивают, есть несогласные?.. шаг вперед!.. Строй переминается и молчит. Йони выходит первым. А за ним – еще семеро.

Нет, не манкирует, не отлынивает. Просто не хочет быть летчиком. Десантником – пожалуйста! С превеликим удовольствием!.. Он – настоящий солдат. Голубая мечта, как у Васи Теркина, – *храпануть минут пятьсот*. «Копим сон про запас», – говорит Йони, даже словесно совпадая с Твардовским: *спать за прежний недосып, спать в запас научен*.

Пушкин писал младшему брату: «Иные скажут: учись, служба не пропадет. А я говорю: служи – учение не пропадет». А Нетаниягу – другу и однокашнику: «В армию все равно надо идти, а интеллигентом стать никогда не поздно». Потому что (по Пушкину, из того же письма) *чтение – вот лучшее учение*.

Читаю здесь (в армии) много. Как говорит бабушка, благодарение Б-гу, привез с собой много книжного материала – «Апологию» Сократа, «Государство» Платона, учебники, сборники рассказов... А в Гарварде: Каждая открытая книга приводила к тому, что я открывал еще три и хотел открыть еще три.

Не знаю, слышал ли Йони от своей бабушки то, что я – от своей. Что главное для мужчины – профессия и жена. Задача с двумя неизвестными. Наш герой ее не решил. Вернее, решил так: *я женат на моей работе*. История не слишком веселая, хотя и в стихах:

Я люблю

С почти ужасающей сдержанностью.

И отсюда крик.

Отвлечемся... перескажем любимый анекдот подполковника Нетаниягу, натурально, еврейский. И про войну.

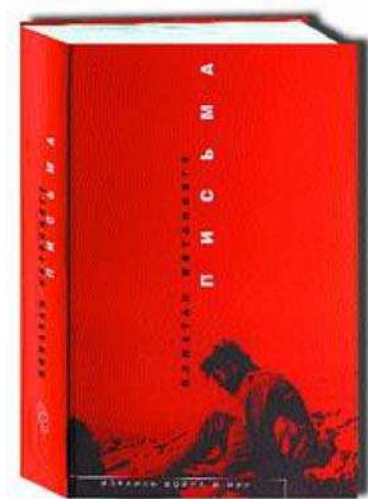
Англичанина, американца и израильянина захватили в плен людоеды. Уже сидят в кастрюле, но исполнить последнее желание – это святое. Англичанину – виски и трубку. Американцу – бифштекс. Израильянину... коленкой под зад. И непременно, чтоб лично вождь. Нет, нет! – вопят людоеды. – Ни за что!.. Споры, дебаты, дискуссии, и в результате – хороший пинок. Израильянин тут же вытаскивает пистолет из потайного кармана. Пиф-паф! – перестрелял людоедов.

Англичанин с американцем – в недоумении:

– Если у тебя было оружие, почему не применил раньше?

Израильянин:

– Вы с ума сошли! Чтобы в ООН сказали, что я агрессор?

Вот и все. Напоследок – воспоминание сослуживца. Пожалуй, крупными буквами, как титр в немом кино:

ОН ШЕЛ ВЫПРЯМИВШИСЬ, ОТДАВАЯ КОМАНДЫ НАЛЕВО И НАПРАВО. И Я, ЕГО СОЛДАТ, ПОДУМАЛ: «КАКОГО ЧЕРТА! ЕСЛИ ОН ТАК МОЖЕТ, ЗНАЧИТ, МОГУ И Я!» ВСТАЛ И НАЧАЛ СРАЖАТЬСЯ.

«Переводчик» Аркана Карива и «Жизнь Александра Зильбера» Юрия Карабчиевского – мост между отцом и сыном. Потому что Аркан Карив – сын Юрия Карабчиевского. И переводчик из его повести – тоже Зильбер, как бы сын отцовского Зильбера. Только живет в Израиле. А отцовский, понятно, – в Москве, в столице нашей Родины на четыре буквы.

В смысле – была у нас такая Родина – СССР. Было советское искусство с удивительным персонажем – *еврей под псевдонимом*. Сугубо положительный герой интеллигентной профессии. Учитель («Доживем до понедельника»). А кстати, как его имя отчество? Правильно, *Илья Семенович*! Или в «Чужой родне». Кто на бюро райкома произносит самую разумную и внятную речь? *Лев Захарович*. А Штирлиц – Максим

Максимович Исаев? Он ведь полный тезка наркоминдела (министра иностранных дел) Литвинова... А Литвинов, простите, кто?

Леонид Бахнов в предисловии к семейному сборнику отмечает, что в ту пору (1974-1975) не таясь написать про Зильбера «уже граничило с подвигом». В официальной литературе днем с огнем не найдешь еврея. Национал-большевики последнего периода осуществляли, ну что ли, бескровное «окончательное решение». Людей не убивали, а книги и замыслы (фильмы, спектакли, полотна...) убивали.

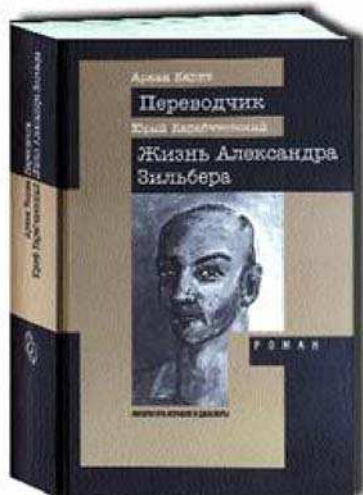
У нас с Леонидом Бахновым (автором предисловия) был общий знакомый, что в юности выпалил: «Я – Райхман, но стрелять умею!» Потом взял псевдоним, стал, в общем, благополучным и благоденствующим членом Союза – поэтом, прозаиком, кинодраматургом... А в ту злополучную пору (1974 - 1975) совершил средиземноморский круиз с краткосрочным посещением исторической родины – «земли обетованной». И по возвращении, «дрожая от смелости», нашептывал лично нам (мне, Пинхасу Коцу): «Представляешь, кругом евреи! Полицейский – и тот еврей!»

В точности, как американец, которого в повести Аркана Карива водят по «вечному городу».

– Фира! – зовет он жену. – Посмотри же скорей, Фира! Это наш еврейский солдат!

Не будем умиляться и перелагать сюжет. Ограничимся, как свойственно нам, мелкими хохмами, не забывая, однако, что *хохма* – действительно *шутка*, если ударить на «о», а если на «а» – мудрость.

Русские выдумали любовь, чтобы не платить денег. (Наглость – сестра таланта.)

Ильф и Петров на Ближнем Востоке

Босоногий арабский малец пришел под вышку, задрал голову и потребовал: «Солдат, дай шекель!» Я спросил, не выдать ли ему еще и ключ от квартиры, но он на иврите туго знал только одну фразу: «Солдат, дай шекель!» Я скинул ему шекель, и он ушел.

Великий и могучий

Академия языка совсем недавно подсуетилась – придумали слово для похмелья: *а-мар'морет*. Никто этого слова не знает, а мне оно так понравилось, что в меру сил способствую распространению.

Стишки

Война – не жид, в Израиль не убежит.

Впереди – пески Синая, позади – страна

родная.

Время подумать уже о душе, а о другом

поздновато уже.

Если видишь номер МОС, брось гранату

– едет босс.

Последняя речовка из далеких времен, когда раскатывали по городу правительственные машины под номером МОС – черный квадрат с белой окантовкой. Мы общались тогда с Юрием Аркадьевичем Карабчиевским и записали за ним (весьма близко к тексту) следующую байку:

Почему, –

спрашивает Юрий Аркадьевич, –

так трудно издать произведение

на еврейскую тему?

Дело в том, – разъясняет, –

что антисемиты

не печатают нас,

потому что

антисемиты.

Осторожные,

потому что они –

осторожные.

А евреи –

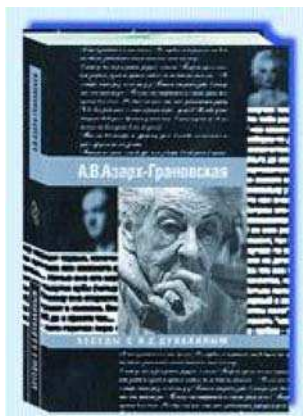
потому что евреи.

Нынче нас вроде бы публикуют. И евреи, и русские, и осторожные. Но писать легче не стало. А «жизнь, – как говорил классик (Наум Коржавин), – жизнь серьезна все равно».

РОМАН БЕЗ ВРАНЬЯ

Àḥaḥimē Ḥaḥḏāā

Нужно представить автора книги, о которой пойдет речь. Вернее, ее соавторов и начать лучше со второго из них. Виктор Дувакин был известным литературоведом, много лет вел на филологическом факультете МГУ семинар по русской поэзии XX века, воспитал несколько крупных ученых. Среди них – Андрей Синявский, он же Абрам Терц. Когда зимой 1966-го Синявского, уличенного в публикации своих художественных произведений за рубежом, судили, Дувакин выступил свидетелем защиты, и этого оказалось достаточно, чтобы филфаковские светила, уже запятнавшие себя позорным открытым письмом в «Литгазете» с шельмованием «отщепенца», совершили новую гнусность, проголосовав за изгнание своего неблагонадежного коллеги из университетских стен.

Спас Дувакина ректор МГУ Петровский, учредивший специально для него лабораторию, которая должна была собирать материалы по новейшей истории русской культуры. Теперь, через много лет после смерти Виктора Дмитриевича, эти материалы публикуются: вышли книги его бесед с М.М. Бахтиным и Анной Ахматовой. Изданная «Гешарим» (Иерусалим) и «Мостами культуры» (Москва) книга бесед с Александрой Вениаминовной Азарх-Грановской – третья в этой серии.

Понятно, что привело Дувакина к этой старой женщине – в 1968 году, когда состоялась их первая встреча, собеседнице было далеко за семьдесят, – ее имя помнили только театралы с очень большим стажем. Дувакин всю жизнь изучал Маяковского и художественную среду, в которой тот жил. Азарх-Грановская была в свое время коротко знакома с Лилей Брик, встречалась и с самим поэтом. Ее память сохранила свидетельства, которые для биографов Маяковского были бесценными.

Состоялось восемь бесед, записанных на старьей, то и дело барахливший магнитофон. Записи расшифрованы и напечатаны теперь без всякой редакторской ретуши: это и делает их особенно важными. Любой историк знает, как рискованно верить мемуарам или запискам, которые чаще всего только притворяются документом, а на самом деле оказываются авторской версией событий, говорящей о том, как его воспринял и осознал пишущий. «Роман без вранья» – назвал свою книгу о Есенине Анатолий Мариенгоф и, вероятно, вправду не собирался ничего исказить. Но получилась сплошная выдумка, поскольку ему хотелось увидеть и героя, и себя в определенном ракурсе, а

значит, о многом пришлось умолчать, другое описать так, что уже не было речи о правде в мало-мальски точном значении слова.

С Азарх-Грановской все по-другому. Записи делались не для публикации – многие темы, затронутые в этих разговорах, тогда были под строгим запретом. Просто она оглядывалась на идущую к концу жизнь и рассказывала о том, что могло бы пропасть бесследно, если бы не сохранились свидетельства последнего из очевидцев. Конечно, она тоже бывала пристрастной да и не все удержала слабеющая память, но нет у нее никакого стремления что-то приукрасить, что-то намеренно недоговорить. И получилась документально достоверная реконструкция, настоящий роман без вранья: «Я говорю честно то, что я видела». Так и есть, иронию следует оставить в стороне.

Получился именно документальный роман, потому что так сложилась жизнь Азарх-Грановской. Она дает сюжет, которому позавидовали бы самые изобретательные беллетристы. Будущая звезда еврейской сцены родилась в Витебске, городе Шагала (оттуда же родом Лиля Брик, с которой они были знакомы еще в гимназические годы). Шagal и его учитель Иегуда Пэн входили в тот витебский круг, который образовался стараниями врача Идельсона, отца нашей героини, человека европейского образования и убежденного ассимилятора: никто не говорил в их доме на идише, никто всерьез не соотносил свои духовные запросы с еврейской культурой. Потом, когда Азарх-Грановская встретится с Алексеем Грановским, создателем театра, с 20-х годов и до своего закрытия в начале 50-х носившего имя ГОСЕТ, главная трудность будет в том, что потребуются освоить язык, который в юности они оба отвергали, считая его жаргоном, мешающим приобщению еврейства к интеллектуальным ценностям.

Путь девушки из такой среды был предопределен. Из-за процентной нормы учиться ей пришлось за границей, в Брюсселе и Париже, потом, уже в первую мировую войну, появился шанс закончить психоневрологический факультет в Петербурге. Но тут ей встретился актер и режиссер Азарх, который успел поработать в Германии у самого Макса Рейнхардта, крупнейшего театрального реформатора. Его сценическая фамилия была Грановский; вместе с друзьями-художниками Натаном Альтманом и Робертом Фальком он вынашивал идею театральной студии, которая покончит с рутинной и беспомощностью, царящими в еврейском театре.

Такого театра, считал Грановский, попросту не существует. «Пустое место, – писал он по этому поводу. – И на этом пустом и, казалось, проклятом месте нужно было начинать строить. Не было не только фундамента, но отсутствовали даже кирпичи»,

Студия, из которой вырос ГОСЕТ, открылась в Петрограде в 1919-м «Слепыми» Метерлинка с декорациями Александра Бенуа. Первым спектаклем по произведению еврейского автора был «Грех», пьеса Шолома Аша. А потом в сочиненной им самим пьесе «Строитель» на сцене появился Михоэлс.

Все они тогда были молоды, бесконечно верили в себя и в дарование Грановского. Как вспоминает Александра Вениаминовна, все были «захвачены одним и тем же, одной и той же задачей, одним и тем же хотением, сохраняя свою характеристику». Она, как и остальные, прошла через жесткий отбор. Грановский «не любил, чтобы жена играла на сцене».

У него были непререкаемые правила для каждого участника спектакля. Предельная самоотдача. Никаких готовых приемов. Ни сантиметра пустого пространства на сцене. Основа и сущность театра – ритм, которому подчинены и слово, и музыка, и

движение. Все существует слитно – декорация и костюмы, жест и мимика. Зритель должен каждую минуту чувствовать, что перед ним яркое театральное действо, которое доставляет наслаждение тем, кто играет.

Это была новая театральная концепция. Нашлись горячие ее сторонники, включая Станиславского, и убежденные антагонисты. Среди последних оказался Мейерхольд. Он поставил «Мистерию-буфф» у себя в театре и не простил Грановскому, что, сыгранная по-немецки его актерами, та же пьеса оставляла, по крайней мере, столь же сильное впечатление. На диспуте Маяковский напрасно пытался достичь примирения между ГОСЕТОм и ГосТИМОм. Обе стороны жестко стояли на своем. И у обеих находились веские аргументы в обоснование собственной позиции.

Искусство Грановского и его актеров

поразило Москву, куда театр перебрался в 1920-м. Помещение в Чернышевском переулке расписывал Шагал, он же оформил спектакль по трем миниатюрам Шолом-Алейхема. Творческий союз художника и режиссера был необыкновенно счастливым. Азарх-Грановская вспоминает, что всех поразило, каким образом «Шагал через фантазмагорию пытается преобразить нищенский мир местечкового существования». Как раз этого добивался и Грановский, когда ставил Мойхер-Сфорима, Аша, «Ночь на старом рынке» Переца.

Задачу перед своими актерами он определил конкретно, даже несколько прямолинейно: «Сначала воспитать не еврея, а человека как такового». Это было в духе тех первых послереволюционных лет. Но Грановский, не без вызова провозгласив, что он привержен ассимиляции, все-таки остался очень национальным художником. Тонко это почувствовал Мандельштам, который в 1926 году писал: «Какой счастливый Грановский! Достаточно ему собрать двух-трех синагогальных служек с кантором, позвать свата-шадхена, поймать на улице пожилого комиссионера – и вот уже готова постановка, и даже Альтмана, в сущности, не надо».

Когда в 1928 году ГОСЕТ отправился гастролировать по Европе, его успех был грандиозным как раз оттого, что театр, по эстетике органично примыкавший к тогдашнему авангарду, вместе с тем шел от художественных форм, в которых передано национальное самосознание и видение мира. Последовало приглашение из США. Грановский его принял, но приехавшие из Москвы эмиссары запретили американское турне, и он решил не возвращаться в СССР. Театр уехал домой. Азарх-Грановская осталась с мужем, но через пять лет тоже вернулась – не могла жить без этой сцены.

Дальше произошла беда: несчастный случай, ампутация ноги и – до закрытия ГОСЕТа – только руководство его студией, где готовили молодых актеров. Тридцать с лишним лет спустя она говорила об этом спокойно, даже находя свои хорошие стороны в том, что произошло. Кончилось время выдающейся актрисы, пришла пора замечательного педагога и режиссера. Она не очень ладила с Михоэлсом. Страницы о Михоэлсе в ее воспоминаниях, может быть, в психологическом плане интереснее всего остального. Когда-то студент-юрист, грезивший о ремесле актера, решил пойти к создателю Камерного театра Таирову, и тот сказал ему напрямик: с такой внешностью нечего и думать о сцене. Через несколько лет Михоэлс сыграл в ГОСЕТе главную роль в пьесе Аша «Б-г мести», драме о человеке, взбунтовавшемся против Творца. Грановский работал с ним увлеченно, сразу уловив, что у этого некрасивого юноши неподражаемая мелодика речи и трагический дар. Одну из своих лучших ролей, маленького еврейского Дон Кихота

в «Путешествии Вениамина III» Менделе, Михоэлс готовил с Грановским. Самую знаменитую, Лира, уже без него.

На Западе Грановский не прижился. Вступил в конфликт со своим учителем Рейнхардтом, пробовал ставить в знаменитом еврейском театре «Габима», но дело кончилось одним спектаклем. Снял три фильма и умер от какой-то загадочной болезни тропического происхождения.

У него была покровительница, миллионерша Гудман, она дала деньги на «Тараса Бульбу», которого Грановский снимал, привлекая для работы над сценариями крупных русских писателей – Алданова, Осоргина. Фильм провалился, без своих актеров Грановский не мог работать в полную мощь. Миллионерша сошла с ума от горя из-за потерянных средств и покончила с собой. Об этой истории много говорили в эмигрантском Париже.

ГОСЕТ после Грановского возглавил Михоэлс, это было естественное и разумное решение в трудной ситуации, когда из-за бегства руководителя театр висел на волоске. Сознавая это, Азарх-Грановская все же не может смириться со случившимся даже через десятилетия. Вот отчего она упорно повторяет, что Михоэлс, великий актер, никогда не владел искусством режиссуры, да и о его сценических образах отзывается довольно сдержанно. Даже позволяет себе сравнение Михоэлса с Сальери: все брал от Грановского, умело, сознательно, разумно, «и понимал, что берет и зачем».

Для нее истинной душой ГОСЕТа был второй ярчайший актер этой труппы Вениамин Зускин. Вот он артист в полном, высшем значении слова: «Достаточно малейшего дуновения – он уже летит». Какой Санчо Панса (Сендерл Диедене) в «Вениамине III»! Какой Шут в «Короле Лире»! Зускин, по ее убеждению, и был в этом спектакле сердцем Михоэлса, «его душой, его всем». Но лавры достались все-таки Михоэлсу.

Она, конечно, не вполне справедлива, это подтвердит любой историк театра. Ею движут мотивы, которые несложно понять, но они не в ладу с объективностью. Хотя вся придирчивость, все обиды отступают, когда Азарх-Грановская рассказывает, как она пережила трагедию, подстерегавшую ГОСЕТ в 1948-м.

Михоэлса убили по прямому приказу Сталина, и на всю оставшуюся жизнь ей запомнился доставленный из Минска, где это произошло, цинковый гроб, изуродованное лицо с выколотыми глазами, бесконечная процессия потрясенных людей, которые пришли на панихиду. Зускин, назначенный директором театра, которому оставалось жить считанные месяцы, впал в тяжелую депрессию. Его арестовали прямо в психиатрической клинике, он дико кричал среди ночи. Раскручивали сфабрикованное дело Еврейского антифашистского комитета. Зускина расстреляют вместе с еврейскими общественными деятелями и писателями, это будет за полгода до смерти кремлевского диктатора.

А еще через 28 лет, в эпоху, деликатно названную застоєм, какие-то темные личности ворвались в квартиру почти не встававшей с постели Азарх-Грановской. Украли четыре картины: три Фалька и одну Пэна. Потрясение оказалось для нее, почти девяностолетней, непереносимым. И месяца не прошло, как она умерла.

Так бездушная советская система написала эпилог к великой и трагической истории театра Грановского-Михоэлса. И сделала максимум возможного, чтобы эта история не существовала вовсе, по крайней мере официально.

Теперь она постепенно восстанавливается. Еще живы те, кто видел на сцене и Михоэlsa, и Зускина, кто никогда не забудет, какой это был Театр. Из тьмы постыдного прошлого выходят на свет свидетельства и документы потрясающей эмоциональной силы – как книга Азарх-Грановской, прошедшей с этим Театром весь его триумфальный и страдальческий путь.

ЧТО ТАМ ПО «ЕВРЕЙСКОЙ ТЕМАТИКЕ»?

Аֵסֶרְתִּי אֹדָא אִיִּדְוִי

РОССИЙСКАЯ ПЕРИОДИКА В 2001 ГОДУ

Весь нынешний год российская периодика радовала нас широким спектром публикаций по еврейской и околоеврейской тематике - от художественных произведений, мемуаров, эссе, просто писем до научных монографий. Среди авторов были представители российской элиты, бизнесмены, сионисты, безраздельно преданные интересам своей страны, и их противники – всех, пожалуй, не перечислить. Нельзя не отдать должное исключительно благоприятной конъюнктуре книжного рынка, реагировавшего на появление в периодике русско-еврейских, особенно израильских сочинений с молниеносной быстротой. Самостоятельными изданиями или в сборниках успели выйти появившиеся в периодических изданиях в начале года и даже значительно позже повести «Последняя месса в Толедо» и «Высокая вода венецианцев» Дины Рубиной, «Статья Лютовым» Давида Маркиша и даже «Переводчик» Аркана Карива. Однако далеко не все из журнальных публикаций (хотя бы из-за объема) могут выйти в книжном варианте. Поэтому о некоторых из них имеет смысл поговорить отдельно.

О чем бы речь ни шла...

Знаменитый эмигрантский роман Жаботинского «Пятеро» опубликовала «Новая юность» (№№ 46, 47). Впервые с этим созданным за четыре года до смерти писателя ностальгическим романом русские читатели могли познакомиться по публикациям альманаха «Ковчег» за 1992 и 1993 годы. У Жаботинского воспетая Бабелем и Катаевым Одесса «щеголяет высокими франтоватыми домами», являет самые утонченные формы культурной жизни начала века и бурлит политическими страстями: «...о чем бы речь ни шла, от мелкой земской единицы до Гауптмана – во всем рокотала крамола». Кажется, ко времени написания своего ностальгического романа о любимом городе умудренный жизненным опытом писатель, убежденный сионист, уже не испытывает ничего, кроме жалости к давнишним политическим противникам, так много претерпевшим сначала от царского правительства, а затем от своих бывших политических

соратников (рассказы о зверствах в 1930-е годы на Лубянке Жаботинскому приходилось слышать от их жертв). Как утверждает филолог Ольга Канунникова в своей статье «История одного начинания. Как спасали архив Жаботинского» («Еврейское слово», № 41 [63]), роман «Пятеро» вырос из одесской фельетонистики Жаботинского. По-видимому, «фабульные, мотивные, интонационные переключки романа и статей» могли бы лечь в основу комментария отдельно изданной книги.

«Подготовительные материалы для жизнеописания Исаака Эммануиловича Бабеля» подготовил для «Вопросов литературы» (№2) Сергей Поварцов. «Образ писателя под пером исследователя вырисовывается на стыке прямого факта и красивой легенды, противоречивого мемуара и фантастического апокрифа», – замечает литературовед. Собранные им вместе неопубликованные письма Бабеля и связанные с его расстрелом документы, свидетельства родственников и друзей, рисующих образ похожего на бухгалтера умницы-враля, так и не научившегося быть осторожным, могут быть вполне интересны, а временами и смешны, и любопытны, если за ними не следуют выводы вроде: «Проблемы самоидентификации перед ним (то есть Бабелем. – А.Г) не стояло: он считал себя русским писателем, потому что писал и думал по-русски». Совершенно очевидно, ни с предисловием Павла Новицкого к сборнику статей Бабеля 1928 года, ни с монографией о Бабеле Юдит Шторы-Шандор, придающей большое значение религиозности писателя, «его знанию идиша, детским и юношеским занятиям ивритом, Библией и Талмудом, верности еврейским традициям (бытовым и семейным), увлечению хасидизмом», ни со статьей Шимона Маркиша, считающего, что именно еврейство определило взгляд писателя на события революционных лет, Сергей Поварцов не знаком.

До последнего времени Россия никогда не считалась благоприятной для проживания евреев страной, однако в 1920-е годы отсюда не только эмигрировали, но сюда и возвращались. Причем в этом длинном списке зависящих от читающей публики писателей и литературоведов были и нуждающиеся в проверке практикой своих теорий революционеры. Прекрасным подтверждением тому служат воспоминания Розалии Блок-Баерс «Нью-Йорк – Москва – Сибирь по этапу» (Звезда», № 9). Жизнь этой незаурядной женщины с изломом, отчасти парадоксальна. Сначала – после чудом пережитого в Киеве погрома – вынужденная эмиграция в Америку, где привлекательная девушка с замечательным чувством юмора не находит ничего лучше, чем вступить в кружок социалистической молодежи. Довольно скоро, уже вместе со своим будущим мужем Леонидом Абрамовичем, она возвращается в Россию, но в 1928 году, почувствовав перемену политического «ветра», зовет его уехать... Однако изменить «делу партии», официальную линию которой он не всегда безоговорочно поддерживал, занимавший ряд ответственных постов в различных министерствах Абрамович тогда не решился. В итоге за свое окончательное прозрение подобно большинству «убежденных коммунистов» он поплатился долгими годами ссылок и политических лагерей, так и не дожив до освобождения.

Что же касается самой Розалии Блок-Баерс, то в отличие от мужа она провела оставшиеся ей полвека жизни на свободе, причем оседло, в Ленинграде. Приехав туда в самом разгаре космополитической кампании, постоянную работу, несмотря на прекрасное знание английского языка и большой журналистский опыт, она так и не нашла. «Жидовка», – звучало в ее адрес где громко, где полупшепотом. Чудом спасенная в детстве православным священником от гнева разъяренной толпы, она всегда болезненно реагировала на любые проявления антисемитизма. И ничего удивительного, что вид агрессивных молодчиков в черных рубашках и сапогах в конце космического XX века, в 1992 году, беспрепятственно выступающих с антисемитскими речами и распространяющих черносотенные газеты, внушает ей самые серьезные опасения.

Выходит, политические режимы и времена меняются, а антисемитизм, даже в самых крайних своих проявлениях, остается.

«Это была просто наша служба»

Между тем, автор «Записок пожилого человека» – известный литературовед (непревзойденный знаток поэзии военных лет), главный редактор журнала «Вопросы литературы», постоянный автор журнала «Лехаим» и газеты «Еврейское слово» Лазарь Лазарев, судя по всему, смотрит на перспективы взаимоотношений двух народов совершенно иначе (см. «Знамя», № 6). Обращаясь по своему обыкновению к военной тематике, он с наслаждением цитирует стихи Давида Самойлова и Бориса Слуцкого. Но в данном случае речь не о них. Записки Лазарева интересны прежде всего неожиданным ракурсом, в котором предстает перед нами этот литератор, хорошо известный читающей Москве. Кто бы мог подумать, что интеллигентный, вовсе не военной выправки человек мог в ледяной воде по грудь переходить вброд реки, в восемнадцать лет быть командиром разведроты и даже командовать бывшими зэками-уголовниками. Все это дает ему право с поистине удивительным, почти неправдоподобным спокойствием говорить об опасности.

О своем военном опыте Лазарев рассказывает с большим чувством собственного достоинства, без ложного пафоса и так надоевших в советское время прикрас. «Романтическое воодушевление, радостное возбуждение тут совершенно ни при чем, – пишет он о тех, кому приходилось воевать. – Это просто была наша служба, смертельно опасная, но что поделаешь, другой она не могла быть. Это был наш долг, от которого стыдно увиливать. И наша работа – тяжелая до изнеможения».

Словно в противовес постоянно публикующимся в печати фактам о пособничестве гитлеровцам в уничтожении евреев местных жителей он рассказывает поистине удивительную историю о том, как во время оккупации Кавказа его учительница Нина Всеволодовна Пшеничная на сборный пункт, куда сгоняли обреченных евреев, пошла с родителями мужа. «В Яд-ва-Шем (иерусалимском музее Катастрофы европейского еврейства) есть Аллея праведников: в память о том, кто, рискуя жизнью, спасал евреев от гибели, там посажено дерево. Если бы у меня была возможность, я бы посадил там дерево в память о моей учительнице Нине Всеволодовне Пшеничной», – пишет автор.

Публикация в «Знамени» представляется довольно неприятным явлением. «Угодливая ложь, раболепный восторг» представлявших официальную точку зрения произведений хорошо известны. О катастрофах, которыми заканчивались готовившиеся с большой помпой самолетные испытания, мог вполне рассказать кто-нибудь другой. Вечное желание оправдать или представить в лучшем свете Симонова вызывают улыбку. Столь характерное для любого бывшего военного разделение «на наших и не наших» видится весьма субъективным. Было б удивительно, если бы пути Лазаря Лазарева и примкнувшего к красно-коричневым кругам Юрия Бондарева когда-нибудь не разошлись... Впрочем, чтобы совсем не участвовать в пакостях, творимых советской системой, надо было вообще не участвовать в официальных просмотрах, писать в стол, махнув рукой на собственную литературную известность.

«Не буду молчать»

О судьбе русского эмигранта второй волны рассказывают письма переводчика, филолога (замечательного исследователя поэтического языка) и публициста Ефима Эткинда («Звезда», № 7). Будучи в Советском Союзе, он немало сделал для распространения книг Солженицына в начале 70-х, а на процессе Бродского (1964) выступал свидетелем защиты. Вопреки предостережениям друзей, считавших, что общественная деятельность за рубежом может отразиться на отношении властей к его семье в Советском Союзе, в середине 1970-х Эткинд написал, а впоследствии издал основанную на личных воспоминаниях книгу «Записки незаговорщика». «Не молчал я, живя рядом с вами, не стану молчать и теперь, вдали от вас», – пишет он своему другу, известному востоковеду и мемуаристу И.М.Дьяконову.

Проблема выживания творческой личности в эпоху тоталитарного режима затронута в публикациях, посвященных известному литературоведу и мемуаристу Лидии Гинзбург («Новое литературное обозрение», № 49), которой выпала на долю отнюдь не легкая судьба: месяцы блокадной жизни, социальная неустроенность (ее трудовая книжка свидетельствует о крайне нестабильной занятости), невозможность долгое время публиковаться. Да, «советским служащим на пайке» она так и не стала. И потому занималась не темами классовой борьбы и руководящей роли партии, а выражением в лирике стремления романтической личности к абсолюту.

Как справедливо заметил литературовед Кирил Кобрин, «живущий в обществе потребления человек алчет то, что находится вне биологического». В разговорах с Сергеем Бочаровым Л. Гинзбург не раз высказывала мысль о том, что религиозная потребность как самая могучая сама по себе свидетельствует о какой-то реальности за собой. Французская исследовательница Сара Пратт объясняет своеобразие позиции Лидии Гинзбург тем, что она «была еврейкой», и потому «советская интеллигенция вряд ли приняла бы ее с распростертыми объятиями»... С этим мнением не хочется согласиться. Думается, независимая позиция Гинзбург, сказавшаяся, в частности, в выборе темы исследований, связана вовсе не с пятым пунктом, а с высотой духа, независимостью и чувством собственного достоинства, характерным для представителей народа пророков.

А вот младший коллега Лидии Гинзбург и Лазаря Лазарева Борис Штейн в пору своей деятельности в качестве литконсультанта русской секции в Доме писателей Эстонии мог себе позволить

оглядываться на вышестоящие инстанции гораздо меньше российских коллег. (что можно заключить из его мемуаров-размышлений, опубликованных в «Дружбе народов» № 6 под названием «Уходит век»). Даже мне, лишь краешком юности захватившей застойное время, кажется поистине удивительным, что в те годы (пусть даже в чуть более либеральной Эстонии) Борис Крячко мог на литературном вечере читать рассказ, где открыто обсуждались причины закрытия – открытия границ, а Сергей Довлатов преспокойно веселил публику повестью про американского шпиона (впрочем, впоследствии в своей «Невидимой книге» он напишет о том, что на эстонском языке позволялось гораздо больше, чем на русском). Вообще бывший морской офицер, отдавший военной службе 22 года, писатель, драматург, пьесы которого шли в Ленкоме, актер первого в Эстонии альтернативного театра, а ныне предприниматель в сфере книжной торговли, Борис Штейн, кажется, в любой из своих ипостасей чувствовал и продолжает себя чувствовать на месте. Очень вырочала его военная выдержка и привычка ни при каких обстоятельствах не впадать в панику. И хотя с юности он считал себя по внутренней сути русским человеком (о еврейской истории узнавал в основном из художественных книг), в ответ на слово «жид» дрался еще будучи совсем мальчишкой. Побывав в Израиле, куда в 1989 году уехала его дочь, Штейн не уставал удивляться «разумности устройства жизни в этой стране», восхищаться удивительно красивыми и прекрасно благоустроенными городами, любезностью водителей, всеобщим вниманием к детям, высокой боеспособностью израильской армии, где отсутствует чиновничество и не проводится специальная строевая подготовка.

«Я думал, что я денди и плейбой...»

Как ни странно, судя по повести «Переводчик» известного израильского лингвиста и оппозиционно настроенного к властям публициста Аркана Карива, дебютировавшего в новом для себя качестве прозаика («Дружба народов», № 6), положительное отношение к армии отличает далеко не всех израильтян. Главный герой его повести, переводчик Зильбер, на дежурстве из-за передозировки наркотиков засыпает, затем, испугавшись наказания, с места военных учений просто-напросто бежит и не куда-нибудь – на Восток, к «ненавистным арабам», к которым он на самом деле испытывает (и в тексте это подчеркивается все время) исключительно дружественные чувства: «У них фундаментализм, у нас фундаментализм, нам ли не понять друг друга».

Военное противостояние Израиля с арабами он неоправданно смешивает с захватнической войной русских на Кавказе (отсюда постоянные аллюзии с Лермонтовым). Подавление едва намечающегося арабского восстания друзьям героя с легкостью удастся превратить в шутку и фарс. Так что патриотические мечты бывшего оле-хадаша представляются теперь Зильберу не более чем наивным мальчишеским бредом («впереди пески Синая, позади страна родная»).

Военные сборы отрывают его от тусовок с друзьями и любимых кассет, походов в ресторанчики и знакомств с новыми женщинами. Спешный отъезд Зильбера в армию предстает перед нами во всех его неприглядных подробностях, герой чувствует себя при этом крайне униженным и разбитым. «Я думал, что я денди и плейбой, а присмотреться – так просто засранец», – констатирует он. Кажется, единственное, что осталось у Зильбера из «прошлой жизни» – когда он, живя в Советском Союзе, претерпевал всевозможные мытарства, чтобы «припасть к народу своему», – это любовь к ивриту, знание тонкостей которого он все время демонстрирует. Текст буквально пестрит филологическими, искусствоведческими и лингвистическими, порой фривольными и

парадоксальными, но неизменно остроумными ассоциациями. Как поэтично он вслед за Томасом Манном описывает многовековое пристрастие евреев к «обманщице» и «фантазерке» Луне, как едко развенчивает особенно популярный среди эмигрантов третьей волны культ Сэлинджера, как мило подтрунивает над заикленностью на своей славе знаменитого семиотолога и романиста Умберто Эко! Умение запросто общаться, пусть даже мысленно, с великими мира сего вселяет веру в незаурядные творческие способности нашего героя. А с каким увлечением и упорством, не упуская ни малейшей возможности, он учит арабский (но всевозможные высшие, а уж тем более государственные соображения здесь ни при чем)!

Больше всего на свете переводчик Зильбер ценит свою независимость. Поэтому его, судя по всему генетически заложенная «жестоковейность» прежде всего связана с упорным нежеланием подчинять себя каким-либо правилам, «слушаться старших». Не случайно Аркан Карив делает Зильбера однофамильцем или потомком главного героя повести своего отца, известного литературоведа и писателя Юрия Карабчиевского. Повышенное внимание к частной, не связанной ни с какой идеологией жизни, – вот что объединяет эти написанные в разное время произведения. Но если в повести Карабчиевского «Жизнь Александра Зильбера» внутренний разлад с советской действительностью проявляется лишь исподволь (думать и писать, как все советские люди, он просто не может), то герой Аркана Карива спасается от действительности традиционным для романтического героя способом – попросту бегством. Но, конечно, время ли сейчас воевать и можно ли примириться с Амалеком, каждый (а уж тем более герой художественного произведения) решает для себя сам.

«Мы были как во сне»

Вообще повесть Аркана Карива, если бы не ее конец, могла бы послужить прекрасной иллюстрацией к статье известного израильского литературоведа Михаила Вайскопфа «Мы были как во сне: тема исхода в литературе русскоязычного Израиля» («Новое литературное обозрение», № 47), в которой автор утверждает, что «горестно-ироническая переоценка утраченных иллюзий, меркнущих в жестком и холодном свечении новообретенного житейского опыта» характерна для всей русскоязычной алии в целом. Навязчивое соотнесение приезда на историческую родину с исходом из Египта сменяется восприятием Израиля как новой чужбины, первоначальная эйфория – разочарованием и ностальгией, которая, как правило, оканчивается примирением или, по крайней мере, адаптацией к окружающей действительности. В статье Вайскопфа намечаются также перспективы подобного рода исследований – возможность соотнесения с литературой русской эмиграции первой половины XX века, антисемитскими повествованиями 1920 – 1930-х годов и даже антисемитскими сочинениями, написанными как в советское, так и в дореволюционное время.

Что касается алии, то хоть ее не назовешь эмиграцией, все же здесь, по русской поговорке, «семь раз отмерь – один раз отрежь». Впрочем, героям повестей Александра Мелихова «Любовь к отеческим гробам» («Новый мир», № 9, 10) и Александра Гениса «Трикотаж» («Новый мир», № 9) отмерять, то есть мучиться сомнениями, колебаться даже не надо. До экономического процветания Израиля и его военных побед им, судя по всему, дела нет. А вот что Израиль – это не что иное, как сотканный «из мечты и преданий» фантом, для них очевидно. Кажется, оба автора едины в убеждении, что любому из покинувших ради Израиля свою страну переселение сулит «гораздо больше тягот, чем выгод» (странно, почему же тогда желающих возвращаться обратно особо нет?) и что лишь перед Стеной Плача они (исключительно в лице сильной своей половины) равны, как «в бане». А то, что никакой единой ментальности у евреев нет, для Александра Гениса

давно абсолютно ясно (что большинство из них в детстве отличные математики, но плохие вратари – из этого ничего не следует).

В «Автоверсии» же (таков подзаголовок пародийной повести на роман воспитания «Трикотаж») знаменитого журналиста мы знакомимся с евреями-спекулянтами и мелкими воришками, развратными балетмейстерами, засыпающими за рулем водителями и вступающими в поножовщину с дражайшей «половиной» семьянинами. Сам не отягченный знанием о традиционных заповедях и запретах, потомок бедных портных Гуровых и богатых купцов Генисов без колебаний принимает на веру утверждение античных авторов о неисправимости людских пороков и потому с легким сердцем сообщает читателю о дурных наклонностях своих отроческих лет, а также не боится признаться, что ради страстно любимой им русской бабушки в детстве «часами прижимался лицом к оконному стеклу, надеясь вырасти, как все порядочные люди, курносый».

Повесть Александра Мелихова «Любовь к отеческим гробам» снова возвращает нас к проблемам взаимоприятия-отталкивания русских и евреев, некогда громогласно названных Семеном Липкиным единым народом «по имени и». Отношений близких (родственных) и долговременных (на протяжении нескольких десятилетий). За это время успела не раз поменяться власть, миновала эпоха раскулачивания и великого террора, перешло в частный сектор государственное имущество. А слияния двух «родственных» этносов в России так и не произошло. При этом в повести Александра Мелихова достается и тем, и этим. Выходит, что большинство русских простых людей (родственников героя) не имеют чувства благодарности, всегда рады пожить за чужой счет. Что же касается евреев, то они, по наблюдению автора, привыкли слишком скуп, расчетливо, а потому безрадостно жить. В то же время, будто стараясь «раздать всем сестрам по серьгам», автор не перестает удивляться выходящей из всех разумных рамок сознательности евреев и умиляться способностью русских людей все выдерживать, всему радоваться и со всем смиряться.

Свойственное семейной идиллии состояние безмятежности в какой-то момент сменяется отчаянием: невозможно понять, а самое главное, принять, жизненные установки самых близких и дорогих людей. Вот как описывается от лица героя-рассказчика итог утреннего разговора с сыном: «Я понимал, что он наконец понял, что никакая тоска не освобождает человека от обязанностей, а он понимал, что я наконец понял, что к человеку в такой тоске, как у него, не следует приставать с пустяками».

Напоследок не могу не попенять автору: что русская женщина «коня на скаку остановит» вслед за Некрасовым он заметил, а вот самоотверженных еврейских подруг, мам, еврейских бабушек, до гробовой доски пекущихся о своих непутевых внуках, незаменимых еврейских тетушек, ухитряющихся (это при семье и работе-то!) помочь всем страждущим родственникам, а при необходимости еще и побывать раза два за день у стариков в больнице, он почему-то просмотрел...

«О времена, о нравы!»

Впрочем, судя по рассказу Башевиса-Зингера «Кровь» («Звезда», 2000, № 7) эпикойресы вроде леди Макбет Мценского уезда среди евреек тоже есть. Только в отличие от лесковской Катерины Риша (так зовут главную героиню) не убивает мужей, а изводит их бранью, капризами, вопиющим несоблюдением обрядов.

В рассказе «Кровь» мы сталкиваемся со всеми характерными особенностями прозы Зингера: контрастными образами, захватывающим сюжетом, поставленными во главу угла этическими проблемами. И, конечно же, великолепным знанием еврейских нравов «допросвещенческой» эпохи. Известие о том, что долгое время в местечке вместо кошерного мяса продавалось тrefное, производит здесь настоящий переполох: «Хозяйки из богатых домов выносили на рыночную площадь фаянсовую посуду и разбивали ее вдребезги. Больные и беременные женщины лишались чувств, набожные рвали на себе одежду и посыпали голову пеплом»...

Определенно написана под впечатлением пребывания в Израиле подборка стихов Инны Лиснянской, помещенная в «Знамени» (№ 9). Величественному библейскому пейзажу соответствуют дивной красоты сравнения и эпитеты, мерный торжественный строй поэтической речи. Словно возвратившиеся к нам из другого тысячелетия изъявления небесной, преданной и смиренной любви («Я жена твоя и припадаю к твоим стопам», «Не встречала прекрасней тебя никого на своем веку») соседствуют с описаниями забавных подробностей повседневной семейной жизни.

В заключение несколько обобщающих и ни к чему не обязывающих слов. Регулярно появлявшаяся в периодике этого года литература по еврейской тематике охватывает огромный период – от начала прошлого столетия до наших дней. Круг затронутой в ней проблематики огромен: место евреев в революции и их отношение к уходящей в прошлое жизни местечка, жизнь советского еврейства на рубеже 1937 года и его судьба в эпоху борьбы с космополитизмом, попытки нравственного противостояния советской системе в застойные годы и переживания, связанные с алией (репатриацией в Израиль)... Произведения эти написаны людьми старшего и среднего поколений, как правило, видевших в своем еврействе источник неисчислимых бед и душевных терзаний. И они дают основания думать, что время, когда в тайных помыслах большинства евреев превалировало желание быть признанным в русской среде «за своего», навсегда осталось в прошлом – представители подрастающего поколения воспринимают свое еврейство уже скорее как признак избранничества, а не как неизбежное зло. Очевидно, это отразится и в еврейской литературе следующего поколения: на смену скептику-антигерою придет уверенный в своей победе над силами зла подлинный герой, а промежуточные жанры –

пародии, мемуары и дневники, будут вытеснены крупной формой эпического романа. Возможно, такого рода произведения могли бы в первую очередь появиться в России, в научной, в религиозной еврейской среде. Пусть видение нашей ментальности представит новое поколение – с молодых ногтей впитавшая еврейское самосознание молодежь.

ЖИЗНЬ ЛАВАНА ГОЛЬДМАНА В ЛИТЕРАТУРЕ

Аади ади І аеаи аа

Когда Лаван Гольдман поднимался по лестнице, повторяя в который раз доводы, почему ему сегодня вечером надо не вести жену в кино, а идти в вечернюю школу, он встретил соседку из квартиры на той же площадке, миссис Кемпбелл.

– Миссис Кемпбелл, смотрите, – Лаван протянул ей газету. – Еще одно! На этот раз в «Бруклин игл».

– Еще одно письмо? – сказала миссис Кемпбелл. – И как только это у вас получается?

– Им нравится, как я излагаю свои соображения на тему развода, – и он показал, где напечатано письмо.

– Прочту его позже, – сказала миссис Кемпбелл. – Джо покупает «Игл» по дороге домой. Он вырезает ваши письма. А то письмо, где говорилось о терпимости, показывал буквально всем. И все говорили, что чувства там прямо-таки замечательные.

– Это вы о письме в «Нью-Йорк таймс»? – просиял Лаван.

– Да, чувства в нем просто-таки замечательные, – сказала миссис Кемпбелл, продолжая спускаться вниз. – Может, вам стоило бы взять да и написать книгу.

Радость с горечью пополам была так сильна, что Лавана Гольдмана проняла дрожь.

– Всем сердцем желал бы, чтобы ваша надежда нашла осуществление, – крикнул он вслед соседке.

– Почему бы и нет, – сказала миссис Кемпбелл.

Лаван открыл дверь квартиры, прошел в коридор. Встреча с миссис Кемпбелл внушила ему уверенность. Он чувствовал, что она придаст красноречия его доводам. Вешая в коридоре шляпу и пальто, он услышал, как жена говорит по телефону.

– Лаван! – окликнула она его.

– Да, – сказал он нарочито холодно.

Эмма вышла в коридор. Малорослая, крепко сбитая.

– Сильвия звонит, – сказала она.

Он протянул ей газету.

– Мое письмо опубликовали, – с ходу сказал он. – Следовательно, сегодня мне придется пойти в школу.

Эмма стиснула руки, прижала их к груди.

– Лаван, – она повысила голос, – ты же обещал.

– Пойдем завтра.

– Нет, сегодня.

– Завтра.

– Лаван, – взвизгнула она.

Он не отступался.

– Это не принципиально, – сказал он. – Завтра идет та же картина.

Эмма метнулась к телефону.

– Сильвия, – кричала она, – ну, как тебе это нравится, теперь он не идет в кино.

Лаван попытался было нырнуть в свою комнату, но жена оказалась проворнее.

– К телефону, – сухо объявила она.

Лаван нехотя поволокся к телефону.

– Папа, – сказала Сильвия, – ты же обещал маме пойти с ней в кино, а сейчас отказываешься, почему?

– Сильвия, послушай меня хоть минуту и не перебивай. Я не отказываюсь от своего обещания. Я только хочу отложить или отсрочить до завтра, а она делает из этого проблему.

– Ты обещал сегодня, – вскинулась Эмма: она стояла рядом, слушала.

– Прошу тебя, – сказал Лаван. – Веди себя прилично: воздержись говорить со мной, когда я говорю не с тобой.

– Ты говоришь с моей дочерью, – величественно ответствовала Эмма.

– Мне абсолютно и предельно ясно, что твоя дочь – это твоя дочь.

– Умные слова, ты без них не можешь, – ехидничала Эмма.

– Папа, не ссорься, – доносился из трубки голос Сильвии. – Ты обещал сегодня повести маму в кино.

– Однако обстоятельства складываются так, что мне необходимо присутствовать в школе. «Бруклин игл» напечатала мое письмо по одному насущному вопросу, а мистер Тауб, мой преподаватель английского, любит обсуждать мои письма на занятиях.

– И что – письмо нельзя обсудить завтра?

– Сегодня это проблема актуальная и животрепещущая. Завтра сегодняшняя газета будет вчерашней.

– И о чем это твое письмо?

– О социологической проблеме большой значимости. Ты его прочтешь.

– Папа, так продолжаться не может, – оборвала его Сильвия. – У меня на руках двое малышей. Я не могу каждый второй вечер водить маму в кино. Это должен делать ты.

– У меня нет выхода.

– Папа, что это значит?

– Что образование для меня важно в первую очередь. – Какая разница отдавать образованию пять вечеров в неделю или четыре?

– Твои доводы не выдерживают критики с математической точки зрения, – сказал он.

– Папа, ты же умный человек. Почему бы тебе раз в неделю, ну хотя бы по средам, не оставаться дома и не водить маму, скажем, в кино.

– Для меня кино не имеет такой цены.

– Ты хочешь сказать, что твоя жена не имеет для тебя такой цены, вот что это значит, – снова вмешалась в разговор Эмма.

– Я не с тобой разговариваю, – сказал Лаван.

– Прошу вас, не ссорьтесь, – сказала Сильвия. – Папа, подумай о маме.

– Я даже слишком много о ней думал, – сказал Лаван. – Вот почему мои достижения в жизни до сегодняшнего дня так невелики. Настала пора подумать и о себе.

– Я не хочу продолжать этот спор, папа, но учти, тебе надо уделять больше внимания маме. Она все вечера сидит дома одна – нельзя же так.

– Это касается только ее.

– Нет, тебя, – влезла в разговор Эмма.

Лаван вышел из себя:

– Нет, ее, – завопил он.

– До свидания, папа, – Сильвия поспешила попрощаться. – Передай маме: я зайду за ней в восемь.

Лаван повесил трубку.

Лицо жены пылало. Ее трясло от ярости.

– И на ком ты женился? – горестно вопрошала она. – На вечерней школе?

– Двадцать семь лет назад я женился на тебе – и что я имею в этой жизни? – сказал он.

– Ты имеешь, что есть, – сказала она, – где спать и ты имеешь приличный дом. А твою жену, что вырастила твою дочь, я ее не считаю.

– Это все события древней истории, – язвил Лаван. – Скажи, я имею понимание? Я имел поддержку, чтобы подготовиться и сдать экзамены, благодаря которым я теперь государственный служащий¹¹, получаю две тысячи шестьсот долларов в год и хорошо обеспечиваю свою семью? Я имел поддержку, чтобы изучать предметы в средней школе? Я имею одобрение, когда пишу письма редактору, которые лучшие газеты Нью-Йорка печатают на своих страницах? Ну, что ты скажешь?

– А теперь ты меня послушай, Лаван, – Эмма перешла на идиш.

– Нет уж, говори по-английски, – заорал Лаван. – Свой обычай в чужой дом не носи.

– Я не слишком хорошо выражаю себя по-английски.

– Так иди в школу, учись.

Эмма взвилась.

– Мне надо умные слова, чтобы в доме было чисто? Мне надо школа, чтобы готовить еду? – вопила она.

– И не готовь, обойдусь!

– Обойдусь? – спросила она с ядом. – Отлично! – Эмма приосанилась. – Так сегодня готовь ужин сам! – протопала к коридору и обернулась уже у двери своей комнаты: – А когда от своей готовки ты будешь иметь язву, – сказала она, – напиши письмо редактору. – И захлопнула дверь.

Лаван прошел к себе, положил в портфель книги, газету.

– Она отравляет мне жизнь, – бормотал он.

Надел шляпу, пальто, спустился вниз. Решил было пообедать в ресторане, но есть расхотелось, и он пошел в кафе на углу, неподалеку от школы. Скандал расстроил Лавана: он рассчитывал избежать его. Съев половину сэндвича и выпив кофе, он поспешил в школу.

Все, что говорили на уроках биологии и геометрии, Лаван пропускал мимо ушей, оживился он лишь, когда на испанский пришла мисс Московец, вместе с которой они посещали уроки английского. Лаван поклонился ей. Мисс Московец была высокая, худощавая женщина слегка за тридцать. Если бы не очки и не изрывшие щеки оспины, умело замаскированные румянами, она была бы недурна. Они с Лаваном блистали на уроках английского. Предвкушая, как сразит ее своим письмом, он трепетал. Обдумывал, как бы получше подвести обсуждение к письму, отвергал один вариант за другим. Имеет ли смысл попросить мистера Тауба, чтобы тот разрешил прочесть письмо, или лучше дожидаться подходящего момента и тогда уж прочесть письмо и ошарашить класс? Решил все же выждать. Когда Лаван представлял, какое впечатление произведет его письмо, он волновался еще сильнее. Зазвонил звонок. Он собрал книги, не стал поджидать мисс Московец, прошел в класс, отведенный под занятия английским.

Мистер Тауб начал урок с обсуждения темы судьбы в «Ромео и Джульетте» – эту пьесу класс только что закончил читать. Ученики, взрослые и юные, как родившиеся в Америке, так и за ее пределами, высказывали свои соображения, и Лаван нервничал, поджидая повод вступить в разговор. Обычно он активно участвовал в таких обсуждениях, но сегодня решил не выступать, а подыскать зацепку, которая позволила бы подвести разговор к письму, – и сосредоточиться на этом. Мисс Московец отвечала еще лучше обычного. Она анализировала сюжет во всех деталях с такой впечатляющей ясностью, что класс слушал ее, затаив дыхание. По мере того как урок близился к концу, Лаван все нетерпеливее ерзал на стуле. Понимал: если не прочтет письмо, потом он себе этого не простит, особенно если учесть, что он и в обсуждении не участвовал. Мистер Тауб задал другую тему: «Виноваты ли влюбленные в своей трагической гибели?»

И снова мисс Московец вскинула руку. Преподаватель оглядел комнату, но больше никто руки не поднял, и он кивнул ей.

– Их страстная любовь – вот причина трагедии, – мисс Московец встала, но Лаван, не дав ей закончить, замахал рукой.

– Мистер Гольдман, – сказал преподаватель, – сегодня мы вас еще не слышали. Ну как, мисс Московец, разрешим ему продолжать?

– С превеликим удовольствием, – она села.

Лаван встал, отвесил поклон мисс Московиц. Старался никак не выдать себя, но его била дрожь – так он волновался. Он вышел в проход, сунул правую руку в карман брюк, прочистил горло.

– Для такой молодой женщины, какой является мисс Московиц, она дала похвально четкие и прозорливые ответы. Некогда один поэт сформулировал: «Страсть двигает сюжет»^[2], и мисс Московиц поняла, что эта цитата применима и к нашей пьесе. Молодые влюбленные, Ромео и Джульетта, оба были настолько переполнены и так выведены из душевного равновесия юным влечением друг к другу, что они не могли различить или ясно представить, какие проблемы перед ними встанут. Но вышесказанное применимо не только к шекспировским влюбленным, но и ко всем людям в частности. Когда мужчина молод, он захвачен влечением и страстью к женщине, из чего безусловно и самоочевидно следует, что он не учитывает подлинные свойства своей жены, не думает: соответствует ли она ему не только телесно, но и духовно. Такое несовпадение в большом количестве случаев приводит к трагедии, а в наше время – к разводу. На эту тему мне хотелось бы процитировать мои соображения, сегодня они опубликованы в газете «Бруклин игл»

Лаван сделал паузу и посмотрел на преподавателя.

– Прошу вас, – сказал мистер Тауб.

Класс зажужжал – всем было интересно.

Когда Лаван вынимал газету из портфеля, у него тряслись руки. Он снова прочистил горло.

Редактору «Бруклин игл»

Я хотел привлечь Ваше внимание к факту наличия множества важных тем, которым мы не уделяем должного внимания из-за войны. Я не предполагаю и не намерен принизить значение войны, я намерен всего лишь изложить некоторые соображения по вопросу развода.

Судя по этой проблеме, штат Нью-Йорк отброшен в средние века. Не один человек незапятнанной репутации имеет в душе мрак трагедии, потому что он не может позволить, чтобы его репутация была замарана или запачкана. Я имею в виду прелюбодеяние, которое за исключением оставления, для которого требуется много времени, является единственным реальным путем к разводу в этом штате. Когда же мы наконец станем достаточно просвещенными, чтобы понять, что несовместимость «ведет к презрению»^[3] и что такое положение дел развращает душу так же, как прелюбодеяние развращает тело?

В силу этого неизбежно следует вывод: мы должны иметь закон, предоставляющий развод по причине несовместимости. Я считаю, что это Quod Erat Demonstrandum^[4].

Ēāāāī Āīēūūī āī.

Āōēēēēī, 28 ūī āāōŷ 1942 āāā

Лаван опустил газету и в наступившей тишине сказал:

– Нет необходимости объяснять тем, кто посещает наш класс, что значит эта латинская цитата: ведь они осваивают геометрию первой или второй степени.

На класс его письмо произвело сильное впечатление. Когда Лаван сел, раздались аплодисменты. И хотя ноги у него подгибались, он был наверху блаженства – упивался своим торжеством.

– Благодарю вас, мистер Гольдман, – сказал мистер Тауб. – Меня радует, что вы не оставляете своих литературных притязаний, и я хотел бы обратить внимание класса на наличие экспозиции, кульминации и развязки в сочинении, вернее сказать письме мистера Гольдмана. Даже не видя газеты, я могу предположить, что прочитанное мистером Гольдманом письмо разбито на три абзаца. Не так ли, мистер Гольдман?

– Именно так! – сказал Лаван. – Приглашаю всех удостовериться своими глазами.

Мисс Московиц вскинула руку. Преподаватель кивнул.

– За всех говорить не буду, но лично для меня – большая честь учиться в одном классе с человеком такого жизненного опыта и такого литературного таланта, как мистер Гольдман. Я считаю, что суть письма определенно очень замечательная.

Класс зааплодировал, она села. Зазвенел звонок, занятиям пришел конец.

Лаван нагнал мисс Московиц в коридоре и спустился с ней вниз.

– Звонок помешал мне высказать, что мое отношение к вам тождественно вашему отношению ко мне, – сказал он.

– Благодарю вас, – мисс Московиц просияла. – Значит, мы отвечаем друг другу взаимностью.

– Без сомнения, – сказал Лаван. Они еще не спустились вниз. На душе у него было радостно.

Ученики, высыпав на улицу, растекались в разные стороны, но Лавану не хотелось идти домой. Его грело воспоминание о триумфе, ему хотелось поговорить. Он приподнял шляпу и сказал:

– Мисс Московиц, я уже на возрасте, а вы молодая женщина, и я отдаю себе в этом отчет, но душа моя молода, вследствие чего мне хотелось бы продолжить наш разговор. Не согласились бы вы пойти совместно со мной в кафе, и мы могли бы там пить кофе?

– Охотно, – сказала мисс Московиц, – и не такая уж я молодая. Вдобавок, я легче устанавливаю отношения с более зрелыми мужчинами.

Лаван, весьма польщенный, взял ее под руку и повел к кафе на углу. Он сходил за кофе и пирожными, мисс Московиц тем временем разложила приборы и бумажные салфетки.

Пока они пили кофе, Лавану казалось, что он помолодел лет на двадцать, у него точно груз с плеч свалился, прошлое представлялось чем-то вроде грязного белья, которое он скинул с себя. Зрение его обострилось, он видел все очень четко. Поглядывая на мисс Московиц, он с удовольствием отмечал, до чего же она хорошенькая и как приятно на нее смотреть. В нем бурлили, рвались наружу слова:

– Мисс Московиц, знаете ли вы...

– Прошу вас, зовите меня Руфь, – сказала она.

– Вот как, Руфь, неизменно верная библейская Руфь, – в задумчивости произнес Лаван. – А меня зовут Лаван.

– Лаван, какое благородное имя.

– Это тоже библейское имя. Что я начал говорить, – продолжал он, – так это я начал рассказывать, что легло в основу моего письма, которое опубликовано в газете сегодня.

– Прошу вас, продолжайте. Мне очень интересно.

– Так вот, письмо это жизненное и автобиографическое, – сказал он с чувством.

– Не хотелось бы вторгаться в вашу жизнь, и все же, что вы имеете в виду? – спросила она.

– Что ж, я отвечу вам в двух словах, – сказал Лаван. – Вы женщина, наделенная умом, и вы поймете, что я хотел сказать, – ответив кивком на ее улыбку, продолжал он. – Я хотел сказать, что в письме речь идет обо мне. – Он старательно подыскивал слова: – Подобно Ромео и Джульетте я будучи молодым человеком, испытывал воздействие страсти и в результате женился на женщине, с которой был умственно несовместим.

– Мне очень жаль, – сказала мисс Московиц.

Лаван помрачнел.

– Она не испытывает интереса к вопросам, которые интересуют меня. Она мало читает и не знает элементарных вещей о психологии и о мире.

Мисс Московиц приумолкла.

– Если бы в молодости я женился на женщине, разделяющей мои интересы, – рассуждал он, – на ком-нибудь вроде вас, можете мне поверить, сегодня я был бы писатель. Я так мечтал стать писателем, и с моим опытом и пониманием жизни, можете мне поверить, я бы написал очень прекрасные книги.

– Верю вам, – сказала мисс Московиц. – Правда, верю.

Лаван вздохнул и посмотрел в окно.

Мисс Московиц окинула взглядом зал и за спиной Лавана увидела низенькую дебелую женщину с пылающим от злости лицом – она шла прямо на них. В руке она держала чашку кофе и, стараясь не пролить его, прокладывала себе дорогу к их столику. Молодая женщина удерживала ее. Мисс Московиц тут же смекнула, чем это пахнет.

– Мистер Гольдман, – сказала она сдавленным голосом, – сюда идет ваша жена.

Лаван в испуге привстал, но Эмма уже надвинулась на них.

– И это называется вечерняя школа? – брякнув наполовину расплесканную чашку с кофе о стол, вопила она. – Это называется учеба каждый вечер?

– Мама, не надо, – упрашивала Сильвия, – на нас все смотрят.

– Он женатый человек, ты, распутница! – орала Эмма, напирая на мисс Московиц.

Мисс Московиц встала. Кровь отхлынула от ее лица, оспины стали заметны.

– Заверяю вас, что мои отношения с мистером Гольдманом носят чисто платонический характер. Мы с ним занимаемся английским в одном классе, – она не спасовала перед Эммой.

– Умные слова, – издевалась Эмма.

– Утихни, – возопил Лаван. И обратился к мисс Московиц: – Приношу вам извинения, мисс Московиц. Это есть крест, который я несу, – убитым голосом сказал он.

– Папа, не надо, – упрашивала его Сильвия.

Мисс Московиц взяла свои книги.

– Погодите, – попросил Лаван. – Я оплачу ваш чек.

– Через мой труп, – орала Эмма.

– До этого дело не дойдет, – сказала мисс Московиц. – Спокойной ночи.

Оплатила чек, толкнула вращающуюся дверь и вышла.

– Ты невежда, – разорвался Лаван, – ты понимаешь, что ты наделала!

– Ой, я уже не могу – он меня клянет, – выла Эмма, заливаясь слезами.

– Ой, папа, стыд-то какой, – сказала Сильвия. – На нас все смотрят.

– Ну и пусть смотрят, – сказал Лаван. – Пусть видят, как человек тонких чувств и понятий страдает из-за несовместимого с ним невежества. – Он подхватил портфель, нахлобучил шляпу и рванул к двери. Бросил на прилавок деньги, толкнул вращающуюся дверь, выбежал на улицу. Эмма продолжала рыдать, упав головой на стол, Сильвия пыталась утешить ее.

Лаван завернул за угол, пошел прочь от дома. Радости как не бывало, а когда он вспомнил сцену в кафе, его и вовсе одолела тоска. К своему удивлению он видел все очень ясно, яснее, чем всегда. Думал о жизни хладнокровно, беспристрастно. Мысли Лавана вернулись к сегодняшним событиям, на него снизошло умиротворение, он вспомнил, как ему аплодировали. Тоска прошла.

– С моим-то опытом, какую книгу я бы мог написать! – на ходу вздыхал он, продолжая путь.

1943

Ἰ ἀδάϊτ᾿ Ἐ. Ἀάνῃ ἀεῖ τ᾿ αἶε

[1] Ἀεὺ ὀτ᾿ αἶτῃ ὀτ᾿ αἶτῃ ἰ τὸ πῶσι εὐὸ ἰ τὰ ἀπῆλαδῆσιν αἶτῃ ἰ φρῆσασὸ εἰ πῶσῶν ὀτ᾿ αἶτῃ εἶτῃ, ἰ αἶτῶν αἶτῃ ἰ πῶσῶν ἰ δῖο ἀπῆτῃ αἶτῃ ἰ εἰ εἰσὲ δὲ εἰσὲ εἰτῃ ἰ ἰεῖτῃ αἶτῃ.

[2] Ἀεῖ τῶν Ἐ ἀδάϊτῃ (1828-1913), «Ἰ τ᾿ αἶτῃ αἶτῃ ἰ αἶτῃ ἰ αἶτῃ»:

Ἰ τῶν αἶτῃ ἰ αἶτῃ ἰ αἶτῃ ἰ αἶτῃ:

Ἐ ἰ τῶν αἶτῃ ἰ αἶτῃ ἰ αἶτῃ ἰ αἶτῃ ἰ αἶτῃ ἰ αἶτῃ

[3] Ὁ. Οἶτῃ εἰσὲ «Ἀεῖ τ᾿ αἶτῃ ἰ αἶτῃ ἰ αἶτῃ: «... αἶτῃ ἰ αἶτῃ ἰ αἶτῃ».

[4] x ὀτῃ εἰσὲ ὀτῃ αἶτῃ ἰ αἶτῃ ἰ αἶτῃ (εἰσὲ.)

ИЗ НАШЕЙ ДЕКАБРЬСКОЙ ПОЧТЫ

Уважаемая редакция!

Ваш журнал всегда читаю с большим интересом и решил вам написать. Между праздником Рош а-Шона и постом Йом Кипура по еврейской традиции наступает период, называемый днями раскаяния. Эти 10 дней даются нам для того, чтобы накануне Высшего Суда мы постарались сделать все возможное, дабы заслужить милостивый приговор и добрую запись на новый год в Книге жизни. Путь к этому в том числе и через благодеяния и достойные дела.

В Таллине всегда считалось достойным делом поминание умерших родственников. И многие члены еврейской общины Эстонии исполнили свой долг перед усопшими на традиционном поминальном митинге. В советское время это было единственной возможностью для евреев собраться публично, и значение «митинга» в тогдашней жизни общины нельзя недооценить.

В который раз уже митинг проходил на таллинском еврейском кладбище. Провел его главный раввин Эстонии Шмуэл Кот. Раввин говорил о нашем долге помнить. Председатель общины Циля Лауд напомнила о значении дней между Рош а-Шона и Йом Кипуром и необходимости принять участие в службе Дня Искупления в таллиннской синагоге.

Хочу поздравить всю редакцию журнала «Лехаим» с наступившим 5762 годом, пожелать мира, света и радости. Пусть год этот будет для вас сладким и хорошим.

יְבָרַכְךָ אֱלֹהֵינוּ,

אָמֵן

Уважаемая редакция!

Очень благодарен вам за издание «Лехаима». Ранее я его читал не регулярно, но с нынешнего июня получаю по почте на дом.

Я очень старый и очень больной человек, и для меня каждая встреча с вашим журналом особенно важна. Читают его, приобщаясь к еврейству, и в семьях двух моих сыновей.

При нашем ощущении некой ущербности ваш журнал – живительный источник.

А пишу я вам по следующему поводу. С детства мне запомнилась мелодия и один куплет песни, которую часто напевала моя мать. Той песни я никогда больше не слышал, но она запомнилась мне как дорогое воспоминание. И вот в «Лехаиме» № 4 (96) 2000 года в статье «Поэт печали, гнева и любви» о Хаиме-Нахмане Бялике я встретил полный текст этой дорогой для меня замечательной песни!

Я напел мелодию внучке – она ее записала. Эти ноты вам и посылаю. Если песня забыта, не исполняется, то думаю, найдутся люди, желающие ее воскресить. Передайте им наши ноты.

Ń óààæáí èàì,

Áààèä Ötèì áí,

Í èæí èé Í íáã öíä

Уважаемая редакция!

Желание ответить Михаилу Соловейчику из Потсдама («Лехаим», № 9, 2001) вызвали следующие возмущившие меня слова: «Совершенно очевидно, что ассимиляция – это катастрофа, которую по последствиям можно сравнить с Холокостом ... результат – тот же».

Евреев, не следующих национальной традиции и сотрудничающих с окружающим обществом, он не только нещадно ругает, но и считает их погубившими себя, предавшимися самосожжению физически и морально.

Хочу спросить у него: для кого конкретно ассимиляция является катастрофой? Для человечества? Но известна меткая шутка о евреях, «удобряющих» собой общество... Известно и то, что самоизоляция и враждебная замкнутость наносит обществу непоправимый вред во всех аспектах. Для еврейского этноса? Но еврейский народ несмотря на множество катастроф (да и ассимиляции, которая по сути таковой не является) – один из самых древних народов на земле, к тому же сохранивший древнюю религию. Для самих ассимилянтов? Но осмысленный (даже в заблуждении) выбор – дело каждого. Возможность выбора (даже в неволе) – это высшая способность и прерогатива Человека.

Беда Михаила Соловейчика в том, что ему чуждо понятие «личность». Эту общечеловеческую ценность он, заключая в кавычки, подает как «так называемую». Исповедуя принцип вторичности личности – по отношению к коллективу, обществом, идеологии и государству, – он фактически руководствуется совдеповским догматом: «Коллективное – выше личных интересов».

Одни говорят: «Евреи должны жить в Израиле». Другие, более либеральные, считают: «Должны жить там, где родились, либо в Израиле». И те, и другие не признают, что евреи, как и все другие народы, никому ничего в этом смысле не должны. Между прочим, сам автор письма из Германии догмой о месте жительства не руководствуется. Зато других почему-то лишает права свободного выбора, злобно клеймя то «глупцами-миротворцами», то «выродками», то «кретинами» и «сволочами».

Не будучи верующим в традиционном понимании (что не означает отсутствия веры вообще), я высоко ценю концепцию главного раввина Днепропетровска Шмуэла

Каминецкого. Он не отвергает инакомыслящего и человеколюбиво видит в нем не УЖЕ безвозвратно потерянного, а ЕЩЕ не пришедшего в Храм человека (вероятно, ребе подкорректировал бы это мое дилетантское изложение его мысли). Таким пропагандистам еврейства, как Михаил Соловейчик, не грех соотнести свою ярость с мудростью раввина. Умерьте свой псевдоправедный гнев, ибо он вреден не только для общества и человечества вообще, но и для евреев в частности.

Ἐσφραδαῖ Ἐὰν ἀάδῶεὶ ἀί,

Ἀί ἀὶ δῖι ἀὸ δῖ ἀῖ

Уважаемая редакция!

В вашем журнале в сентябрьском номере в разделе «Наш календарь» на стр. 71 в строках, посвященных Генриху Грецу, допущена ошибка в сотню лет: годы жизни историка не 1917 – 1991, а 1817 – 1891!

Ἰ ὀάααί ἐαί,

Ἰ . Ἰ ἀί ἀῖ,

Ἰ ἐαί ἐέ Ἰ ἰ ἀῖ δῖ ἰ

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ ДЕКАБРЯ

2 ДЕКАБРЯ

100 лет со дня рождения пианистки, первой исполнившей ряд произведений современных английских композиторов, автора транскрипций для фортепьянных сочинений Баха и работы об интерпретации его музыки **Харриет Коэн** (1901 – 1967, Лондон).

5 ДЕКАБРЯ

90 лет со дня рождения Героя Советского Союза, командира гвардейской подводной лодки, установившего своеобразный мировой рекорд, потопив в 1945 году немецкий транспорт с восемью тысячами солдат, капитана **Владимира Константиновича (Вольфа Калмановича) Коновалова** (1911, Надежное Екатеринославской губернии – 1967, Ленинград).

95 лет со дня рождения режиссера, продюсера, поставившего фильмы «Лаура», «Водоворот», «Луна голубая», «Святая Иоанна», «Человек с золотой рукой» (три премии «Оскар»), «Анатомия убийства», «Порги и Бесс» (две премии «Оскар»), «Совет и согласие» и др., **Отто Людвига Премингера** (1906, Вена, Австрия – 1986, Нью-Йорк).

8 ДЕКАБРЯ

60 лет со дня гибели историка, публициста, общественного деятеля, одного из основателей и руководителей «Еврейского историко-этнографического общества», редактора журнала «Еврейская старина», основателя еврейской секции партии кадетов, Еврейской народной партии, автора трудов по еврейской истории: «Учебник еврейской истории», «Всеобщая история евреев», «Всемирная история еврейского народа», «История хасидизма» и др. **Семена Марковича Дубнова** (1860, Мстиславль Могилевской губернии – 1941, Рига).

9 ДЕКАБРЯ

85 лет со дня рождения актера, режиссера, продюсера, сыгравшего в фильмах «Чемпион», «Стеклянный зверинец», «Детективная история», «Странствия Одиссея», «Человек без звезды», «Жажда жизни», «Тропы славы», «Спартак», «Список Адриана Мессенджера», «Семь дней в мае», «Сделка» и др., лауреата премии «Оскар» за заслуги перед кино **Кёрка Дугласа (наст. имя и фамилия Иссур Демски)**, (р. 1916, Амстердам).

85 лет со дня рождения драматурга, члена объединения западногерманских писателей (группа 47), автора пьес «Трон дракона», «Жертвоприношение Елены» и др. **Вольфганга Хильдесхаймера** (1916, Гамбург – 1991, Пошияво, Германия).

13 ДЕКАБРЯ

110 лет со дня рождения скрипача, участника дуэта с И.Ф. Стравинским **Сэмюэля Душкина** (1891, Сувалки – 1986, Нью-Йорк).

14 ДЕКАБРЯ

105 лет со дня рождения литературоведа, педагога, члена-корреспондента АН СССР, автора трудов по русской литературе, ее взаимосвязям с зарубежными литературами, по истории журналистики **Павла Наумовича Беркова** (1896, Аккерман Бессарабской губернии – 1969, Ленинград).

35 лет со дня смерти физика-теоретика, академика АН СССР, главы научной школы, профессора МИФИ, автора фундаментальных трудов по физике низких температур, внесшего важный вклад в теорию и создание первых советских ядерных реакторов, а также в развитие физики высоких энергий, предсказавшего (совм. с Д.Д. Иваненко) синхронные излучения, доказавшего равенство сечений взаимодействия с нуклоном частицы и античастицы при высоких энергиях,

лауреата двух Государственных премий СССР **Исаака Яковлевича Померанчука** (1913, Варшава – 1966, Москва).

18 ДЕКАБРЯ

90 лет со дня рождения актера, сценариста, режиссера, поставившего фильмы «Грубая сила», «Обнаженный город», «Путь воров», «Ночь и город», «Никогда в воскресенье» и др. **Жюля Дассена** (р. 1911, Мидлтаун, США).

19 ДЕКАБРЯ

140 лет со дня рождения писателя, автора романов «Одна жизнь», «Дряхлость», «Самопознание Дзено» и др. **Итало Свево** (наст. имя и фамилия Этторе Шмитс) (1861, Триест – 1928, Мотта-ди-Ливенца, Италия).

85 лет со дня рождения Героя Советского Союза, майора **Леонида Ильича Бубера** (р. 1916, Николаев).

20 ДЕКАБРЯ

55 лет со дня рождения иллюзиониста, исполнителя так называемых чудес психокинеза **Ури Геллера** (р. 1946, Тель-Авив).

24 ДЕКАБРЯ

10 лет со дня смерти физиолога, члена-корреспондента АН СССР, автора трудов по нейрофизиологии и электрофизиологии центральной нервной системы **Александра Ильича Ройтбака** (1919, Одесса – 1991, Тбилиси).

25 ДЕКАБРЯ

40 лет со дня смерти физиолога и фармаколога, члена Лондонского королевского общества, профессора фармакологии университета Граца и Нью-Йоркского университета, установившего химическую природу передачи нервного возбуждения через синапсы и роль в ней ацетилхолина, лауреата Нобелевской премии по медицине (совм. с Г. Дейлом, 1936 год) **Отто Лёви** (1873, Франкфурт-на-Майне – 1961, Нью-Йорк).

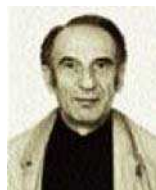
110 лет со дня рождения режиссера, поставившего фильмы «Старый закон», «Варьете», первый английский звуковой фильм «Атлантик» и др., **Эвольда Андреаса Дюпона** (1891, Зайц, Германия – 1956, Лос-Анджелес)

29 ДЕКАБРЯ

60 лет со дня смерти математика и механика, иностранного почетного члена АН СССР и иностранного члена-корреспондента Петербургской АН, профессора университетов в Падуе и Риме, автора трудов по тензорному анализу, римановой геометрии, небесной механике, гидродинамике **Туллио Леви-Чевиты** (1873, Падуя – 1941, Рим).

31 ДЕКАБРЯ

65 лет со дня рождения физика, члена-корреспондента РАН, директора Отделения твердотельной электроники Физико-технического института им. А.Ф. Иоффе, автора трудов по физике полупроводников и микроэлектронике, высказавшего идеи, которые легли в основу разработки новых типов полупроводниковых лазеров, **Роберта Арнольдовича Суриса** (р. 1936, Москва).

13 декабря исполняется 70 лет со дня рождения Германа Герцевича Брановера, профессора Тель-Авивского и Беер-Шевского университетов, директора Центра магнитно-гидродинамических исследований (Беер-Шева), руководителя объединенной Израильско-Российской лаборатории энергетических исследований, одного из основоположников магнитной гидродинамики (МГД) жидких кристаллов, автора ряда научных трудов по МГД и ее роли в гео- и астрофизике и в технологии.

Научная сфера – не единственное поприще профессора Брановера. Будучи научным сотрудником института физики Латвийской АН, он пришел к вере в Б-га, и 1960 год стал началом его исследований вопросов гармонии между Торой и современными естественными науками (позже в Израиле были опубликованы шесть его теологических и теолого-популярных изданий, среди которых автобиографическая книга «Возвращение»). А в 1960-х – начале 1970-х годов он принял активное участие в еврейском национальном движении в Риге, сумев привлечь к нему внимание зарубежной диаспоры. Решающую роль в становлении самосознания профессора Брановера сыграло знакомство с Любавичским Ребе Менахемом-Мендлом Шнеерсоном, который поддержал его в период «отказа» и был его наставником.

С переездом в Израиль Герман Брановер, получив собственную лабораторию для МГД-исследований, продолжил общественную деятельность. В 1972 году он основал и возглавил Союз еврейской религиозной интеллигенции из СССР в Израиле и организовал при нем издательство «Шамир» — крупнейшее издательство литературы по иудаике на русском языке. Спустя 10 лет им был основан религиозно-философский журнал «В свете Торы» на иврите и английском. В том же году по поручению премьер-министра Израиля Герман Брановер разработал генеральный план трудоустройства иммигрантов из СССР. В 1992 году он был удостоен премии председателя Кнессета.

Редакцию «Лехаима» с профессором Брановером связывает давняя дружба. Мы гордимся этим и поздравляем Германа Герцевича с его юбилеем. Всегда рады его успехам и желаем активной творческой жизни до 120!

«Lехаим»